

Е.М. Шайхутдинов, В.М. Шафиров

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ

(ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

КРАСНОЯРСК
сфу 2007

УДК 341.7 (Т2-52)
ББК 67.3 (551)
Б90

Рецензенты: В.И. Леушин – д-р юрид. наук, проф. Уральской государственной академии, заслуженный юрист РФ; В.А.Санун – д-р юрид. наук, проф. Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Шайхутдинов Е.М., Шафиров В.М.

Б90 Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование): монография/ Ин-т естеств. и гуманитарн. наук СФУ. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2007. – 154 с.
ISBN978-5-9604-0057-4

В монографии исследуются теоретические и практические актуальные проблемы, связанные с природой акта толкования права (интерпретационного акта), его места в системе правовых актов, классификацией, а также особенностями юридической техники. Значительное место в работе уделено таким значимым правовым актам, как постановления Пленумов Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда, решения Конституционного Суда Российской Федерации. В монографии отражены основные сложившиеся научные подходы к названной проблематике, используются материалы судебной практики.

Предназначена преподавателям вузов, аспирантам и практическим работникам.

Печатается по решению методической комиссии
юридического факультета Сибирского федерального университета

© Институт естественных и
гуманитарных наук СФУ,
2007

© Шайхутдинов Е.М.,
Шафиров В.М., 2007

ISBN 978-5-9604-0057-4

**Federal Agency of Education
Siberian Federal University
Institute of Arts Sciences
Law department**

E.M. Shaikhutdinov, V.M. Shafirov

THE INTERPRETATING ACTS

(theoretically-applied research)

Krasnoyarsk
SFU 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	5
§ 1. Правовые акты: понятие, виды	7
§ 2. Интерпретационный акт как разновидность правового акта	15
§ 3. Проблемы правовой природы интерпретационных актов	21
§ 4. Функции интерпретационных актов	35
ГЛАВА II. ВИДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ	42
§ 1. Основные классификации интерпретационных актов	42
§ 2. Акты нормативного толкования	48
а) Особенности и виды актов нормативного толкования	48
б) Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов как особая разновидность актов нормативного толкования	54
в) Решения Конституционного Суда РФ в системе актов нормативного толкования	62
§ 3. Акты казуального толкования	73
ГЛАВА III. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ	81
§ 1. Юридическая техника: общая характеристика. Особенности юридической техники интерпретационных актов	81
§ 2. Стил ь и язык интерпретационных актов	91
§ 3. Специальные средства юридической техники интерпретационных актов	105
БИБЛИОГРАФИЯ	113

ВВЕДЕНИЕ

Развитие России как правового демократического и социального государства несет в себе новые ценности и ориентиры, в центре которых стоят основные права, свободы человека и гражданина. На основе человеческого измерения права обновляется законодательство, совершенствуется юридическая практика. В то же время в работе существенным образом обновляющегося механизма правового регулирования немало проблем, сложностей и даже «сбоев». Среди основных причин этого – неправильное понимание и реализация принципов и норм права. Данное обстоятельство актуализирует тему толкования права, прежде всего интерпретационных актов. Причем спрос на официально оформленные разъяснения растет со стороны всех субъектов права. И это не случайно. «С момента вступления в силу Конституции 1993 г. официальные разъяснения, например, высших судебных инстанций, все чаще затрагивают не только сугубо специальные, узкоюридические вопросы, нужные, понятные лишь профессионалам, но и вопросы, необходимые для уяснения и использования гражданами. Другими словами, интеллектуальное воздействие легального нормативного и легального казуального толкования направлено как на профессиональное, так и гражданское правосознание»¹. Интерпретационные акты являются самостоятельной разновидностью правовых актов, они объективируют теоретически и практически значимую деятельность компетентных органов публичной власти по разъяснению смысла и содержания нормативно-регулятивных средств (целей и задач права, принципов права, норм права).

К проблеме интерпретационных актов с различной степенью приближения обращались дореволюционные авторы, отечественные ученые советского периода, а также современные исследователи.

Дореволюционная юридическая литература характеризуется наличием работ общетеоретического характера, затрагивающих исследуемую тематику, например, Е.В. Васьковского, Л.И. Петражицкого, Б.Н. Чичерина.

В советской юридической науке основное внимание уделялось изучению роли и значения судебной практики, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда. Авторами работ того времени являются Л.С. Зивс, А.Ф. Черданцев, А.Я. Берченко, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, С.И. Вильнянский, Н.Н. Вопленко, Ф.А. Григорьев, А.С. Пиголкин, М.Д. Шаргородский, А.С. Шляпошников и др.

В современной теории права интерес к интерпретационным актам несколько возрос. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. исследовались от-

¹ Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 62.

дельные разделы названной тематики, а также смежные с исследуемым вопросом научные проблемы.

Так, в этой связи особенный интерес представляют работы В.В. Кошелевой, Д.А. Гаврилова, А.А. Тенетко, Т.Я. Хабриевой, В.Н. Карганова, В.В. Тарасовой, Н.Е. Таевой, А.Ф. Черданцева.

Среди зарубежных авторов, изучающих проблему интерпретационных актов и смежных вопросов, можно назвать Ж.-Л. Бержеля, Г.-Р. де Гротте, В. Захариева, И. Липпота и др.

Вместе с тем в сравнении с другими правовыми актами (нормативными, правоприменительными) проблема интерпретационных актов до сих пор не получила должной общетеоретической разработки.

Недостаточное осмысление исследуемого правового явления привело к тому, что интерпретационные акты незаслуженно «забыты» Концепцией системы классификации правовых актов РФ от 29.09.1999 г. (подготовленной при участии Российского фонда правовых реформ), не нашли своего отражения в Классификаторе правовых актов Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 15.03.2000 г. № 511.

Кроме того, законодательство Российской Федерации в двухтысячных годах пополнилось рядом системообразующих нормативных правовых актов – это новые Арбитражный процессуальный кодекс, Уголовный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и др. Событие, безусловно, долгожданное и заметное.

Однако противоречивость, несогласованность, в том числе и названных актов, очевидна как в теоретическом, так и в практическом приближении.

Например, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, равно как и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляет особенности производства арбитражных судов по делам об административных правонарушениях. При этом названные правовые акты предусматривают приоритет каждого из них перед другими федеральными законами (ст. 1.1 КоАП и ст. ст. 3, 202, 207 АПК)¹.

Учитывая приведенную ситуацию, пункт 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» разъясняет, что в случаях, когда в главе 25 АПК содержатся конкретные правила, то именно они подлежат применению при рассмотрении арбитражным судом дел о привлечении к административной ответственности (в частности, по результатам рассмотрения дела о привлечении к административ-

¹ Часть 3 ст. 30.1. КоАП РФ отсылает к арбитражному процессуальному законодательству только в отношении производства по пересмотру постановлений по делам об административных правонарушениях.

ной ответственности арбитражный суд принимает решение, а не постановление, как это предусмотрено в ст. 29.9 КоАП).

В такой ситуации особое значение приобретают акты, могущие хотя бы временно разрешить возникающие коллизии, – это *интерпретационные акты*.

Поэтому в монографии предпринята попытка комплексного изучения правовой категории интерпретационных актов, включающего исследование общего понятия интерпретационных актов как разновидности правовых актов, проблем правовой природы интерпретационных актов, их функций, основ классификации, особенностей отдельных разновидностей, а также юридической техники интерпретационных актов.

ГЛАВА I. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

§ 1. Правовые акты: понятие, виды

Правовой акт – важная, теоретически и практически значимая категория. Осмысление ее содержания, прежде всего, предполагает исследование семантического смысла термина «акт», его общенаучного значения.

Само слово «акт» (от лат. *actus* или *actum*) означает действие или документ¹, с английского языка переводится как 1) действие, деяние; 2) закон; акт, документ; 3) поступать, действовать. Толковый словарь определяет «акт» как единичное действие, поступок; постановление или документ, имеющий юридическое значение.

Современная философия рассматривает «акт» как особую разновидность *поведения* человека, его *деятельности*².

Выделяемые наукой признаки позволяют рассматривать категорию акта исключительно в *социальном* измерении. Природные, технологические события, влекущие наступление определенных общественных последствий, к актам не относятся.

¹ См.: Большой советский энциклопедический словарь. М., 1986. С. 33.

² *Поведение* определяется как присущее живым существам функциональное взаимодействие со средой, опосредованное психической и двигательной активностью. Поведение человека – основанная на природных предпосылках, но социально обусловленная, знаково (понятийно) опосредованная *система действий, поступков*, направленных на удовлетворение определенных потребностей, модификацией которых являются интересы, желания, стремления, установки. Или, другими словами, поведением называется социально значимая система действий человека.

Деятельность представляет собой целенаправленное взаимодействие человека с окружающей средой, осуществляемое на основе ее познания и направленное на ее преобразование для удовлетворения потребностей человека. С точки зрения юриспруденции, наибольшее значение имеет такая форма деятельности, как социализация, предполагающая включение человека в систему социальных связей, формирование социально адаптированного поведения. См.: Брудный А.А. Психологическая герменевтика: Учеб. пособие. М., 1998. С. 58, 146; Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 346; Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1987. С. 58.

К признакам *акта* (любого) обычно относят¹:

1) сознательный характер поведения, то есть осознание субъектом характера своего поведения, его значимости и возможных личных и социальных последствий;

2) волевой характер поведения, предполагающий возможность субъекта руководить своим поведением, направлять его к достижению желаемого результата;

3) социальную значимость поведения, предполагающую наступление полезных, вредных или нейтральных для общества последствий;

4) наличие объективированного результата поведения, выразившегося в качественном изменении общественных отношений вследствие совершения акта.

Рассмотренное семантическое значение слова «акт», его общенаучный (точнее, философский) смысл закладывают предпосылку неоднозначного понимания данного термина – как **действия** либо как некоторого **результата** такого действия. Это двоякое понимание является причиной некоторой двусмысленности и неопределенности и видового понятия акта – *правового акта*.

В современной правовой науке к признакам правового акта разные авторы относят²:

- 1) особую форму;
- 2) официальный характер, издание от имени особого властного компетентного субъекта;
- 3) общеобязательность;
- 4) регулятивный характер, способность порождать определенные юридические последствия;
- 5) волевою, сознательную природу правовых актов;
- 6) целевой характер;
- 7) основанность на принципе законности, способность служить юридической основой и гарантией осуществления законности.

Анализ приведенных признаков (с учетом семантики термина), существующих в юридической науке точек зрения позволяет рассматривать правовые акты как имеющие юридическое значение властные *действия*, либо как *объективированный результат* названных действий.

¹ См., например: Тихомиров Ю.А., Котелеская И.В. Правовые акты: Учеб.-практ. и справ. пособие. М., 1999. С. 15.

² См.: Воеводин Л. Толкование норм советского социалистического права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 16-18; Тихомиров Ю.А., Котелеская И.В. Правовые акты: Учеб.-практ. и справ. пособие. М., 1999. С. 18; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1962. С. 82; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 3. Свердловск, 1965. С. 7-16; Григорьев Ф.А. Признаки и классификация актов применения права // Вопросы теории государства и права. Вып. 1 / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1968. С. 94-97; Рабинович П.М. О юридической природе целей правовых актов // Правоведение. 1971. № 5. С. 28-35; Исаков Н.В., Малько А.В., Шопина О.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Правоведение. 2002. № 3. С. 18.

Предложенные понимания (первое условно отнесем к *социологическому*, второе – к *позитивистскому*) в юридической литературе обозначены нечетко. Обычно предлагаемые определения правовых актов содержат элементы как социологические, так и позитивистские, хотя последние, несомненно, имеют большее распространение¹.

В *социологическом* понимании правовой акт представляет собой любое *властное действие, имеющее юридическое значение*². Данная позиция максимально полно отражает семантическое значение термина.

С позиций социологического подхода основные черты правового акта можно охарактеризовать следующим:

во-первых, правовой акт порождает, изменяет или прекращает правовые отношения;

во-вторых, направлен на создание юридически значимых правил поведения индивидуального или общего характера;

в-третьих, предполагает действие одного субъекта права;

в-четвертых, осуществляется в особой правовой форме.

Рассмотрим названные характеристики более подробно.

Первый признак (способность порождать, изменять или прекращать правовые отношения) корреспондирует к правовой категории *юридического факта*.

В правовой науке под *юридическими фактами* понимают жизненные обстоятельства, влекущие возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Сравнительный анализ вышеприведенных признаков правовых актов и традиционно выделяемых характеристик юридических фактов³ дает возможность обозначить правовые акты и юридические факты как *видовое* и *родовое* понятия. Например, социальная природа правовых актов позволяет четко отграничивать их от такой разновидности юридических фактов, как события (поскольку последние не предполагают сознательно волевого опосредования, что, как уже было сказано, составляет одну из основных черт правовых актов).

Более сложным представляется разграничение правовых актов и юридических фактов-действий, поскольку обе названные категории имеют социальную природу. К правовым актам можно отнести только

¹ Например: «действие или документ, имеющий юридическое значение»; «документ, издаваемый государственным органом и содержащий общенормативные или индивидуальные предписания, составленный в предусмотренном законом порядке и порождающий определенные правовые последствия»; «официальный письменный документ, порождающий определенные правовые последствия, создающий юридическое состояние и направленный на регулирование общественных отношений»; «письменный документ, принятый уполномоченным субъектом права, имеющий обязательный характер и обязательную силу, выражающий властные веления и направленный на регулирование общественных отношений». См.: Большой юридический словарь. М., 2000. С. 15; Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Указ. соч. С. 17.

² Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 25.

³ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 72; Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984.

такие действия (юридические факты), которые направлены на создание юридически значимых правил поведения общего или индивидуального характера, предполагающие односторонний характер поведения одного субъекта права, осуществляющиеся в особой правовой форме.

С учетом сказанного некоторые разновидности юридических фактов, например, юридические поступки, или юридические акты, не предполагающие специальной правовой формы, к правовым актам не относятся.

Второй признак (направлен на создание юридически значимых правил поведения индивидуального или общего характера) предполагает формулировку актом юридически значимого правила, адресованного либо неопределенному кругу лиц (норма права), либо конкретно определенному субъекту правоотношений (индивидуально-правовое правило поведения).

Третий признак (опосредованность действием одного субъекта права) позволяет отличить правовой акт от согласованных действий нескольких субъектов права.

При этом выделение данного признака является достаточно спорным. По мнению Ж.-Л. Бержеля, юридический акт может основываться на воле одного или нескольких авторов, может быть односторонним, двух- и многосторонним¹. Подобную позицию разделяют некоторые отечественные авторы: Н.В. Исаков, А.В. Малько, О.В. Шопина². Вместе с тем, как было выше сказано, семантическое исследование слова «акт» позволяет определять его через волеизъявление *одного* субъекта. Соотношение понятий правового акта и правового соглашения (договора) представляет собой отдельную малоисследованную проблему, в рамках настоящей работы не рассматриваемую³.

Четвертый признак – особая правовая форма осуществления. Под правовой формой юридическая наука понимает способ организации содержания права, его внешнее проявление. Особая форма правового акта предполагает наличие установленного порядка (процедуры) осуществления актов-действий, включающего специальный правовой статус субъекта, который выполняет действия; особые средства их осуществления, например, правосудие; отправляет лицо, назначенное на должность в определенном законом порядке, соблюдая детально урегулированную процедуру, используя символы государственной власти (герб и флаг).

В *позитивистском* понимании правовой акт определяется как *объективизированный результат* юридически значимых действий, выраженный в установленной форме⁴.

¹ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 433.

² См.: Исаков Н.В., Малько А.В., Шопина О.В. Указ. соч. С. 20.

³ См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 1, 2. Екатеринбург. 2002.

⁴ См.: Большой юридический словарь. М., 2000. С. 15; Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 503; Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Указ. соч. С. 17.

Специфической чертой данного понимания является признание *формы выражения* правового акта в качестве его важнейшей черты.

К основным формам объективизации правового акта представляется возможным отнести *документальную* (письменную), *устную* и *конклюдентную* формы.

Под документом юридическая наука и практика понимает *материальный носитель с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи (фонограммы), изображения или их сочетания, предназначенный для передачи во времени и пространстве в целях общественного использования и хранения*¹. Документальный способ объективизации правового акта характеризуется, как правило, письменной формой, наличием специальных реквизитов (наименование, дата, место издания, подпись, печать и др.), структуры².

К *устным* правовым актам относятся различные распоряжения, приказы, не имеющие письменного выражения, объявленные *вербально*, например, распоряжения командира воинской части, обязательные для исполнения подчиненным личным составом.

Конклюдентные правовые акты предполагают выдачу обязательного предписания путем жестов, сигналов, например, регулировщика дорожного движения, маяка.

Все возрастающее значение имеет осмысление правовых актов также в рамках *естественно-правового понимания*.

Названное представление основано на том, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение правовых актов, деятельность законодательной, исполнительной и судебной власти. В данном понимании собственно *правовым* является только тот акт, который основан на ценностях свободы, справедливости, безусловной значимости человека. Человеческое измерение³ позволяет интегрировать положительные стороны всех названных выше представлений о правовом акте (естественно-правовое, позитивное, социологическое). При такой постановке вопроса является правомерным выделение понятия «юридический акт», охватывающего «неправовые» случаи объективирования результата властных юридически значимых действий.

Исходя из целей настоящего исследования целесообразным представляется *комплексное* осмысление категорий правового акта.

Таким образом, правовой акт – это объективированный результат юридически значимых действий, выраженный в установленной

¹ Статья 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 11.02.2002 № 19-ФЗ// Российская газета. 2002, 14 февр.

² Например, в соответствии со ст. ст. 167, 169, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при разрешении спора по существу суд принимает акт в виде решения, выносимого именем Российской Федерации, изложенного в форме отдельного документа, подписанного судьей, состоящего из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

³ О человеческом измерении права см.: Шафиров В.М. Указ. соч. С. 34 – 86.

форме, издаваемый властным органом в предусмотренном законом порядке, содержащий правила поведения общего или индивидуального характера.

Правовые акты можно **классифицировать** по различным основаниям, в том числе по форме выражения, содержанию, процедуре принятия, издавшим органам, наименованию, кругу лиц, на которых распространяется его действие, пространству и времени, которые охватываются действиями акта, внутренней структуре, принадлежности к той или иной отрасли права и т.д.¹

Наиболее значимыми представляются классификации в зависимости от формы выражения и содержания правовых актов.

По **форме выражения** выделяют ²:

- 1) конституции;
- 2) иные законы;
- 3) постановления и иные подзаконные акты законодательных органов;
- 4) указы и распоряжения главы государства, высших должностных лиц субъектов федерации;
- 5) акты органов исполнительной власти;
- 6) ведомственные правовые акты;
- 7) правовые акты местного самоуправления;
- 8) локальные правовые акты;
- 9) судебные акты.

По названному основанию представляется обоснованным выделять также документальные и недокументальные правовые акты.

Документальные правовые акты предполагают наличие четко определенной официальной письменной формы – документа, имеющего, как уже было сказано, свои реквизиты, как правило, структурированное содержание, изданного уполномоченным органом, должностным лицом. Недокументальные правовые акты не обладают названными признаками, выражены в *устной* или *конклюдентной* форме, о которых уже говорилось выше.

Основополагающим критерием классификации правовых актов является их **содержание**. В этом аспекте правовые акты подразделяются на *нормативные* (правотворческие) акты, *индивидуальные* (правоприменительные) и *интерпретационные* акты.

Нормативно-правовой акт можно определить как выраженный в *документальной* форме результат деятельности правотворческого органа, устанавливающий, изменяющий или отменяющий нормы права³. По-

¹ Российское законодательство знает примеры попыток официальной классификации правовых актов, в частности, классификатор правовых актов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 15.03.2000 № 511.

² См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Указ. соч. С. 29.

³ См.: Там же. С. 29.

нятие нормативного правового акта получило свое официальное закрепление¹.

Так, в Постановлении от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что «под *нормативным правовым актом* понимается изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом»².

Подобные попытки предпринимали и органы исполнительной власти, например, п. 3 Положения о нормативных правовых актах Государственного таможенного комитета Российской Федерации, утвержденного Приказом от 14.12.2000 № 1155, нормативный правовой акт определяется как письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм³.

Индивидуальный (правоприменительный) акт представляет собой объективированный результат деятельности правоприменительного органа, выражающий его властное волеизъявление, адресованный конкретно определенному, персонифицированному кругу лиц⁴.

В отличие от нормативного правового акта индивидуальный акт может издаваться как в письменной (документальной), так и в устной, конклюдентной формах.

¹ Особый интерес в этой связи представляет принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 13.05.1995 г. рекомендательный законодательный акт «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ», изданный, как указано в Постановлении, в целях упорядочения системы действующих в государствах-участниках Содружества нормативных правовых актов, создания стандартов подготовки и оформления проектов и повышения культуры правотворчества.

Названный акт определяет понятие и виды нормативных правовых актов государства-участника СНГ и их соотношение между собой, общий порядок их подготовки, опубликования, действия, разъяснения и систематизации, а также определяет способы разрешения юридических коллизий.

Статья 2 акта содержит следующее определение нормативного правового акта: «это письменный официальный документ установленной формы, принятый правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, то есть общеобязательных предписаний постоянного или временного характера, рассчитанных на многократное применение». См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. № 8. 1995 г.

² Российская газета. 2003. 25 янв.

³ См.: Таможенные ведомости. 2001. № 6.

⁴ См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Указ. соч. С. 29.

*Интерпретационный акт*¹ — это объективированный результат юридически значимых действий, выраженный в установленной форме, издаваемый властным органом в предусмотренном законом порядке, содержащий результат разъяснения правил поведения общего или индивидуального характера, а также фактических обстоятельств.

Интерпретационные акты можно подразделить на акты нормативного толкования (например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу толкования норм Конституции Российской Федерации), акты толкования индивидуальных правовых предписаний (например, постановление суда о разъяснении своего решения) и акты-разъяснения юридически значимых фактических обстоятельств (например, акт осмотра места происшествия).

При этом представляется, что правовые акты (в зависимости от субъекта, формы, цели издания) могут одновременно содержать *нормы права, правоприменительные предписания*, а также *результаты разъяснения* правил поведения общего или индивидуального характера, и / или фактических обстоятельств (носят *сложносоставной* характер).

В качестве примера такого сложносоставного акта можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2000 № 5-П, в резолютивной части которого Суд постановил: «1. Признать не противоречащим Конституции Российской Федерации положение подпункта "к" пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации "О налоге на добавленную стоимость", согласно которому от налога на добавленную стоимость освобождается получение авторских прав, поскольку в системной связи со статьями 1, 2, 3 и 7 названного Закона и статьями 1, 9, 15, 16, 30 и 31 Закона Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах" оно *означает* освобождение от налога на добавленную стоимость оборотов в виде вознаграждения, получаемого обладателем имущественных авторских прав на использование произведения от их приобретателя по авторскому договору... 3. В соответствии с частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" *дело ЗАО "Конфетти" подлежит пересмотру* в установленном законом порядке...»

В приведенном случае пункт первый резолютивной части формулирует *результат разъяснения правовой нормы*, пункт третий — *индивидуальное властное предписание*.

Думается, что подобный *сложносоставной* характер правового акта является вполне оправданным, предполагает возможность разрешения сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, урегулирования многообразных общественных отношений.

¹ Слово «интерпретация» (лат. *Interpretatio*) переводится как истолкование, объяснение. Под интерпретацией принято понимать «совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо элементам определенной теории». См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 184.

§ 2. Интерпретационный акт как разновидность правового акта

Интерпретационный акт — важная, теоретически и практически значимая категория. Ее исследование предполагает, в первую очередь, осознание того, что юридически значимая деятельность по толкованию права по своему объему охватывает интерпретацию *любых* явлений правового характера, в том числе *нормативные правовые акты, нормативно-регулятивные средства* права (принципы и нормы права), *индивидуальные* правовые предписания, договоры, фактические обстоятельства (например, следы преступления). Равно и интерпретационный акт может содержать результат толкования, в частности, закона, нормативного договора, правового обычая, юридического прецедента, а также отдельных принципов и норм, правоприменительных решений (например, определение суда о разъяснении судебного решения).

Охватить все изложенное в рамках одного исследования представляется затруднительным, с учетом чего настоящая работа направлена на исследование исключительно актов толкования *нормативно-регулятивных средств* права (принципов и норм)¹, *закрепленных в нормативно-правовых актах*.

С учетом сформулированных в предыдущем параграфе подходов в понимании правовых актов интерпретационный акт² может рассматриваться как **особая разновидность результата юридически значимых действий, выраженная в установленной форме, издаваемая властным органом в предусмотренном законом порядке, содержащая правила поведения общего или индивидуального характера**³.

Как уже было сказано, интерпретационный акт является одним из **видов** правовых актов.

Философские категории «род» и «вид» предполагают наличие *общих* черт исследуемых понятий, а также *специфических* характеристик, выделяющих видовое понятие в ряду ему подобных⁴.

¹ В целях избежания необоснованных повторов и тавтологий, используя в настоящей работе словосочетание «акты толкования норм права», авторы имеют в виду «акты толкования нормативно-регулятивных средств права», то есть акты толкования не только норм, но и принципов права, других нормативно-регулятивных средств.

² Чаще всего в юридической литературе интерпретационные акты определяют как разновидность правовых актов, содержащих разъяснение смысла юридических норм; юридически значимый документ, содержащий конкретизирующие нормативные предписания, направленный на установление действительного смысла и содержания нормы права. См.: Теория государства и права: Конспект лекций/ Под ред. А.В. Малько. М., 1999. С. 185; Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1973. Т.2. С. 195; Осипов А.В. Толкование права // Теория государства и права: Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 450.

³ Осмысление категории акта толкования права в социологическом понимании (в смысле *деятельности*) предполагает исследование самого *процесса толкования* права, что в рамках настоящей работы представляется нецелесообразным.

⁴ Так, например, В.В. Кошелева подразделяет признаки актов толкования норм права (официального толкования) на две группы: во-первых, это признаки, характеризующие всю систему актов официального толкования в целом как качественно однородную группу в рамках

К общим признакам правового акта и интерпретационного акта относятся (исследованные в первом параграфе) способность воздействовать на правовые отношения, выражать правила общего или индивидуального характера, обуславливаться волей субъекта права, объективироваться в особой правовой форме.

Вместе с тем исследуемая категория предполагает и ряд *особенностей*.

В юридической литературе в качестве *специфических* признаков интерпретационных актов выделяют следующие:

во-первых, они не создают новых норм права;

во-вторых, не имеют самостоятельного значения и действуют в единстве с толкуемыми нормативно-правовыми актами;

в-третьих, разделяют юридическую судьбу толкуемых актов¹.

Рассмотрим названные характеристики подробно.

Интерпретационные акты предполагают разъяснение уже существующих правовых принципов и норм.

тему актов официального толкования в целом как качественно однородную группу в рамках общей системы правовых актов (что подтверждается рядом общих признаков: акты официального толкования обладают государственной обязательностью; имеют определенную форму, аналогичную другим правовым актам и т.д., кроме того, акты официального толкования отличает их иерархичность, в соответствии с которой различные по своей юридической силе акты толкования находятся между собой в определенной взаимосвязи и располагаются в той же последовательности, которая установлена для нормативных актов, которые они толкуют, иерархичность, с одной стороны, проявляется в том, что наибольшей юридической силой обладают акты толкования Конституции РФ и конституционных законов, за ними следуют акты толкования обычных законов и подзаконных актов; с другой - иерархичность проявляется в связи с делением органов государства на вышестоящие и подчиненные. Акты толкования органов общей компетенции обладают большей юридической силой по отношению к аналогичным актам отраслевой компетенции, так же как и разъяснения вышестоящих органов по отношению к актам подчиненных им органов);

во-вторых, признаки, характеризующие внутреннюю структуру системы актов официального толкования (отличительной чертой актов официального толкования является то, что они не ставят своей задачей создание новых правовых норм, их назначение заключается именно в уяснении, разъяснении, смысловом и логическом обосновании действующего законодательства в целях его наиболее правильной и эффективной реализации; акты толкования имеют силу и значение только в течение срока действия толкуемых ими норм и в случае их отмены прекращают свое действие; в процессе правоприменения акты толкования сами по себе не имеют практического значения, их реализация происходит только в случае реализации толкуемой ими нормы, в связи с этим содержание актов официального толкования характеризуется в отличие от нормативных актов вспомогательным значением. «Практическим результатом конкретизации и уточнения норм права является установление в акте толкования организационно-вспомогательных правил, регулирующих и направляющих процессы усвоения смысла права и его реализации. ... Конкретизируя, уточняя веления разъясняемых правовых норм, интерпретационные правила тем самым организуют наиболее правильный в соответствии со смыслом норм процесс реализации действующего законодательства. И в этой связи их следует называть организационно-вспомогательными»). См.: Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 19; Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 34-35.

¹ Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 450.

В общепринятом понимании *правовая норма* (норма права) представляет собой правило поведения общего характера, установленное или санкционированное государством¹.

Норме права, по мнению М.Н. Марченко, корреспондируют признаки: а) непосредственная связь с государством (издаются или санкционируются государством); б) выражение ими государственной воли; в) всеобщий и представительно-обязывающий характер; г) строгая формальная определенность предписаний; д) многократность применения и длительность действия правовых норм; е) их строгая соподчиненность и иерархичность; ж) охрана норм права со стороны государства; з) применение государственного принуждения в случае нарушения содержащихся в нормах права велений².

*При этом основополагающей **родовой** характеристикой нормы права представляется ее способность устанавливать социально значимую **новую** модель поведения*³.

С позиций наиболее распространенной в юридической литературе точки зрения, интерпретационные акты не должны содержать новых правил поведения общего характера, ограничиваясь лишь выявлением и разъяснением смысла и значения ранее принятых норм⁴. Как отмечает О.В. Попов, «главное отличие толкования от правотворчества состоит в характере изменений, вносимых... в систему права. Если официальное толкование несет новую информацию о правовой норме, расширяет пределы знания о ней, то правотворчество имеет своим итогом *новые* регулятивные элементы, которых до этого в системе права не было»⁵.

Данная позиция представляется достаточно обоснованной.

Норма права является наиболее распространенным элементом в структуре такой разновидности правовых актов, как нормативные правовые акты, хотя и не единственным нормативно-регулятивным средством⁶.

Издание норм права - это особая разновидность юридической деятельности, называющейся *правотворческой*, которая, в свою очередь, является одной из важнейших форм осуществления функций государства в целом, государственной власти в частности⁷.

Из смысла ст.ст. 10-12, 71-73, 77 Конституции Российской Федерации следует, что государственная власть осуществляется в том числе

¹ Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 62-63.

² Большая российская юридическая энциклопедия. Кодекс// Электронная версия.

³ Об этом писали еще дореволюционные отечественные авторы, например, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий. См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве// Собр. соч. В 10 т. Т. 4. С. 66-67; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 261-262.

⁴ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 20.

⁵ Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 9.

⁶ См.: Шафиров В.М. Указ. соч. С. 149-198.

⁷ См.: Научные основы советского правотворчества/ Отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1981. С. 7.

путем издания правовых норм (нормативно-правовых актов)¹ в соответствии с принципами законности и компетентности. Орган государственной власти или местного самоуправления (а также предприятие или организация) вправе осуществлять *правотворческую* деятельность в пределах *исключительно* своих предметов ведения, компетенции, определенных на основании закона.

Так, например, п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 г. № 1009, закрепляет, что *нормативные* правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти. Структурные подразделения и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти *не вправе* издавать нормативные правовые акты².

Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»³ предусматривает полномочие по изданию нормативных правовых актов *исключительно* за федеральными министерствами, относя к компетенции федеральных служб и агентств только право принятия индивидуальных правовых актов.

Толкование принципов и норм права, а следовательно, и издание интерпретационных актов осуществляют органы государственной власти, местного самоуправления, предприятия, организации, не обязательно наделенные правотворческими полномочиями. *Формулирование в названных актах новых правил поведения общего характера недопустимо с точки зрения основополагающих признаков права, а именно его системности, и общеправовых принципов, например, законности.*

То есть, как считает А.Ф. Черданцев, правила, сформулированные в актах нормативного толкования, являются своего рода *интерпретационными* нормами, не содержащими каких-либо новых правил поведения, предписывающими лишь определенное понимание законов⁴.

С учетом мнения А.Ф. Черданцева представляется, что правила, сформулированные в интерпретационных актах, отвечая всем предложенным М.Н. Марченко признакам *правовой* нормы, не обладают ее родовой особенностью – *они не устанавливают новой модели поведения.*

¹ Согласно подпункту «а» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» под функциями по принятию нормативных правовых актов понимается *издание на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов обязательных для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами правил поведения, распространяющихся на неопределенный круг лиц.*

² См.: Российская газета. 1997. 21 авг.

³ См.: Российская газета. 2004. 11 марта.

⁴ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 2. С. 55.

При этом следует отметить, что способность формулировать интерпретационные *нормы* (разъяснения общего характера) является характеристикой исключительно актов *нормативного* толкования. Акты *казуального* толкования содержат выводы, разъяснения, адресованные конкретно определенному кругу лиц, носящие *индивидуальный* характер, которые не могут называться интерпретационными *нормами*.

Характеризуя содержание интерпретационного акта как такового (с учетом семантики термина *норма*), представляется правомерным говорить о том, что интерпретационные акты формулируют интерпретационные *правила* общего (интерпретационные нормы) или индивидуального характера.

Интерпретационные акты не имеют самостоятельного регулятивного значения, могут применяться исключительно в единстве с интерпретируемым актом.

Теоретическое (при этом официальное) обоснование названного признака дал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 1997 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹.

Конституционный Суд пояснил, что разъяснения, в частности Федерального закона, данные Государственной Думой, не имеют самостоятельного значения в отрыве от разъясняемых норм, неотделимы от этих норм, не могут применяться независимо от них, то есть содержание оспариваемых постановлений находится в неразрывном единстве с содержанием разъясняемых актов.

Правоприменительная практика, основанная на оспариваемых актах толкования Государственной Думы, находится в неразрывном единстве с практикой применения разъясняемых ими федеральных законов. При этом особенность данных актов состоит в том, что каждый из них неотделим от разъясняемой нормы закона, не может применяться независимо от нее. Любое правоприменительное решение, принятое на основе соответствующего оспариваемого акта, одновременно принято и непосредственно на основе разъясняемой им статьи закона.

Интерпретационные акты разделяют юридическую судьбу интерпретируемого акта.

По мнению Н.И. Матузова, данная характеристика следует из вышеприведенных признаков. Интерпретационный акт в силу отсутствия

¹ См.: Российская газета. 1997. 22 нояб.

собственного самостоятельного значения прекращает свое действие с момента утраты истолкованным актом юридической силы¹.

Вместе с тем, как считает А.Ф. Черданцев, акты, толкующие нормативно-правовые акты (точнее, содержащиеся в них нормы), далеко не всегда разделяют их судьбу. Немало примеров, когда толкуемый акт уже прекратил действие, а акт толкования продолжает еще длительное время действовать².

Российское законодательство не исключает такой возможности. Например, в соответствии со ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»³ Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики, по вопросам своего ведения принимает постановления, обязательные для арбитражных судов в Российской Федерации. При этом законодательством не определен порядок вступления в силу и прекращения действия названной разновидности правовых актов. В связи с этим в практике возникают случаи, когда арбитражными судами (и судами общей юрисдикции) при разрешении дел применяются постановления, разъясняющие нормативные правовые акты, уже утратившие силу. Характерным примером может служить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам»⁴, которое содержит толкование норм, в частности Арбитражного процессуального кодекса, принятого еще в 1992 г. Причем названное Постановление действует и применяется до настоящего времени, несмотря на то, что в 1995 и 2002 гг. принимались новые арбитражные процессуальные кодексы.

По обоснованному мнению А.Ф. Черданцева, судьба интерпретационного акта зависит от следующих условий:

а) если нормативный акт отменен полностью, то теряет силу и акт его истолкования;

б) если нормативный акт заменен другим, в котором не содержится норм, аналогичных отмененному, то перестает действовать интерпретационный акт;

в) если в новом нормативном акте содержатся нормы, *аналогичные* тем, которые содержались в ранее действовавшем нормативном акте, то сохраняют силу положения акта толкования, относящиеся к истолкованию сохранившейся и в новом акте нормы;

г) если в новом нормативном акте аналогичная норма подверглась изменению, но в ней сохранились термины и выражения, употребленные в том же значении, что и в старом отмененном нормативном акте, то со-

¹ Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 450.

² Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 2. Екатеринбург, 2002. С. 58.

³ См.: Российская газета. 1995. 16 мая.

⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1992. № 1.

храняют свое действие те положения акта толкования, которые относятся к истолкованию указанных терминов и выражений.

Таким образом, судьба разъяснений зависит не столько от судьбы толкуемого нормативного акта, сколько от судьбы норм, в нем сформулированных, ибо те или иные нормы при отмене одного акта могут «перекочевать» в другой, принятый взамен старого, а значит, может сохраниться и значение разъяснений относительно такой нормы.

Следовательно, действие во времени интерпретационного акта находится в пределах действия во времени интерпретируемой нормы¹.

Данная позиция представляется вполне правомерной, хотя думается, что рассматриваемая проблема может быть разрешена только путем установления на законодательном уровне четких критериев порядка вступления в силу и прекращения действия интерпретационных актов.

§ 3. Проблемы правовой природы интерпретационных актов

Правовая природа интерпретационных актов сравнительно (например, с нормативными правовыми актами) мало изучена.

По мнению А.Ф. Черданцева, раскрытие юридической природы актов толкования предполагает рассмотрение вопросов о наличии у субъектов толкования правотворческой компетенции; о возможности отнесения указанных актов к нормативным; о их общеобязательности; возможности отнесения, наконец, к источникам права².

С учетом сказанного представляется, что к основным проблемам правовой природы интерпретационных актов следует отнести определение:

- их места в *структуре* толкования права;
- возможности *вторичной* интерпретации интерпретационных актов;
- юридической *силы* интерпретационных актов;
- их соотношения с *источниками* права;
- их соотношения с *правоположениями*.

Исследование вопроса **места интерпретационных актов в структуре толкования права** предполагает, прежде всего, осмысление такого правового явления, как толкование права.

Толкование права как разновидность интерпретационной деятельности - это одна из древних и традиционных проблем юридической науки³.

Единство мнений по поводу того, что следует понимать под толкованием, было достигнуто сравнительно недавно⁴.

¹ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 58.

² См.: Там же. С. 52.

³ См.: Соцуру Л.В. Неофициальное толкование норм права. М., 2000. С. 5.

⁴ См.: Волленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С.5.

В советской юридической литературе первоначально толкование права определялось как *уяснение* смысла правовых норм¹. Уяснение понималось как «внутренний мыслительный процесс, происходящий в сознании» лица, толкующего норму, направленный на познание нормы и выявление ее смысла².

В работах других авторов³ выдвигалась иная точка зрения. Толкование права интерпретировалось исключительно как *разъяснение* норм права, то есть своего рода объективизация мыслительной деятельности по уяснению смысла нормы, доведение результата уяснения до адресатов.

В современной литературе общепризнанной является позиция, высказанная достаточно давно⁴, которая объединяет названные понимания: толкование норм права – это уяснение и разъяснение их смысла (хотя некоторые современные исследователи, правда, без какой-либо аргументации, разводят толкование права и разъяснение права, например, как различные способы разрешения юридических коллизий)⁵.

С учетом сказанного представляется возможным для целей настоящей работы определить толкование норм права как *процесс, деятельность по уяснению и разъяснению смысла норм права*.

Обычно в юридической литературе *интерпретационные акты* рассматривают как один из *элементов структуры* названной деятельности по уяснению и разъяснению смысла правовых норм⁶.

В структуре толкования правовых норм традиционно выделяют субъект (участник) толкования, объект⁷, правовые действия, приемы и способы, результат и, наконец, форму⁸.

При этом интерпретационный акт относят к *форме* толкования норм права.

В философском понимании *форма* представляет собой оболочку, внешнюю составляющую явления, совокупность характеристик, выражающих вовне его сущность и содержание⁹.

Интерпретационный акт как *форма* толкования норм права неразрывно связан с *другими элементами* структуры интерпретационной деятельности. Так, под *субъектом* толкования понимают лицо (орган, организацию), производящее уяснение и разъяснение содержания норм права. В зависимости от юридической значимости результата толкования выделяют субъектов, обладающих властными полномочиями по

¹ См.: Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969. С. 33.

² См.: Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения / Закон: создание и толкование. М., 1998. С. 67.

³ См.: Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 240.

⁴ См.: Вопленко Н.Н. Указ. соч. С. 5.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 86.

⁶ См.: Соцуро Л.В. Указ. соч. С. 14.

⁷ Некоторые авторы разграничивают объект и предмет толкования, под последним обычно понимают историческую волю субъекта правотворческой деятельности.

⁸ См.: Соцуро Л.В. Указ. соч. С. 14.

⁹ См.: Краткая философская энциклопедия. С. 489.

толкованию (разъяснению) правовых норм, и субъектов (или участников, в терминологии Л.В. Сокуро), таким статусом не обладающих.

С учетом исследованных в настоящей работе черт интерпретационных актов представляется, что *интерпретационные акты объективируют* интерпретационную деятельность только *властных* субъектов толкования. В частности, ст. 125 Конституции РФ закрепляет за Конституционным Судом РФ право официального толкования Конституции, а ст. 10 Федерального закона «О международных договорах РФ» предусматривает возможность такого полномочия у Министерства юстиции РФ.

Форма объективизации деятельности по толкованию норм права субъектов, официальным (властным) статусом не обладающих (ученых, комментирующих законодательство, юристов, дающих консультации, и др.), признаками интерпретационного акта не отвечает.

К *объекту* толкования относят те явления правового характера, которые подлежат уяснению и последующему разъяснению в процессе толкования. Так, Л.В. Сокуро к объекту толкования относит «нормы права и регулируемые ими общественные отношения»¹. По мнению И. Грязина, «право вообще не может существовать, не будучи воплощенным в текстуальную форму»², а И.П. Малинова поясняет, что под текстовыми носителями можно подразумевать любую знаковую систему³. С учетом же мнения Г.А. Антипова, что все социальные (и другие) предметы можно рассматривать в качестве текстов⁴, к объекту толкования права можно отнести любые явления правового характера.

В зарубежной юридической науке к объектам толкования относят юридические правила и юридические акты. Под *юридическим правилом* понимают любую властно установленную норму⁵, а *юридический акт* определяется как любой невластный акт, вносящий изменение в юридическую ситуацию (например, исковое заявление в суд)⁶.

Рассматриваемые элементы толкования – интерпретационный акт и объект толкования, *взаимно обусловлены*.

Например, такой интерпретационный акт, как *заключение* Министерства юстиции Российской Федерации, может содержать на основании ч. 2 ст. 10 Федерального закона «О международных договорах» толкование *норм международных договоров* (объект), при этом в таком акте не может быть дано *официальное* толкование норм Конституции Российской Федерации или Уголовного кодекса.

Напротив, особенности такого *объекта* толкования, как *нормы Конституции* Российской Федерации, предполагают единственно воз-

¹ Краткая философская энциклопедия. С. 17.

² Малинова И.П. Юридическая герменевтика и правопонимание. Екатеринбург, 1999. С. 11.

³ Там же. С. 12.

⁴ См.: Антипов Г.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989. С. 17-18.

⁵ Бертель Ж.-Л. Указ. соч. С. 420.

⁶ Там же. С. 433.

можную *форму* официального толкования – постановления Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовые действия, способы и приемы толкования раскрывают динамику процесса толкования правовых норм¹.

Правовые действия представляют собой совокупность юридически значимых действий по уяснению и разъяснению норм права². Конечно, мыслительный процесс, в рамках которого происходит уяснение смысла правовой нормы, внешне не выражается ни в каких действиях, имеющих юридическое значение. Поэтому к правовым действиям следует относить в основном действия, совершающиеся в процессе *разъяснения* содержания юридической нормы.

При этом *правовые действия*, с одной стороны, фактически создают интерпретационный акт, обуславливают процесс его создания, с другой - сам *интерпретационный акт* определяет состав необходимых правовых действий.

Представляется, что взаимодействие формы толкования и правовых действий достаточно хорошо иллюстрирует ст. 72 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»:

«Решение Конституционного Суда Российской Федерации принимается открытым голосованием путем поименного опроса судей. Председательствующий во всех случаях голосует последним.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации считается принятым при условии, что за него проголосовало большинство участвовавших в голосовании судей, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным конституционным законом.

В случае, если при принятии решения по делу о проверке конституционности нормативного акта, договора между органами государственной власти, не вступившего в силу международного договора Российской Федерации, голоса разделились поровну, решение считается принятым в пользу конституционности оспариваемого акта. Решение по спорам о компетенции во всех случаях принимается большинством голосов.

Решение о толковании Конституции Российской Федерации принимается большинством не менее двух третей от общего числа судей.

Судья Конституционного Суда Российской Федерации не вправе воздержаться при голосовании или уклониться от голосования».

Способ толкования – понятие более емкое, чем прием, включает в себя ряд технических приемов и средств познания. *Прием* же означает конкретное познавательное действие (например, анализ, сравнение, аналогия)³.

¹ См.: Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 76-77.

² Соцуру Л.В. Указ. соч. С. 19.

³ Воппенко Н.Н. Указ. соч. С. 7.

Способы и приемы толкования формируют содержание интерпретационного акта, раскрывают смысл и содержание толкуемой правовой нормы.

Результат толкования воплощает в себе всю множественность операций и действий, приемов и способов, интеллектуально-волевое усилие субъектов толкования норм права. По существу результатом толкования является *установление смысла* нормы права путем формирования, следуя терминологии А.Ф. Черданцева, особой интерпретационной нормы¹. Результат толкования составляет содержание интерпретационного акта, обуславливает его значение.

Аспект понимания **вторичной интерпретации интерпретационных актов** практически не изучен.

Современная философия различает первичные и вторичные интерпретации. Объектом первых выступают «вещи», то есть реальные события, объекты природы, человеческой деятельности, вторых - тексты, то есть своего рода некие результаты уже осуществленной интерпретации².

С этой точки зрения, любые *правовые* тексты уже представляют собой результат интерпретации. Законодатель (в романо-германской правовой семье), судья (в англосаксонской), любой другой субъект правотворчества, осмысливая развитие отношений в обществе, разъясняют результаты своего осмысления (уяснения) в юридических текстах. В этом случае объектом интерпретации будут выступать общественные процессы, а сама интерпретация в рамках правотворческой деятельности будет носить первичный характер.

Названная позиция нашла свое выражение и в юридической литературе. Так, по мнению болгарского ученого В. Захариева, принципиальные различия между толкованием норм права и истолкованием других явлений природы и общества отсутствуют³.

Принятие такого подхода предполагает признание *нормы права* результатом *первичной* интерпретации (осуществляемой правотворческим органом). При этом собственно *интерпретационные акты* могут характеризоваться как форма интерпретации уже *вторичной*.

При такой постановке вопроса *последующее* толкование интерпретационных актов является *имманентным*.

Вместе с тем отечественные авторы приведенное, назовем его широким, понимание не разделяют⁴. Традиционно объектом *правовой* (юридической) интерпретации признаются юридические тексты, или, точнее, содержащиеся в них принципы и нормы права. Признание такого подхода позволяет четко отграничить интерпретационную деятель-

¹ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 2. Екатеринбург, 2002. С. 27.

² См.: Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации// Вопросы философии. 1999. №11. С. 8.

³ Захариев Васил. Тълкуване на правото. София, 1959. С. 3.

⁴ См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 1. С. 3.

ность (соответственно интерпретационные акты) от других видов правовой деятельности (соответственно правовых актов), в том числе правотворческой и правоприменительной. С учетом этого для целей настоящей работы данное понимание представляется более предпочтительным.

В рамках такого подхода интерпретационные акты представляют собой форму *первичного* толкования. Толкование же интерпретационных актов собственно толкования *норм права* не предполагает (так как акт толкования не издает новых норм), в связи с чем в виде самостоятельного интерпретационного акта не оформляется.

Интерпретация интерпретационных актов предполагает своего рода «разъяснение разъяснения», может оформляться в виде специального документа, например, определения Конституционного Суда о разъяснении своего решения (ст. 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Необходимость вторичной интерпретации актов толкования, как правило, вызвана недостаточно высоким уровнем юридической техники интерпретатора, допустившего неясность или двусмысленность формулировки, либо правовой культуры правоприменителя.

Вторичная интерпретация интерпретационных актов выступает, очевидно, в большинстве случаев негативным, хотя и неизбежным явлением¹.

Проблема юридической силы интерпретационных актов представляется актуальной в двух аспектах: в случае возникновения коллизии между интерпретационным и интерпретируемым актом либо при коллизии различных интерпретационных актов.

В первом случае (коллизия между интерпретационным и интерпретируемым актом) предполагается неверное толкование закона, сужающее или расширяющее его истинный смысл. Чем следует руководствоваться правоприменителю, если акт толкования предположительно содержит элемент неправильной интерпретации?

По мнению Е. Васьковского, акты нормативного толкования принимаются к руководству независимо от своей правильности, поскольку они являются позднейшими нормами, которые отменяют предыдущие в тех частях, где существует их противоречие².

А.Ф. Черданцев отмечает, что интерпретационные акты являются актами подзаконными, а в случае противоречия закона и принятого на его основании подзаконного акта правоприменитель должен руководствоваться законом. Неправильное официальное толкование должно

¹ Возможность последующей интерпретации актов толкования норм права допускает и законодатель. В частности, ст. 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает возможность официального разъяснения актов толкования норм права Конституционного Суда. Практика названных разъяснений не получила широкого распространения. За первые 10 лет деятельности Конституционного Суда заинтересованные лица обратились за разъяснениями всего 24 актов. Например, Определение от 7 октября 1997 г. № 88-О.

² Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 30.

отвергаться на основе истинного и аргументированного толкования органа, применяющего нормы¹.

Свою позицию занял Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17.11.1997 г. № 17-П. Раскрывая природу постановлений Государственной Думы Российской Федерации, истолковавших нормы Федерального закона, Конституционный Суд указал, что акт законодательного органа, посредством которого осуществляется официальное разъяснение федерального закона, имеет силу толкуемого закона, должен приниматься, подписываться и обнародоваться в порядке, предусмотренном для федерального закона. То есть в данном случае интерпретационный акт издается в форме акта интерпретируемого, противоречие между ними разрешаются по общепринятым правилам (преимущество специального закона, а также позднее изданного)².

Представляется, что проблема *юридической силы* акта толкования в рассматриваемом аспекте не может быть разрешена однозначно. Например, *акт официального нормативного аутентичного толкования должен иметь силу интерпретируемого акта*, поскольку его принимает орган, принявший интерпретируемый акт, и издаваться в такой же *форме*. Например, толкование закона Красноярского края, осуществляемое Законодательным Собранием Красноярского края, должно оформляться в виде такого же закона³. Сходная норма содержится в ч. 1 ст. 60 Устава города Красноярска, согласно которой официальное толкование правовых актов города производится органами, их издавшими, посредством *актов, принимаемых и оформленных в порядке, который установлен для толкуемых актов*.

Юридическая сила *акта официального нормативного легального толкования* зависит от компетенции издавшего его органа. Интерпретационный акт (в зависимости от статуса принявшего его органа) может иметь *надзаконный* (постановления Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования Конституции), *подзаконный* (например, постановления Пленумов Верховного и Высшего арбитражного судов) либо *правоприменительный* (например, решение суда общей юрисдикции) характер. При этом во всех названных случаях (относительно актов и аутентичного и легального толкования) правоприменительные органы не вправе отступать от официального толкования истолкованной нормы. Данный вывод основан на природе самих актов официального нормативного толкования, о чем пойдет речь ниже.

Вместе с тем иная разновидность актов официального толкования – акты *ненормативного, казуального толкования* по определению не могут приниматься в форме интерпретируемого акта и конкурировать не-

¹ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 2. С. 55.

² Российская газета. 1997. 22 нояб.

³ Хотя на практике Законодательное Собрание Красноярского края неоднократно пыталось истолковать принятые им законы информационными письмами, что противоречит в том числе Уставу Красноярского края (ст. 97), такой документ не может рассматриваться как акт нормативного аутентичного толкования.

посредственно с нормативным актом. Акты казуального толкования не имеют общего характера и, следовательно, не могут конкурировать с документом, содержащим нормативные предписания. Несоответствие акта казуального толкования интерпретируемому акту может быть устранено вышестоящим органом, наделенным соответствующей компетенцией.

Проблема юридической силы актов толкования во **втором названном аспекте** (коллизия различных интерпретационных актов) обусловлена возникающими противоречиями между интерпретационными предписаниями, выводами, изложенными в различных актах толкования.

В качестве одного из последних примеров подобной коллизии можно привести такую ситуацию.

Верховный Суд Российской Федерации в решении от 28 марта 2002 г. сформулировал вывод – «плата за загрязнение окружающей природной среды по своей правовой природе обладает всеми признаками налога, перечисленными в статье 8 Налогового кодекса Российской Федерации (обязательна, индивидуально безвозмездна, представляет собой отчуждение денежных средств плательщика для финансирования государства)».

Данное толкование повлекло признание Верховным Судом незаконным Постановления Правительства Российской Федерации от 28 августа 1992 г. № 632 «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия».

10 декабря 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении № 284-О дал иное толкование – «платежи за негативное воздействие на окружающую среду не обладают рядом признаков, присущих налоговому обязательству в его конституционно-правовом смысле, как он определен Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 11 ноября 1997 года, и, следовательно, не включаются в систему налогов, которая согласно статье 75 (часть 3) Конституции Российской Федерации подлежит установлению федеральным законом. Поэтому на них не может быть распространен вытекающий из статей 57, 71 (пункт "з"), 75 (часть 3) Конституции Российской Федерации и сформулированный на их основе Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 4 апреля 1996 года и от 11 ноября 1997 года критерий правомерности налоговых платежей, в соответствии с которым налоговый платеж может считаться законно установленным лишь при условии, что все существенные элементы налогового обязательства, в том числе размер платы, определены непосредственно федеральным законом».

Приведенное толкование Конституционного Суда в данном конкретном случае повлекло изменение позиции Верховного Суда, последующее признание законности оспоренного Постановления Правительства.

Представляется, что коллизии между интерпретационными актами должны разрешаться по общим правилам, выработанным теорией, в первую очередь, исходя из места субъекта, давшего толкование, в системе органов власти¹.

До настоящего времени в юридической науке остается актуальным вопрос о возможности отнесения интерпретационных актов к источникам права².

Названная проблема не относится к числу легко разрешимых. Представляется, что ее разрешение может быть обусловлено следующим.

Во-первых, это осознание *сложносоставной природы* правовых актов, отвечающих характеристикам интерпретационных актов.

Как уже говорилось выше, в зависимости от субъекта, формы, цели издания правовой акт может содержать признаки, одновременно отвечающие *интерпретационным и правотворческим* актам.

В качестве примера можно привести Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.1999 № 18-П, в резолютивной части которого Суд постановил: «...2. Придание нормам абзацев третьего и шестого пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации... на 1998 год" обратной силы применительно к индивидуальным предпринимателям, занимающимся частной практикой нотариусам, а также адвокатам в качестве плательщиков страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, которые в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 года не должны были их уплачивать в период с 25 августа по 31 декабря 1998 года, *не соответствует* статье 57 Конституции Российской Федерации, поскольку этим нарушается конституционный запрет ухудшения положения плательщиков при возложении на них обязательных финансовых обременений.

...4. Впредь до установления законодателем нового правового регулирования индивидуальные предприниматели, занимающиеся частной практикой нотариусы, главы крестьянских (фермерских) хозяйств и адвокаты уплачивают в Пенсионный фонд Российской Федерации страховые взносы за 1999 и 2000 годы в установленном Федеральными законами от 4 января 1999 года "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации... на 1999 год" и от 20 ноября 1999 года "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации... на 2000 год" в размере 20,6 процента от заработка (дохода).

¹ Примером такой конкуренции является также Постановление Конституционного Суда от 19.05.1992 «По делу о проверке конституционности Постановления Верховного Совета РСФСР от 18 декабря 1991 года «О толковании статьи 183 Конституции (Основного закона) РСФСР», которым толкование, данное Верховным Советом, признается искаженным, само постановление – неконституционным.

² См.: Кошелева В.В. Указ. соч. С. 33.

После введения нового правового регулирования излишне уплаченные страховые взносы подлежат зачету в счет будущих платежей»¹. В приведенном примере пункт второй резолютивной части характеризует Постановление как акт *толкования*, пункт четвертый – как *правотворческий акт*.

Во-вторых, это признание необходимости *дифференциации* актов толкования².

Попытка формулирования выводов, равно применимых ко всем разновидностям интерпретационных актов, представляется нецелесообразной. Сравнительный анализ источников права и интерпретационных актов, исходя из особенностей различных видов интерпретационных актов, будет проведен ниже.

В-третьих, это осознание некоторой *неопределенности* в понимании самих *источников права*.

С.Ф. Кечекьян отмечал в этой связи, что оно «принадлежит к числу наиболее неясных в теории прав. Не только нет общепризнанного определения этого понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором употребляются слова «источник права». Ведь «источник права» – это не более как образ, который скорее должен помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением».³ Эта мысль, высказанная более 40 лет назад, актуальна и сегодня. Многозначность данного понятия как научной категории приводит к серьезным проблемам.

В дореволюционной юридической литературе термин «источник права» определялся как формализованный акт, откуда черпаются, проистекают сведения о правиле поведения⁴.

Также под источником права понимались силы, причины, образующие право. Н. Чижов в своем труде «Источник и формы права» писал, что «на пути отыскания источника права человек подходил к более или менее ясному пониманию права. Так что разрешение вопроса об ис-

¹ Российская газета. 2000. 19 янв.

² С.Л. Зивс, характеризующий природу руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР, считал, что основной порок теоретических разработок данного вопроса «состоит в том, что в них характеристика руководящих указаний Пленума дается исходя из *общего* понятия судебной практики. Как правило, применяется единая правовая оценка и постановлений Пленума Верховного Суда СССР, и судебной практики в самом широком смысле. Причем иногда в работах даже уравниваются стандартная модель единообразного применения нормы права и основанное на суммарном анализе руководящее указание Пленума Верховного Суда. В отдельных случаях под судебной практикой подразумевается даже единичное судебное решение или несколько однообразных по своей конструкции интерпретационных решений суда первой инстанции. Вследствие этого отдельные выводы, которые могли бы иметь положительное значение для раскрытия принципиальных черт руководящих указаний Пленума, теряют свою научную эффективность, как только они распространяются на всю категорию судебной практики». (Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 176.)

³ Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 11. М., 1946. С. 98.

⁴ См.: Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты и проблемы) // Правоведение. 1992. № 2.

точнике права шло (и будет идти) в связи с определением понятия права. Определить же понятие права – значит усвоить право. Вот почему вопрос об источнике права может быть сведен к усвоению, определению человеком права»¹.

Некоторые ученые предлагали заменить понятие «источник права» понятием «формы права», которое, по их мнению, помогало вести «исследование права более глубоко и всесторонне». Но такая позиция не получила широкой поддержки в литературе².

Большинство же исследователей под юридическим источником права понимают форму³, в которой выражено правило, сообщающее ему качества правовой нормы; тот единственный «резервуар», в котором пребывают юридические нормы; формы выражения и установления правовых норм⁴.

При этом последняя формула толкуется неоднозначно. Так, одни авторы имеют в виду нормотворческую деятельность государства, другие – результат этой деятельности (различные нормативные акты, декреты), третьи объединяют и то и другое общим понятием «внешняя форма права».

Признание источника права официальной формой выражения и закрепления правовых норм, как обоснованно отмечает Л.А. Морозова, приводит к невозможности отнесения к нему многих реально существующих правовых явлений⁵: правовой доктрины, судебной практики, а также и интерпретационных актов. По мнению ученой, более адекватно понимание источника права как *системы социальных факторов и явлений* действительности, которые служат базой (фундаментом) процесса зарождения правовых норм⁶. При таком понимании источников права возможность отнесения интерпретационных актов к их числу не вызывает сомнений.

Однако, по справедливому замечанию П.Е. Недбайло, правовые нормы отличаются от других социальных норм, в частности, тем, что они «устанавливаются в определенных формах..., служащих формальными основаниями их общеобязательности». По мнению П.Е. Недбайло,

¹ Цит. по: Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть 2. Теория права. Т. 1. М., 1996. С. 121.

² Зивс С.Л. Указ. соч. С. 30.

³ См.: Сырых В.М. Теория государства и права. М., 1998. С. 96.

⁴ В современной юридической науке проблема понятия источника права не нашла своего однозначного разрешения. Ряд авторов для достижения большей четкости предлагают выделять источники права в материальном, идеологическом и в формально-юридическом смысле. В материальном понимании источником права признаются материальные условия жизни общества; экономические, социальные условия жизни людей, которые определяют государственную власть и выступают правообразующей силой общества. В идеологическом смысле источники права представляют собой совокупность идей, правовое сознание, концепции, политико-правовые воззрения и т.д. В формально-юридическом понимании источник права есть совокупность способов возведения в закон воли политических сил, стоящих у власти.

⁵ См.: Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 20.

⁶ См.: Там же. С. 19.

именно эти формы придают содержащимся в них правилам официальное, нормативное значение¹.

«Норма права не существует и не может существовать вне источника права - оболочки бытия правовой нормы»², - писал Л.С. Зивс.

Представляется, что для целей настоящей работы более целесообразно определять *источник права как внешнюю форму объективации правовой нормы*. Только объективированная («в определенной форме») норма есть общеобязательная, правовая норма, реализация которой обеспечивается различными средствами государственного воздействия. При таком подходе интерпретационные акты не являются источниками права, поскольку не объективируют *норм* права.

Теория «**правоположений**», утвердившаяся в советской правовой науке в 1970-е гг., в рамках данного исследования заслуживает отдельного рассмотрения.

Уже в 40-е гг. XX столетия С.И. Вильнянский, обосновывая тезис о необходимости признания за судебной практикой значения источника права, считал, что многократно повторяющееся одинаковое судебное решение приобретает нормативное значение, становится *правоположением*, включающемся в состав объективного права³.

Точка зрения о нормативном характере правоположения не относится к числу общепризнанных в современной юридической науке.

По мнению С.Н. Братуся, В.В. Лазарева (это мнение общепринято), правоположения есть выработанные практикой и ею воспринятые *положения*, содержащие образцовые правила, которые разрешают конкретные споры с соответствующей и достаточно убедительной правовой аргументацией, официально опубликованные (лишь в этом случае являющиеся обязательными), в силу чего они приобретают общий и нормативный характер для широких кругов правоприменителей⁴. В этом случае они воздействуют на выработку не только судебной политики, но и принципов права, совершенствование законодательства, то есть имеют определенное правотворческое значение. Правоположения формируются судебной практикой, способствуют единообразному толкованию и применению правовых норм, углубленному пониманию сложных юридических категорий в «реальном свете».

По мнению А.Б. Венгерова, характеризующиеся такими признаками положения фактически относятся к судебному прецеденту⁵. Необходимость отдельного их выделения и изучения вызвана непризнанием судебного прецедента в качестве официального источника российского права.

¹ Недбайло О.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 34.

² Зивс С.Л. Указ. соч. С. 9.

³ Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Учен. труды ВИ-ЮН. М., 1947. Вып. IX. С. 244.

⁴ Судебная практика в советской правовой системе/ Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. С. 5-6.

⁵ Теория государства и права. М., 1996. Ч. 2. Т. 1. С. 129-134.

С точки зрения Е.В. Колесникова, правоположения не являются полноценными юридическими нормами. «Суды, осуществляя судопроизводство, обеспечивают реальную связь между существующими социальными отношениями и юридическими нормами. Субъекты правоприменительной деятельности на основе логических законов проводят процесс квалификации, выстраивая для этого силлогизм, где роль большей посылки играет норма, а меньшей – фактические обстоятельства, исследуемые в связи с рассматриваемым делом. Они конкретизируют и детализируют общие нормы, раскрывают содержание оценочных правовых понятий и вырабатывают *правоположения* - прообраз полноценной нормы»¹. Это тем более важно, что в условиях демократической государственности невозможен отказ в правосудии (например, ввиду отсутствия или неполноты закона). Поэтому суды, обнаруживая нормативные установления, коллидирующие с истолкованной нормой, вынуждены создавать временные правила *ad hoc* (для данного случая), которые потом нередко воспринимаются не только практикой, но и самим законодателем. В основе подобных судебных решений лежит, как указывает видный английский юрист Эдуард Дженкс, специальный принцип (прием) *ratio decidendi*, то есть аргументы в пользу вынесенного решения².

По справедливому замечанию О.В. Попова, «термин «правоположение» весьма неопределен и многозначен... к нему можно отнести 1) положения, созданные судами в результате официального разъяснения норм права, раскрывающие смысл законов, и 2) положения, созданные судами в результате конкретизации, восполнения пробелов и исправления норм законов, которые, однако, *не обладают* всем набором признаков правовых норм»³.

Видимо, правоположение представляет собой особый результат (элемент структуры) толкования правовых принципов, норм, характеризующийся особенными:

- предпосылками возникновения;
- субъектами издания;
- формой закрепления;
- значением для юридической практики.

В качестве причины (*предпосылки*) возникновения правоположения, как правило, выступает наличие коллизии (противоречия) действующих правовых норм либо отсутствие необходимой нормы. «Обычная» неясность или двусмысленность нормы обуславливает необходимость разъяснения, не создающего правоположения.

¹ См., например: Безина А., Лазарев В. Конкретизация права в судебной практике// Сов. юстиция. 1968. № 2. С. 6-7; Судебная практика в советской правовой системе/ Под ред. С. Н. Братуся. М., 1975. С. 3-68; Ершов В. В. Статус суда в правовом государстве. М., 1992. С. 161-173; Судебная практика как источник права / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. С. 3-33.

² Дженкс Э. Английское право. М., 1947. С. 44. Цит. по: Колесников Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права// Правоведение. 2001. № 3.

³ Попов О.В. Указ. соч. С. 12.

Вновь сформулированное правило приобретает черты противоположения только в случае его издания *субъектом* права, имеющим соответствующие полномочия. Иначе названное правило не может обладать признаком обязательности (российское законодательство позволяет к таким субъектам отнести Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации).

Специфической *формой* объективизации противоположений являются акты нормативного *легального* толкования. Названная форма с учетом признаков противоположения представляется единственно возможной, предполагающей опубликование противоположения, придания ему общего характера.

Правоположение призвано разрешать возникающие правовые коллизии, чем обусловлена его *значимость* для правоприменительной практики.

Изложенные особенности позволяют обосновывать юридически обязательный характер правоположений и вместе с тем не предполагают их отнесение к нормам права. Субъект, формулирующий правоположение, не имеет компетенции правотворческого органа, изданное им правило имеет временный характер, с точки зрения системности права не может полноценно заменить отсутствующую (в том числе коллизионную) норму, является, как уже отмечалось в литературе¹, квазинормой, интерпретационным правилом, составляющим важнейший элемент содержания актов нормативного толкования права².

Таким образом, интерпретационные акты являются *структурным элементом* толкования норм права – их *формой*, по своей природе представляют собой форму *первичного толкования*, их *вторичная интерпретация интерпретационных актов* не образует.

Юридическая сила интерпретационных актов зависит от *компетенции субъекта толкования*. Вследствие чего акты нормативного толкования, издаваемые органом, принявшим интерпретируемый акт, должны издаваться в форме последнего (акты аутентичного толкования) и соответственно обладать его силой. Акты нормативного толкования, принятые органом, наделенным специальным полномочием, издаются в установленной для них форме (акты легального толкования). Названные акты могут иметь *надзаконный, подзаконный* либо *правоприменительный* характер.

Коллизии *между интерпретационными актами* должны разрешаться по общим правилам, выработанным теорией, в первую очередь

¹ См.: Обиденнов А.Н. Правоположения судебной практики// Журнал российского права. № 1. 2002. С. 115.

² Конституционный Суд в одном из своих постановлений (от 19.06.2003 № 11-П) недвусмысленно отнес правоположения (правила, сложившиеся в правоприменительной практике) к результату официального толкования.

исходя из места субъекта, давшего толкование, в системе органов власти.

Проблема соотношения источников права и интерпретационных актов должна исследоваться с учетом необходимости осознания *сложностной природы* правовых актов, отвечающих характеристикам интерпретационных актов, особенностей *отдельных разновидностей* актов нормативного толкования права, *неопределенности* в понимании *самых источников права*.

Правоположение является элементом толкования права – результатом названного процесса. Специфической *формой* объективизации правоположений служат акты нормативного *легального* толкования. Названная форма с учетом признаков правоположения представляется единственно возможной, предполагающей возможность опубликования правоположения, придание ему общего характера.

§ 4. Функции интерпретационных актов

По мнению Ф.А. Григорьева, любые правовые акты являются средством государственно-правовой организации общества, его руководства, средством установления и реализации юридических норм¹. Значение интерпретационных актов выражается в характере и степени их воздействия на практику правотворческой и правоприменительной деятельности, правосознание и правовую культуру граждан, иные сферы общественных отношений. Основные направления такого воздействия (влияния) правовых явлений на общественные отношения в современной философской и юридической мысли получили название *функций*².

Функции интерпретационных актов обусловлены правовой природой самого процесса толкования принципов и норм права. Проблема функций непосредственно *толкования норм права* представляется достаточно исследованной. В юридической литературе к *функциям* толкования правовых норм относят *познавательную* функцию, *квалификационную* (заключается в определении, квалификации юридически значимого поведения (например, судья, толкуя норму Уголовного кодекса, квалифицирует определенное деяние как преступление)), *мотивировочную* функцию (в ней выражаются поиск и обоснование юридических мотивов для аргументации отношения к ситуации или объяснения правовой позиции), *объяснительную* (состоит в многообразной деятельности субъектов толкования по разъяснению смысла правовых норм), *регулятивную* и *воспитательную* функции (выражает влияние, опять же, результатов толкования на правосознание и правовую культуру граждан)³.

¹ Григорьев Ф.А. Признаки и классификация актов применения права // Вопросы теории государства и права. Вып. 1 / Под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1968. С. 97.

² См.: Теория государства и права: Часть 1. Теория государства / Под ред. А.Б. Венгерова. М., 1995. С. 142.

³ Соцуру Л.В. Указ. соч. С. 12.

Анализ юридической литературы¹, собственная позиция позволяют выделить применительно к интерпретационным актам *гносеологическую, регулятивную, аксиологическую, информационную, коллизионную* функции актов толкования права.

Гносеологическая функция (от греч. *gnosis* – познание и *logos* – учение, гносеология – учение о познании; метафизическая составная часть теории познания. Собственно *гносеологический* – *относящийся к процессу познания*)² обуславливается содержащимся в актах толкования результатом уяснения смысла и содержания норм права. Интерпретационные акты объективируют результат познания смысла правовых норм. Сам процесс толкования не способен помимо формы его объективизации воздействовать на общественные отношения. Внутренний мыслительный процесс уяснения ограничивается одним или несколькими субъектами. Разъяснение смысла и содержания норм права, содержащееся в актах толкования, объективирует процесс познания правовых норм и этим самым опосредует гносеологическую функцию интерпретационных актов.

Так, 11 ноября 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел в открытом заседании дело о толковании ст. ст. 84 (п. "б"), 99 (ч. 1, 2 и 4) и 109 (ч. 1) Конституции Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Государственной Думы, усмотревшей неопределенность в понимании приведенных положений Конституции Российской Федерации в части, касающейся момента прекращения полномочий Государственной Думы в случае ее роспуска Президентом Российской Федерации. По мнению Государственной Думы, ее полномочия в таком случае прекращаются с момента начала работы Государственной Думы нового созыва, поскольку Конституция Российской Федерации не устанавливает какого-либо иного момента прекращения полномочий Государственной Думы, кроме названного в ст. 99 (ч. 4) Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации устранил названное противоречие, постановив (путем издания соответствующего акта), что из названных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с другими положениями Конституции следует, что роспуск Государственной Думы Президентом Российской Федерации означает прекращение полномочий Государственной Думой, начиная с момента назначения даты новых выборов³.

Регулятивная функция предполагает целенаправленное воздействие интерпретационных актов на поведение с целью формирования желаемого поведения⁴. Правовое регулирование характеризуется набором

¹ См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 1. С. 11-15.

² Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 109.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.1999 № 15-П/Рос-сийская газета. 1999. 18 нояб.

⁴ Толковый словарь определяет регулирование как упорядочение, подчинение определенным правилам; направление развития с определенной целью. См., соответственно, Малый

специальных средств и методов воздействия, направлено на формирование юридически значимого правомерного поведения граждан и организаций¹. Регулятивная функция интерпретационных актов раскрывается в их воздействии на правовые отношения (уже, как правило, урегулированные нормами права) в целях уточнения модели желательного правомерного поведения субъектов права.

Так, в соответствии со сложившейся практикой рассмотрения дел арбитражными судами до декабря 2002 г. арбитражные суды на основании ч. 1 ст. 90 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в порядке, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (2002 г.), прекращали производство по делам, возбужденным по заявлениям индивидуальных предпринимателей и юридических лиц об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя, связанных с исполнением исполнительных документов, выданных не арбитражным судом (например, налоговыми органами).

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.2002 № 11 урегулировало указанную ситуацию иначе. Пунктом 20 названного Постановления Высший Арбитражный Суд разъяснил, что ч. 1 ст. 90 Федерального закона «Об исполнительном производстве» после введения в действие Арбитражного процессуального кодекса (2002 г.) должна применяться с учетом его положений, согласно которым арбитражным судам подведомственны дела об оспаривании решений и действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя по исполнению судебных актов арбитражных судов, а также исполнительных документов иных органов.

Аксиологическая функция (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение; аксиология – учение о ценностях, *аксиологический* – определяемый согласно своей ценности с точки зрения теории ценности²; с точки зрения философии, аксиология тесно связана с логикой, этикой и психологией, этическое содержание любого общества составляет сложившаяся в нем система ценностей)³ обусловлена способностью актов толкования, выражая результат осмысления действующих в обществе правовых норм, не только отражать сложившуюся систему ценностей, но и влиять на ее формирование.

Так, в качестве высшей ценности в РФ ст. 2 Конституции РФ закреплены *человек, права и свободы человека*. Неоднократное осмысление названного положения, в частности в постановлениях Конституци-

толковый словарь русского языка / Сост. В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. М., 1990. С. 502; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999. С. 672.

¹ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 348.

² Краткая философская энциклопедия. С. 12.

³ Там же. С. 484, 547.

онного суда Высшего Арбитражного Суда, позволило в значительной мере скорректировать имеющуюся практику правоприменения.

Например, в Определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 14.12.2000 г. № 244-О, от 7.02.2002 г. № 16-О, от 05.07.2001 г. № 130-О, от 07.06.2001 г. № 139-О, Постановлениях от 21.11.2002 г. № 15-П, от 30.07.2001 г. № 13-П, в информационном письме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1999 г. № с1-7/смп-1341 «Об основных положениях, применяемых европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» на основании ст. 18 Конституции¹ сформулировано, что меры государственного принуждения должны применяться с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств. Указанные меры не должны подавлять экономическую самостоятельность и инициативу граждан и юридических лиц, **чрезмерно** ограничивать право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также право частной собственности.

Примером акта толкования, утверждающего ценность прав человека, также может послужить Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2001 г. № 6-О, сформулировавшее, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность ее содержания, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства и верховенства закона.

Критерий определенности правовой нормы как конституционное требование к законодателю был сформулирован Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 25 апреля 1995 г. по делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР и конкретизирован в ряде последующих его решений. В частности, в Постановлении от 8 октября 1997 г. по делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году» Конституционный Суд Российской Федерации указал, что законы о налогах должны быть конкретными и понятными и что неопределенность налоговых норм может привести к не согласующемуся с принципом правового государ-

¹ «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

ства произволу государственных органов и должностных лиц в их отношениях с налогоплательщиками и к нарушению равенства прав граждан перед законом.

Представляется, что *информационная функция* интерпретационных актов состоит в *воздействии на сознание людей с целью формирования необходимых знаний о праве и государстве, правилах применения норм права, необходимых и возможных вариантах поведения.*

Так, в Постановлении от 9 июля 2002 г. № 12-П Конституционный Суд Российской Федерации дал следующие разъяснения.

«Согласно статье 1 (часть 1) Конституции Российской Федерации Российская Федерация - демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Этим предопределяются принципы организации органов государственной власти, сама их организация, порядок формирования и функционирования, а также характер их взаимодействия в единой системе государственной власти.

Многонациональный народ России, являясь в силу конституционного принципа народовластия носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, осуществляет ее как непосредственно, так и через органы публичной власти (статья 3, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации); граждане участвуют в управлении делами государства, имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти (статья 32 Конституции Российской Федерации); при этом обеспечивается сменяемость избираемого непосредственно народом главы государства (статья 81, части 1 и 3, Конституции Российской Федерации).

Из приведенных положений следует, что соответствующие органы и должностные лица становятся носителями государственной власти в результате свободных выборов как высшего непосредственного выражения власти народа на основе волеизъявления большинства и осуществляют свои полномочия в пределах и формах, определяемых Конституцией Российской Федерации и законами, причем право на осуществление властных полномочий предоставляется только на определенный срок (срок легислатуры). Возобновление этих полномочий в противоречие с требованиями Конституции Российской Федерации и соответствующих ей федеральных законов, а также конституций, уставов и законов субъектов Российской Федерации явилось бы нарушением статьи 3 (часть 4) Конституции Российской Федерации».

Подобные разъяснения, очевидно, не предназначены исключительно для органов государственной власти, профессиональных юристов, научных работников, граждан с юридическим образованием. Их целью является в том числе формирование представлений любого изучающего их лица о системе основных правовых устоев российского государства и права, воздействий на правосознание и правовую культуру неопределенного круга лиц.

Термин «*коллизия*» традиционно определяется как противоречие, спор, столкновение¹. Под правовой коллизией традиционно понимается противоречие между правовыми предписаниями, регулирующими одни общественные отношения². *Коллизионная функция* интерпретационных актов предполагает их возможность разрешать коллизии (противоречия) правовых норм.

Так, в определении от 19.03.2001 Конституционный Суд сформулировал несколько правил, иллюстрирующих коллизионную функцию актов толкования.

В силу требований части первой ст. 79, ст. ст. 80 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» законодательный (представительный) и исполнительный органы государственной власти субъекта Российской Федерации, его высшее должностное лицо, обеспечивая неукоснительное исполнение соответствующего решения Конституционного Суда Российской Федерации в точном соответствии с его смыслом, обязаны исключить реализацию положения, признанного неконституционным и вследствие этого утратившего юридическую силу, и аналогичных ему положений других нормативных правовых актов, их использование в практике государственного строительства субъекта Российской Федерации и его отношений с Российской Федерацией, отменить положения других нормативных актов, основанные на нормах, которые как не соответствующие Конституции Российской Федерации признаны утратившими силу и не подлежащими применению, либо воспроизводящие их. Недопустимо также повторное принятие по сути идентичных положений: при внесении в соответствующий нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации изменений и дополнений в нем не могут предусматриваться предписания, которые по своему смыслу являются такими же, какие решением Конституционного Суда Российской Федерации признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации и потому утратившими силу.

По смыслу ст. 125 (п. "б" ч. 2 и ч. 6) во взаимосвязи со ст.ст. 4 (ч. 1 и 2), 5 (ч. 3 и 4) и 71 (п. "а") Конституции Российской Федерации и конкретизирующими их предписаниями ч. 1 ст. 79, ст.ст. 80 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" все нормативные положения, аналогичные той норме, которая как не соответствующая Конституции Российской Федерации признана Конституционным Судом Российской Федерации утратившей силу и не подлежащей применению, также не должны применяться и подлежат устранению из правовых систем всех субъектов Российской Федерации как составных элементов правовой системы Российской Федерации. Поэтому их законодательные (представительные) и исполнитель-

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учеб. и науч.-практ. пособие. М., 2000. С. 42, 43.

² Там же. С. 42-49.

ные органы, а также высшие должностные лица обязаны после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации отменить все подобные положения, содержащиеся в принятых ими нормативных правовых актах.

Законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, их высшие должностные лица не вправе принимать какие-либо акты и совершать действия (бездействие), направленные на сохранение указанных положений в правовой системе, в правовом регулировании и правоприменении. Такие акты и действия (бездействие) нарушают вытекающие из ст.ст. 10, 118 и 125 (ч. 6) Конституции Российской Федерации и конкретизированные в ст.ст. 6, 79 и 81 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» требования об обязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации и о неукоснительном их исполнении, а также о запрете преодолевать решение Конституционного Суда Российской Федерации повторным принятием неконституционного акта.

Руководствуясь решениями Конституционного Суда Российской Федерации, суды общей юрисдикции по инициативе уполномоченных лиц вправе признавать недействительность положений конституций, уставов, законов субъектов Российской Федерации, то есть подтверждать утрату ими юридической силы, если они содержат такие же нормы, какие признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, утратившими силу и не подлежащими применению (Постановление от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"; определение от 8 февраля 2001 г. по ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия), хотя такое подтверждение не является обязательным элементом механизма исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, функции интерпретационных актов – это основные направления их воздействия (влияния) на практику правотворческой и правоприменительной деятельности, правосознание и правовую культуру граждан, иные сферы общественных отношений.

К функциям актов толкования можно отнести *гносеологическую, регулятивную, аксиологическую, информационную, коллизионную* функции. Гносеологическая функция интерпретационных актов предполагает их возможность объективировать результат познания (уяснения) смысла норм права, регулятивная – уточнять юридически значимый вариант правомерного поведения субъектов права, аксиологическая – влиять на формирование сложившейся системы ценностей, информационная – влиять на систему правовых знаний людей, коллизионная – разрешать возникающие противоречия между нормами права.

ГЛАВА II. ВИДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ

§ 1. Основные классификации интерпретационных актов

С точки зрения философии, *классификация* (лат. *classis* – разряд, *facere* – делать) представляет собой особую логическую операцию деления объема понятия¹, «распределение предметов, явлений и понятий по классам, отделам, разрядам в зависимости от их общих признаков»².

Необходимость классификации, по верному замечанию Ф. Энгельса, обусловлена потребностью каждой отдельной области исследований «упорядочить материал систематически и сообразно его внутренней связи»³.

По мнению М.И. Байтина и В.К. Бабаева, «подлинно научная классификация как логико-предметная, творчески аналитическая обработка накопленных знаний и как ее результат, во-первых, позволяет упорядочить накопленные знания об объектах (предметах, явлениях), а сами объекты определенным образом объединить и разграничить; во-вторых, служит необходимым условием дальнейшего их изучения»⁴.

В философии различают естественные и искусственные классификации. Первые основаны на признаках, существенных для исследуемого понятия. Такие классификации выявляют сходства и различия между предметами, имеют познавательное (научное) значение (например, классификация правовых актов по юридической силе). В основу искусственной классификации заложены критерии, не существенные для исследуемого явления, выбираемые исключительно для удобства классификации (например, классификация правовых актов по наименованию). Такая классификация не имеет большого научного значения, осуществляется в прикладных целях⁵.

Необходимость классификации интерпретационных актов вызвана значительным объемом названного правового явления, важнейшими характеристиками права как такового, а именно его системностью, опосредующей значение выделения видовых понятий в системе интерпретационных актов на основании различных критериев в целях детального исследования рассматриваемой категории.

При разграничении интерпретационных актов на виды следует исходить из наиболее общих их признаков, имея при этом в виду, что любая классификация представляет собой теоретическую абстракцию, условное деление, хотя и базируемое на объективных свойствах и законо-

¹ См.: *Философский словарь*/ Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. С. 200.

² *Краткий словарь иностранных слов*/ Под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М., 1952. С. 179.

³ Энгельс Ф. *Диалектика природы* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 366.

⁴ *Нормы советского права. Проблемы теории* / Под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 157.

⁵ *Философский словарь*/ Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986. С. 200.

мерностях классифицируемых явлений¹.

Существенную роль в разработке проблем классификации играет системный подход к данному объекту исследования. Как отмечается в литературе, «классификация объектов имплицитно содержит системный подход. Рассмотрение класса как системы предполагает изучение внутренних взаимосвязей между членами группируемого множества, тех системообразующих факторов, которые образуют единство его элементов»².

Развитие российского законодательства за последний период привело к появлению большого числа интерпретационных актов, что обуславливает практическую значимость их классификации.

Научно обоснованная классификация интерпретационных актов позволяет более четко определить их место в системе права (и законодательства), предназначение и функции. Она нужна для совершенствования правоприменительной и правотворческой деятельности, так как способствует более правильному восприятию и уяснению действительного смысла и содержания законов³.

Важное значение для правильной классификации имеют основания классификации, то есть наиболее существенные признаки, определяющие характеристику всех остальных объектов в данном разряде. Как отмечают М.И. Байтин и В.К. Бабаев, существенность того или иного признака как основания классификации определяется природой права как особого явления, его социальным назначением, а также теоретическими и практическими потребностями классификации⁴.

Проблема критериев классификации интерпретационных актов в юридической литературе не получила широкого обсуждения.

Вместе с тем разнообразие форм деятельности по уяснению и разъяснению смысла правовых норм, множество субъектов, осуществляющих процесс толкования, различная юридическая сила актов официального толкования предопределяют множественность актов толкования, их разнообразие.

В юридической литературе основания классификации актов толкования, как правило, заимствуют из достаточно разработанных теорий либо правовых актов⁵, либо толкования права⁶.

К авторам, исследовавшим проблемы классификации собственно *интерпретационных актов*, в частности, можно отнести В.В. Кошелеву, которая в качестве названных оснований (критериев) выделяет⁷:

1) наличие или отсутствие признака нормативности;

¹ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 97.

² Абрамова И.Г. Целостность и управление. М., 1974. С. 200.

³ См.: Кошелева В.В. Указ. соч. С. 97.

⁴ Нормы советского права / Под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 158.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: Учеб.-практ. и справ. пособие. М., 1999. С. 29.

⁶ Волпенко Н.Н. Официальное толкование норм права. С. 11-15.

⁷ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 98-103.

- 2) предмет правового регулирования;
- 3) характер содержащихся в данных актах предписаний, а также степень их воздействия на субъектов права;
- 4) способ выражения;
- 5) форму актов;
- 6) сферу действия;
- 7) объем толкования;
- 8) структурные элементы разясняемых норм;
- 9) связь с восполнением пробелов в праве;
- 10) время действия;
- 11) юридическую силу;
- 12) субъект, издавший акт.

Представляется, что перечисленные основания классификации интерпретационных актов не бесспорны.

Так, по мнению В.В. Кошелевой, *по характеру содержащихся в актах предписаний, а также степени их воздействия на субъектов права* можно выделить: а) общеобязательные акты толкования, то есть распространяющие свое воздействие на всех без исключения субъектов права и обязательные для применения всеми субъектами; б) обязательные для определенного круга субъектов; в) рекомендательные, то есть содержащие в себе предписания, которые не носят обязательного характера¹.

Однако думается, что при выделении приведенного критерия допущена логическая ошибка *подмены основания деления*. В частности, родовой характеристикой актов толкования обязательных для всех и обязательных для определенного круга лиц является *сфера их применения* (о чем В.В. Кошелева и пишет, когда различает по сфере действия акты толкования, распространяющиеся на всю судебную систему, и акты, имеющие локальную сферу применения)², а актов рекомендательных – *степень властности, императивности*.

Не вполне обоснованным представляется также выделение в качестве оснований классификации интерпретационных актов *объем толкования и особенности структурных элементов разясняемых норм*³.

Думается, что *объем толкования* характеризует не форму, объективирующую процесс толкования (то есть интерпретационный акт), а приемы и способы толкования, его результат (то есть другие структурные элементы деятельности по толкованию права)⁴.

¹ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 101.

⁴ В зависимости от объема различают буквальное, распространительное и ограничительное толкование. *Буквальное* или адекватное толкование предполагает совпадение раскрытого в результате толкования смысла правовой нормы с ее буквальным текстом. *Распространительное* или расширительное толкование предусматривает раскрытие более широкого смысла, нежели предусмотренного текстом. *Ограничительное* толкование предполагает выявление более узкого смысла, нежели предусмотренного текстом нормы.

структурных элементов разъясняемых норм образуют видовую характеристику *объекта* толкования, а опять не его формы.

Еще более спорным представляется деление актов толкования в зависимости от *способа восполнения пробелов в праве*. По мнению В.В. Кошелевой, по названному критерию «различаются:

а) акты толкования, издаваемые при решении конкретного юридического вопроса по аналогии закона;

б) акты толкования, издаваемые при решении вопроса по аналогии права»¹.

Однако *пробел* в праве предполагает *отсутствие* необходимой нормы права, восполнение которой возможно путем издания отсутствующей нормы либо применением существующей правовой нормы по аналогии права или закона. При этом первое характеризует *правотворческую*, а второе *правоприменительную* деятельность.

Функция восполнения пробелов в праве интерпретационной деятельности и соответственно интерпретационному акту не свойственна.

Вместе с тем представляется, что признание научного и практического значения за классификациями интерпретационных актов в зависимости от признака *нормативности, формы, наименования, юридической силы, сферы действия, времени действия, предмета правового регулирования* вполне обоснованно.

Рассмотрим названные классификации.

Свойства важнейших разновидностей интерпретационных актов — *нормативных и казуальных*, выделяемых по первому (из названных) критерию, в рамках настоящей работы рассматриваются отдельно.

В зависимости от *формы актов* официального толкования различаются письменные акты (акты-документы) и устные акты.

Акты-документы представляют собой источники, содержащие результат процесса толкования, объективированные вовне в форме письменных документов. Это юридические документы, которые издаются специально уполномоченными органами и влекут за собой юридические последствия. Что касается таких письменных документов, как мемуары, частные письма, научная литература, то, несмотря на наличие в их содержании элементов толкования, они не являются юридическими документами, а следовательно, не могут быть отнесены к категории актов официального толкования.

Устные акты толкования выражаются обычно в форме рекомендаций, ответов на вопросы представителями органов государственной власти, суда, прокуратуры, общественных объединений и т.д. К числу актов официального толкования относятся только те устные акты, которые исходят от уполномоченных на дачу официального толкования должностных лиц и влекущие за собой определенные юридические последствия для лиц, к которым обращено разъяснение смысла правовых норм.

¹ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 102.

Многообразие письменных актов-документов влечет за собой необходимость их классификации по *наименованию*.

В настоящий момент в практике представительных и исполнительных органов государственной власти имеют место такие акты официального толкования, как указы, постановления, приказы, распоряжения, инструкции, письма; в судебной практике актами толкования являются приговоры, решения, постановления, определения и т.д.

Классификация актов официального толкования по *юридической силе* может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

Во-первых, правовая система Российской Федерации характеризуется иерархичностью, соподчиненностью и внутренней согласованностью правовых актов. В соответствии с Конституцией РФ ее составляют следующие виды правовых актов:

- Конституция РФ;
- международные договоры Российской Федерации и иные акты, содержащие общепризнанные нормы международного права;
- федеральные конституционные законы;
- федеральные законы;
- подзаконные нормативные акты федеральных органов (указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, иные подзаконные акты);
- законы и подзаконные нормативные акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
- нормативные правовые акты органов местного самоуправления;
- локальные нормативные правовые акты.

Законодательство Российской Федерации признает в правовой системе верховенство Конституции РФ и ее высшую юридическую силу (ст. 15 Конституции РФ), а также устанавливает верховенство законов над всеми подзаконными актами.

Будучи вспомогательными правовыми актами, акты официального толкования разделяют судьбу толкуемых норм и располагаются в той же иерархической последовательности, что и нормативные акты, образуя систему актов официального толкования. Эту систему возглавляют акты толкования Конституции РФ (постановления Конституционного Суда РФ), затем следуют акты толкования федеральных конституционных законов, за ними акты толкования текущих федеральных законов и затем подзаконные нормативные правовые акты. Что касается актов толкования международных договоров РФ и иных актов, содержащих нормы международного права, то им отводится особое положение в связи с тем, что Конституция РФ закрепляет приоритет норм международного права. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ гласит: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Во-вторых, с учетом структуры правовой системы РФ, а она ха-

Во-вторых, с учетом структуры правовой системы РФ, а она характеризуется наличием четырех подсистем: федеральная правовая подсистема, правовая подсистема субъектов Федерации, правовые подсистемы местного самоуправления и локального нормотворчества с присущими двум последним элементами саморегулирования. Нормативные правовые акты, составляющие каждую из подсистем, различаются по своей юридической силе. Так, нормативные правовые акты федеральных органов обладают большей юридической силой по сравнению с нормативными правовыми актами органов субъектов Федерации (за исключением предмета исключительного ведения субъектов РФ) и местного самоуправления. Аналогичная иерархичность характеризует соответствующие им акты официального толкования, среди которых наибольшей юридической силой обладают акты официального толкования нормативных правовых актов федеральных органов, за ними следуют акты толкования нормативных правовых актов органов субъектов Федерации, акты толкования нормативных правовых актов органов местного самоуправления и локальных нормативных актов.

В-третьих, классификация актов толкования в соответствии с их юридической силой совпадает с делением официальных разъяснений в зависимости от субъектов толкования. Наибольшей юридической силой обладают акты нормативного толкования представительных органов власти, затем органов судебной, исполнительной власти, прокуратуры и т. д.¹ Степень обязательности этих актов различна. Что касается актов казуального толкования, то они не должны противоречить разъяснениям общего характера, содержащимся в актах нормативного толкования.

По *сфере действия* акты толкования делятся: а) на разъяснения федерального значения, действие которых распространяется на всю территорию государства; б) акты толкования регионального характера, действующие в пределах территории того или иного субъекта РФ; в) акты толкования локального (местного) применения. К числу первых относятся акты толкования центральных федеральных органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной). Акты толкования органов субъектов Федерации распространяют свое действие только на территории данных субъектов, акты толкования органов местного самоуправления имеют локальную сферу применения.

По *времени действия* акты официального толкования различаются в зависимости от времени действия разъясняемых ими норм. Если срок действия толкуемой нормы или группы норм предусмотрен в самом нормативном акте, то с его истечением прекращается действие и соответствующего акта официального толкования. И напротив, акты толкования норм, рассчитанных на неопределенный срок, сохраняют силу весь период их действия.

¹ Особое место актов толкования Конституционного Суда Российской Федерации исследуется в третьем параграфе настоящей главы.

По *предмету правового регулирования* акты толкования подразделяются на отраслевые (разъяснения в области гражданского, уголовного, административного, трудового права и т.д.), межотраслевые (имеющие значение для двух и более отраслей права), общеправовые (применимые в любой сфере общественных отношений).

Таким образом, основные критерии классификации интерпретационных актов связаны с соответствующими критериями *родовых понятий* – правовых актов и толкования права.

К основным, *наиболее значимым* для теории и практики классификациям интерпретационных актов можно отнести классификации интерпретационных актов в зависимости от признаков *нормативности, формы, наименования, юридической силы, времени действия, предмета правового регулирования*.

§ 2. Акты нормативного толкования

а) Особенности и виды актов нормативного толкования

Особенности, свойства актов нормативного толкования не относятся к числу вопросов, широко обсуждаемых в юридической литературе. Обычно внимание ученых привлекают отдельные разновидности актов нормативного толкования – это решения Конституционного Суда, постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов. Серьезных попыток комплексного осмысления особенностей названной категории в отечественной правовой науке не предпринималось.

Вместе с тем в числе выделяемых юридической наукой видов интерпретационных актов акты нормативного толкования, бесспорно, являются наиболее значимыми. Названная характеристика обусловлена особой правовой природой актов нормативного толкования, их местом в системе правовых актов¹.

Так, В.В. Кошелева к свойствам актов нормативного толкования относит следующие характеристики²:

- они распространяются на широкий круг отношений и имеют общий характер;
- обладают большей, по сравнению с другими интерпретационными актами, степенью государственной обязательности, что по юридической силе роднит их с разъясняемыми правовыми нормами;
- имеют форму письменного юридического документа;
- направлены на совершенствование правового регулирования и повышение его эффективности.

А.Ф. Черданцев к предложенным признакам добавляет:

- особое содержание интерпретационных нормативных актов (предписания (интерпретационные нормы) о том, как следует понимать и применять действующие нормы права (нормы о нормах));

¹ См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 2. С. 52-57.

² Кошелева В.В. Указ. соч. С. 22.

- их некоторую односторонность (положения, заключенные в названных актах, как правило, отражают и выражают какую-либо одну сторону, элемент содержания толкуемой нормы права. Все содержание нормы права находит выражение лишь в совокупности более детальных и конкретных нормативных интерпретационных положений);

- возможность ограниченной адресации (интерпретационные положения формально могут адресоваться органам, применяющим нормы права, а не субъектам действия, которые непосредственно регулируются интерпретируемой нормой);

- особый субъектный состав (интерпретационные нормативные акты могут издаваться и органами, не обладающими правотворческой компетенцией, но наделенными правом толкования);

- косвенный характер (интерпретационные акты не должны браться в основу решения юридического дела. Субъект, решающий дело, должен ссылаться на закон как юридическое основание решения. Интерпретационный акт может использоваться лишь как один из аргументов того или иного понимания закона, той или иной юридической квалификации факта)¹.

Причем А.Ф. Черданцев полагает, что интерпретационные нормативные акты являются особой *формой* выражения **норм** права², а это несколько противоречит его же утверждению, что с помощью актов нормативного толкования не устанавливаются новые нормы права, не отменяются или не изменяются действующие³.

Представляется, что названные характеристики достаточно полно отражают особенности актов нормативного толкования.

При этом основной отличительной (от других интерпретационных актов) чертой актов нормативного толкования можно назвать их *общий характер*, что предполагает, во-первых, распространение действия акта на неопределенный круг лиц, во-вторых, его неоднократное применение, как правило, в течение длительного времени.

К основаниям *классификации* актов *нормативного* толкования, характеризующим их особенности (с учетом рассмотренных выше классификаций актов толкования как таковых) можно отнести *субъект толкования и сферу его действия*.

В зависимости от *субъекта толкования* акты нормативного толкования можно подразделить на две группы: акты *аутентического* толкования и акты *делегированного* толкования⁴.

Особенность актов *аутентического* (аутентичного) толкования заключается в том, что они издаются теми же органами, которые издали

¹ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 2. С. 56.

² Установление права и его выражение - различные функции нормативного акта, термины «юридический источник права» и «форма права» не должны отождествляться. См.: Самошенко И.С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах// Сов. государство и право. 1969. № 3.

³ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Часть 2. С. 55.

⁴ Кошелева В.В. Указ. соч. С. 22.

нормативный акт. Если тот или иной орган обладает нормотворческой компетенцией, то закономерно, что он обладает и компетенцией толкования своих нормативных актов¹.

Таким образом, акты аутентического толкования:

во-первых, издаются органами, ранее издавшими нормативный акт;

во-вторых, издаются (как правило) в форме интерпретируемого акта²;

в-третьих, имеют повышенную степень государственной обязательности (это связано и с авторитетностью органов, издавших эти акты, и с тем обстоятельством, что такое толкование правовых норм осуществляется не сквозь призму субъективного восприятия и понимания лицами, органами, не принимающими непосредственного участия в нормотворческом процессе, а являются логическим продолжением воли законодателя путем уточнения и конкретизации самим же нормотворческим органом)³.

Акты *делегированного* толкования характеризует возможность их издания теми органами, которым такое право делегировано, разрешено. К их числу следует отнести акты толкования, в первую очередь, высших судебных органов: Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ.

- Данные акты также отличает значительная степень обязательности; они адресованы широкому кругу субъектов; их значение не исчерпывается разовым исполнением; они оказывают существенное влияние на юридическую практику.

Представляется, что особенностью актов делегированного толкования является необходимость *специального* (прямого) закрепления полномочия интерпретирующего субъекта на осуществление соответствующего толкования (в отличие от актов аутентичного толкования, где полномочие толкующего органа производно от его правотворческой функции)⁴.

Вместе с тем сложившаяся практика допускает возможность *косвенной* регламентации полномочия интерпретирующего органа, вытекающей из компетенции органа, его общего круга полномочий. Такую

¹ В качестве примера акта *аутентичного* толкования можно привести Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 17 июня 1993 г. № 5207-1 «О толковании отдельных положений статьи 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»».

² Например, ч. 1 ст. 97 Устава Красноярского края предусматривает, что официальное толкование правовых актов края производится *издаваемыми* данные акты *органами* государственной власти посредством *актов, принимаемых и оформленных в порядке, который установлен для толкуемых актов*.

³ См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С.145.

⁴ В качестве примера можно привести ч. 2 ст. 60 Устава города Красноярска, согласно которой решения городского референдума могут истолковываться исключительно решениями представительного органа – городского Совета (подобное положение предусмотрено ч. 2 ст. 97 Устава Красноярского края).

позицию поддерживают, в частности, Г.А. Гаджиев и Б.С. Эбзеев, которые, исследуя природу постановления Правительства Российской Федерации (как судьи Конституционного Суда в рамках конкретного дела), высказали мнение о возможности его отнесения к актам официального нормативного толкования, несмотря на отсутствие отдельно закрепленного полномочия Правительства издавать такие акты¹.

Законодательство Российской Федерации делегирует право осуществлять официальное толкование достаточно ограниченному кругу властных субъектов (соответствующие примеры приведены ниже).

Представляется, что в зависимости от *юридической силы* акта, закрепившего полномочие интерпретирующего органа, акты делегированного толкования можно подразделить на акты, издаваемые на основании закона, и акты, издаваемые на основании подзаконных нормативных актов. Особое место занимают акты делегированного толкования, полномочие на издание которых предусмотрено международным договором.

К актам *делегированного толкования, издаваемым на основании закона*, можно отнести следующие интерпретационные акты.

Акты толкования, предусмотренные *Конституцией* Российской Федерации. К таковым в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации относятся постановления Конституционного Суда Российской Федерации, который разрешает дела о соответствии нормативных актов различных уровней Конституции Российской Федерации, разрешает споры о компетенции, проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле².

Акты нормативного толкования, издаваемые на основании *Федерального конституционного закона*.

К данной разновидности актов относятся:

а) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который на основании ч. 5 ст. 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» дает разъяснения по вопросам судебной практики³;

б) постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который в соответствии с ч. 5 ст. 23 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» также обладает правом давать разъяснения по вопросам судебной практики⁴;

¹ См.: Особые мнения Г.А. Гаджиева и Б.С. Эбзеева к Постановлению Конституционного Суда от 31.07.1995 № 10-П// Российская газета. 1995. 11 авг.

² Интерпретационные акты Конституционного Суда рассматриваются в настоящей работе отдельно в параграфе 3 главы 2.

³ Названное полномочие Пленума Верховного Суда Российской Федерации конкретизируется п. 1 ч. 1 ст. 58 действующего Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР», которым предусматривается полномочие Пленума давать руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства РСФСР.

⁴ Данное полномочие уточняется п. 1 ч. 1 ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации», в силу которого Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации рассматривает материалы изучения и обобщения

в) акты конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, который в силу ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации.

Акты толкования, предусмотренные *федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации*. С учетом постоянного изменения действующего российского законодательства предложить закрытый перечень актов нормативного толкования, относящихся к данной разновидности, не представляется возможным.

В качестве примера такого акта можно привести акты таможенных органов, которые в соответствии со ст. 216 Таможенного кодекса Российской Федерации разрабатывают и утверждают пояснения и другие решения по толкованию Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и обеспечивают их опубликование, акты антимонопольных органов, обладающих в соответствии со ст. 40 Закона РФ «О защите прав потребителей» правом давать официальные разъяснения по вопросам применения законов и иных правовых актов Российской Федерации, а также регулирующих отношения в области защиты прав потребителей.

Акты делегированного толкования, издаваемые на основании *подзаконных актов*, представляют собой достаточно большую и в значительной степени неопределенную группу интерпретационных актов.

С учетом действующего (на момент написания работы) законодательства Российской Федерации к названным актам можно отнести, в частности, акты Министерства финансов Российской Федерации, которое в соответствии с Положением, утвержденным Приказом Минфина от 27 декабря 2000 г. № 399, дает территориальным органам валютного контроля официальные разъяснения относительно толкования и применения нормативных правовых актов, издаваемых министерствами, ведомствами и организациями по вопросам осуществления валютных, экспортно-импортных и иных внешнеэкономических операций¹.

К актам делегированного толкования, издаваемым в соответствии с *международными договорами*, можно отнести, например, акты Эконо-

практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

¹ Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 структура органов исполнительной власти существенно изменена, что ставит вопрос о юридической силе ранее изданных положений, вместе с тем, согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 18.03.2004 № 379-р, упраздняемые и преобразуемые федеральные органы исполнительной власти продолжают выполнять возложенные на них обязанности до передачи функций упраздняемых органов соответствующим федеральным органам исполнительной власти и завершения организационно-штатных мероприятий в преобразуемых органах.

мического Суда СНГ. Названный орган в силу п. 5 Положения об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств осуществляет толкование:

- применения положений соглашений, других актов Содружества и его институтов;

- актов законодательства бывшего Союза ССР на период взаимоголасованного их применения, в том числе о допустимости применения этих актов, как не противоречащих соглашениям и принятым на их основе иным актам Содружества.

Толкование осуществляется при принятии решений по конкретным делам, а также по запросам высших органов власти и управления государств, институтов Содружества, высших хозяйственных, арбитражных судов и иных высших органов, разрешающих в государствах экономические споры.

Трудно согласиться с мнением некоторых авторов о том, что обязательная сила актов делегированного толкования распространяется только на тех субъектов, которые прямо подпадают под юрисдикцию органа, дающего толкование¹. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что многие акты делегированного толкования оказывают свое влияние на более широкий круг субъектов². Кроме того, законодательное закрепление имеет положение об обязательности актов, издаваемых Конституционным Судом РФ и другими высшими судебными органами (ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.96 г.; ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В этой связи в зависимости от *сферы действия* акты нормативного делегированного толкования можно подразделить на акты *общего* и *ограниченного действия*.

К актам толкования *общего* действия относятся интерпретационные акты с неограниченным кругом адресатов, например решения Конституционного Суда Российской Федерации, которые в силу ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений³.

¹ См.: Рез Р.С. Об обязательной силе толкования норм гражданского права // Вестник ЛГУ. 1958. № 17. С.126; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С.129.

² См.: Бошно С.В. Судебная практика: способы выражения // Государство и право. 2003. № 3. С. 21.

³ Кроме этого, согласно ст. 106 названного закона толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Акты делегированного толкования *ограниченного* действия предполагают определение сравнительно узкого круга адресатов, как правило, находящихся в ведомственном подчинении. Характерным примером являются интерпретационные акты Министерства финансов, адресованные исключительно его территориальным органам.

Таким образом, основной отличительной чертой актов нормативного толкования можно назвать их *общий характер*, что предполагает, во-первых, распространение действия акта на неопределенный круг лиц, во-вторых, его неоднократное применение, как правило, в течение длительного времени.

Основными *разновидностями* актов нормативного толкования являются в зависимости от *субъекта* толкования акты *аутентичного* и *делегированного* толкования, в зависимости от *сферы* действия – акты *общего* и *ограниченного* действия.

В свою очередь, в зависимости от *юридической силы* акта, закрепившего полномочие интерпретирующего органа, акты *делегированного* толкования можно подразделить на акты, *издаваемые на основании закона*, *издаваемые на основании подзаконных нормативных актов*, а также *международных договоров*.

.. б) Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов как особая разновидность актов нормативного толкования

Одной из наиболее *спорных* до настоящего времени разновидностью актов нормативного делегированного толкования являются постановления Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного Суда¹. Сходная правовая природа, общность предметной деятельности предполагают возможность совместного их рассмотрения в рамках настоящего исследования.

По мнению некоторых советских ученых (например, В.И. Каминской, С.И. Вильянской, М.И. Исаева), высшим судебным инстанциям присуща правотворческая деятельность, и их акты толкования являются источниками права².

Подобную позицию (с некоторыми оговорками) занимают в том числе, М.Н. Марченко³, В.М. Жуйков, последний при этом считает, что разъяснения высших судебных инстанций всегда признавались «источниками права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на них как на правовую основу разрешения дела...», они «всегда учитыва-

¹ См.: Гук П.А. Судебный прецедент в России: теория и практика // Правоведение. 2001. № 4.

² См.: Каминская В.И. Роль Верховного Суда СССР в развитии социалистического права// Сов. государство и право. 1948. № 6; Вильянский С.И. Значение логики в применении правовых норм// Ученые записки Харьковского юрид. ин-та. Вып. 3. 1948; Исаев М.И. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права// Ученые записки ВЮИОН. Вып. 5. 1947.

³ Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001. С. 535-551.

лись нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона или аналогии права»¹.

С позиции других авторов, например Г.Н. Манова, В.С. Нерсисянца, М.Г. Авдюкова, акты «нормативного разъяснения не являются обязательными, представляют собой лишь советы и рекомендации нижестоящим судам»². Последняя точка зрения является в литературе преобладающей³.

По мнению С.Л. Зивса, основной порок теоретических разработок природы разъяснений высших судебных органов «состоит в том, что в них характеристика руководящих указаний Пленума дается исходя из общего понятия *судебной практики*»⁴. Как правило, применяется единая правовая оценка и постановлений Пленума Верховного Суда, и судебной практики в самом широком смысле. Причем иногда в работах даже уравниваются стандартная модель единообразного применения нормы права и основанное на суммарном анализе руководящее указание Пленума Верховного Суда. В отдельных случаях под судебной практикой подразумевается даже *единичное* судебное решение или несколько однообразных по своей конструкции интерпретационных решений суда первой инстанции.

Вследствие этого отдельные выводы, которые могли бы иметь положительное значение для раскрытия принципиальных черт руководящих указаний Пленума, теряют свою научную эффективность, как только они распространяются на всю категорию судебной практики»⁵.

Представляется, что попытка уложить постановления Пленумов высших судебных инстанций в «прокрустово ложе» современной юридической терминологии достаточно проблематична.

Как уже говорилось в настоящей работе, акты толкования вполне могут содержать элементы (признаки), характеризующие другие виды правовых актов (в том числе правотворческих).

Как обоснованно отмечает О.В. Попов, характерной чертой в том числе постановлений Пленумов высших судебных инстанций является их «комплексно-правовой характер», предполагающий «триединство правотворчества, правоприменения и правотолкования»⁶.

¹ Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 16.

² Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970.

³ Зивс С.Л. Указ. соч. С. 176.

⁴ О понятии судебной практики см.: Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: Учебник для юридических вузов. М., 2001. С. 535-551; Судебная практика как источник права. М., 1997; Адилкариев Х. Судебная практика как источник нормотворчества // Советская юстиция. 1991. № 4; Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1; Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. № 2.

⁵ Зивс С.Л. Указ. соч. С. 176.

⁶ Попов О.В. Указ. соч. С. 14.

Сложность, неоднозначность общественных отношений, их развития обуславливают определенную *допустимость* смещения выработанных теорией права категорий, таких как нормативный акт, акт толкования, правоприменительный акт. Это касается, в частности, постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов.

В этой связи основным проблемным вопросом правовой природы постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов представляется вопрос о характере правил, составляющих *основное* содержание названных актов.

На взгляд А.Ф. Черданцева, это «нормы о нормах, интерпретационные нормы, предписывающие определенное понимание законов. Это нормы-разъяснения. Они не должны содержать в себе ничего нового, что не было бы содержанием самих интерпретируемых норм. С их помощью не должны вноситься изменения в закон или отменяться законы. Интерпретационные нормы - это положения «в соответствии закону», но не «за рамками и против закона»¹.

Постановления Пленумов, по мнению А.Ф. Черданцева, представляют собой «интерпретационные нормативные акты. Как таковые они не являются источниками права и не должны содержать нормативной новизны. Они не направлены на установление, изменение или отмену норм права. Если такое положение фактически иногда и имеет место, то это противоречит их правовой природе. Заметим также, что отраслевые кодексы, перечисляя в своих статьях источники права соответствующей отрасли, постановления высших судебных инстанций в ряду этих источников не упоминают (см., например, ст. 3 ГК РФ, ст. 3 СК РФ, ст. 3 АПК РФ, ст. 1 УК РФ, ст.ст. 2, 3, 4 УПК РФ, ст. 1 УПК РФ и др.)».²

Изложенное мнение А.Ф. Черданцева представляется достаточно обоснованным. Рассматриваемые постановления являются актами нормативного делегированного толкования, содержащими (преимущественно) нормы *интерпретационные*. Наличие в постановлениях элементов *правотворческих* актов не дает оснований относить их к актам правотворчества как таковым. Думается, что подобные случаи являются все же исключением из общего правила, обычно вынужденным, обусловленным дефектами законодательных актов³.

В соответствии с п. 1 ст. 58 действующего Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» Пленум Верховного Суда дает *руководящие разъяснения* судам по вопросам применения законодательства.

Подобное полномочие Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации закреплено пунктом 1 ч. 1 ст. 13 Федерального

¹ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 2. С. 55.

² Там же.

³ Вывод о невозможности отнесения постановлений Пленумов высших судебных инстанций к источникам права как таковым представляется верным только при условии понимания источника права исключительно в *формально-юридическом* смысле.

конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Статьей 59 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР», ч. 2 ст. 13, ст. 14 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации», п. 76, 83 Регламента арбитражных судов (в ред. от 30.12.2002) предусмотрена специальная форма названных *разъяснений* по вопросам судебной практики – *постановления*. Данные постановления, являясь разновидностью актов нормативного толкования, отмечают их основным признакам.

Вместе с тем постановления Пленумов высших судебных инстанций обладают рядом закрепленных законодательством Российской Федерации *особенностей*.

Во-первых, это *особая процедура принятия*.

Принятию Пленумом постановлений с разъяснениями по конкретной категории дел предшествует подготовительная работа по изучению данных судебной статистики и сбору необходимых материалов. Наряду с этим запрашиваются справки по результатам обобщения судебной практики из судов субъектов федерации (в системе арбитражных судов также из судов арбитражных округов). При этом акцентируется внимание на возникающих у судов вопросах по применению законодательства и на ошибках, которые допускаются при разрешении конкретной категории дел.

Полученные материалы обобщаются, а затем с помощью привлеченных специалистов соответствующих министерств и ведомств, а также ученых-правоведов разрабатывается первоначальный вариант проекта постановления Пленума с разъяснениями по наиболее важным вопросам, от решения которых зависит качество осуществления правосудия по той или иной категории судебных дел. Данный проект рассылается в нижестоящие суды для получения отзывов на него. Кроме того, тот же проект постановления обсуждается в судебных коллегиях, а также на заседании Научно-консультативного совета, после чего он дорабатывается с учетом поступивших поправок.

В процессе этой работы приходится часто уточнять содержание разъяснений, что в свою очередь приводит к необходимости подготовки новых вариантов проекта. Затем его выносят на Пленум, где заслушиваются и обсуждаются позиции практических работников и ученых по каждому пункту проекта постановления. На этом же заседании Пленума образуют редакционную комиссию из числа его членов и иных участников обсуждения, которая дорабатывает проект с учетом высказанных предложений и замечаний и выносит его на Пленум для голосования.

Принятию этого документа предшествуют выступления министра юстиции Российской Федерации, Генерального прокурора Российской Федерации и членов Пленума по существу доработанного проекта постановления, и лишь после этого его принимают путем голосования, причем по каждому пункту.

Во-вторых, рассматриваемые постановления относятся к актам нормативного толкования *ограниченного действия*.

Отраслевое законодательство достаточно определенно устанавливает круг адресатов постановлений Пленумов. Так, ч. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» распространяет действие рассматриваемых постановлений на все арбитражные суды Российской Федерации.

Подобные нормы содержит Закон РСФСР «О судостроительстве в РСФСР», закрепляя руководящий характер разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В-третьих, постановления Пленумов косвенно *затрагивают права и законные интересы неопределенного круга лиц* (не только судов).

В частности, в соответствии с действующим Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 4 ст. 170) в мотивировочной части судебного решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики. Названное положение предполагает признание выявленного Высшим Арбитражным Судом смысла нормы обязательным для лиц, участвующих в делах, которые рассматривают арбитражные суды.

В-четвертых, рассматриваемые постановления *обеспечиваются специфическим институтом судебного надзора*.

Например, в соответствии с п. 1 ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, подлежат изменению или отмене, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации установит, что оспариваемый судебный акт *нарушает единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права*.

Роль и значение постановлений Пленумов высших судебных инстанций для судебной и в целом правоприменительной практики можно проиллюстрировать на следующих примерах.

В принятой 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации закреплено, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и что ограничение этого права допускается только на основании судебного решения (ст. 23). Кроме того, Конституцией гарантированы неприкосновенность жилища, а также то, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе, как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25).

Эти в то время новые для отечественного законодательства положения, установившие судебный контроль за действиями, нарушающими конституционные права граждан, безусловно вызвали трудности у судов при практическом их применении.

Во избежание разнобоя в применении указанных норм Конституции Пленум Верховного Суда РФ принял 24 декабря 1993 г. Постановление «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации», в котором дал ряд разъяснений и тем самым ответил на множество поступавших из судов вопросов.

В частности, Пленумом разъяснено, что материалы, подтверждающие необходимость ограничения прав, указанных в ст.ст. 23 и 25 Конституции, предоставляются судье уполномоченными на то органами и должностными лицами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и Законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», принятым Государственной Думой 5 июля 1995 г. По результатам рассмотрения материалов судей выносятся мотивированное постановление о разрешении провести оперативно-розыскные или следственные действия, связанные с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений или с проникновением в жилище, либо об отказе в этом.

Разъяснено также, что в случае, если судья не дал разрешение на проведение указанных действий, уполномоченные на то органы и должностные лица вправе обратиться по тому же вопросу в вышестоящий суд. Это постановление Пленума, сыгравшее важную роль в стабилизации практики судов по рассмотрению названных выше материалов, действует и в настоящее время, оказывая помощь судьям в правильном применении законодательства.

Другой пример. В связи с принятием Конституции Российской Федерации в практике разрешения конкретных судебных дел возник вопрос о том, как быть, если суд придет к выводу о противоречии подлежащего применению закона Конституции.

Ответ на этот и ряд других вопросов был дан в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г.; № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». В нем, в частности, обращено внимание судов на то, что согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия. Суд, разрешая дело, применяет Конституцию, когда придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, противоречит ей, либо когда федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции, противоречит соответствующим ее положениям.

В качестве примера действенной помощи судам в правильном толковании и применении закона, которую оказывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, можно сослаться также на его Постановление от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» (в редакции Постановления Пленума от 25 октября 1996 г. № 10). В нем разъяснено, что в соответствии со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, вступившего в силу 23 марта 1976 г., каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

Исходя из этого, жалоба лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, его защитника или законного представителя относительно законности и обоснованности задержания должна приниматься судом к производству и разрешаться по существу применительно к порядку и основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

Как видно из приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, их цель – не только обратить внимание судов на необходимость правильного толкования законов, но и обязать разрешать дела в точном соответствии с действующим федеральным законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права.

Содержащиеся в постановлениях Пленумов разъяснения по вопросам судебной практики способствуют правильному толкованию и единообразному применению закона на всей территории Российской Федерации и помогают избежать судебных ошибок.

Вместе с тем рассматриваемые постановления могут способствовать и неправильному применению закона, что в данном случае лишь подтверждает значимость их воздействия, в частности, на юридическую практику.

Так, до 01.07.2003 г. в Российской Федерации исполнялся Закон РФ «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» (1993 г.), допускающий привлечение юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за неприменение контрольно-кассовой машины, использование незарегистрированной контрольно-кассовой машины, без средств визуального контроля и т.д.

Статья 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вступившего в силу с 01.07.2003 г., ограничила объективную сторону названного правонарушения только неприменением контрольно-кассовой машины.

Сложившаяся практика, по крайней мере арбитражных судов Восточно-Сибирского округа, адекватно восприняла названные изменения – заявления юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности за применение ненадлежащей контрольно-кассовой машины удовлетворялись.

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.07.2003 № 16 «О некоторых вопросах практики применения административной ответственности, предусмотренной статьей 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, за неприменение контрольно-кассовых машин» в корне изменило ситуацию. Пунктом 1 Постановления Пленум разъяснил, что «под неприменением контрольно-кассовых машин следует понимать:

- фактическое неиспользование контрольно-кассового аппарата;
- использование контрольно-кассовой машины, не зарегистрированной в налоговых органах;
- использование контрольно-кассовой машины, не включенной в Государственный реестр;
- использование контрольно-кассовой машины без фискальной (контрольной) памяти, с фискальной памятью в нефискальном режиме или с вышедшим из строя блоком фискальной памяти;
- использование контрольно-кассовой машины, у которой пломба отсутствует либо имеет повреждение, свидетельствующее о возможности доступа к фискальной памяти;
- пробитие контрольно-кассовой машиной чека с указанием суммы, менее уплаченной покупателем (клиентом)».

В литературе высказывается мнение, что такое расширительное толкование противоречит цели административной ответственности, предполагаемой законодателем, значительно ужесточает административный контроль за предпринимательской деятельностью. Сложившаяся ситуация, вероятно, может быть преодолена более авторитетным толкованием (Конституционного Суда) либо изменением самого постановления.

Таким образом, постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов *представляют собой разновидность актов нормативного делегированного толкования*, отвечающих всем их основным признакам.

К **особенностям** рассматриваемых постановлений можно отнести:

- особую процедуру принятия;
- ограниченное действие (адресация);
- способность затрагивать права и законные интересы неопределенного круга лиц;
- специфическую форму обеспечения (надзор).

в) Решения Конституционного Суда РФ в системе актов нормативного толкования

Конституционный Суд Российской Федерации – это сравнительно новый, специализированный властный институт, призванный разрешать дела в целях обеспечения верховенства российской Конституции, защиты конституционного строя, прав и свобод человека. Конституционный Суд самостоятельно и независимо от кого-либо осуществляет свои задачи и функции органа конституционного контроля в форме конституционного судопроизводства¹.

Юрисдикционная природа органов конституционного контроля не вызывает сомнений. Однако есть веские резоны соглашаться с теми исследователями, которые полагают, что Конституционный Суд РФ идет дальше формального истолкования и применения фундаментальных норм. Он развивает конституционно-правовую доктрину, законодательство, предлагает новое понимание тех или иных положений Основного закона, которое «связывает» всех субъектов конституционных отношений и, по выражению Н.В. Витрука, «в известном смысле и в известных пределах творит право»².

Согласно статье 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов.

Решением Конституционного Суда является любой акт, принимаемый в его заседании, выражающий волю данного органа или констатирующий в соответствии с законом определенные обстоятельства. В зависимости от содержания рассматриваемого этим Судом вопроса судебные решения именуются *постановлением*, *заключением* и *определением*.

В соответствии со ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации по существу любого из вопросов, перечисленных в п. 1, 2, 3 и 4 части первой ст. 3 названного Федерального конституционного закона (разрешение вопросов о соответствии Конституции, споров о компетенции, толкование Конституции), именуется *постановлением*.

Итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации по существу запроса о соблюдении установленного порядка выдвижения

¹ В отличие от российской действительности, практика деятельности конституционных судов, например, в странах СНГ, только начинает складываться. См.: Абдрасулов Е.Б. Практика толкования закона в странах СНГ в переходный период // Правоведение. 2002. № 4.

² Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий /Отв. ред. Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. М., 1996. С. 23.

обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления именуется *заключением*.

Все иные решения Конституционного Суда Российской Федерации, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, именуются *определениями*¹.

Дискуссионный характер актов Конституционного Суда обусловлен в значительной степени их несколько неопределенной правовой природой.

С одной стороны, жесткая формулировка Конституции Российской Федерации (ст. 125) недвусмысленно относит Конституционный Суд (следовательно, и его акты) к судебной власти.

С другой стороны, сложившаяся практика, закрепленная законом высшая юридическая сила (применяется на всей территории Российской Федерации, обжалованию не подлежит) решений Конституционного Суда, их последствия², отсутствие правовых механизмов воздействия на позицию Суда, способствуют признанию за Конституционным Судом законотворческих полномочий. В ходе своей текущей, повседневной работы нередко, как отмечает М.А. Митюков, Конституционный Суд выносит решения, создающие новые нормы³.

Названная неопределенность приводит в юридической литературе либо к попытке отнести акты Конституционного Суда к творчеству, так сказать, «негативного законодателя»⁴. Либо, учитывая «жесткость» Конституции РФ и несовершенство законодательства, признавать за актами Конституционного Суда *правотворческий характер* (Н.Н. Вопленко)⁵.

По мнению большинства современных ученых, решения Конституционного Суда (точнее, его постановления) являются источниками права⁶, так как они:

- 1) могут содержать и отменять правовые нормы;
- 2) имеют во многих случаях силу закона;
- 3) выносятся именем Российской Федерации, являются окончательными и пересматриваются только этим органом;
- 4) обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов власти, должностных лиц, организаций и граждан;

¹ В настоящей работе в целях избежания отягчающих текст повторений под актами и решениями Суда понимаются исключительно его постановления (а также в зависимости от ситуации - определения), если не оговорено иное.

² Согласно ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации в случае принятия Судом решения о неконституционности нормативный акт или его отдельные положения утрачивают юридическую силу, не соответствующие конституционным нормам международные договоры Российской Федерации не вводятся в действие и не применяются.

³ Эффективность закона: Методология и конкретные исследования / Отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М., 1997. С. 138.

⁴ См.: Колесников Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 3. С. 37.

⁵ Вопленко Н.Н. О понятии и функциях правотворческого толкования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 1. С. 73.

⁶ См.: Эффективность закона: Методология и конкретные исследования / Отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. С. 39.

- 5) подлежат официальному опубликованию;
- 6) обладают большим моральным авторитетом¹.

Т.Я. Хабриева к актам (постановлениям) Конституционного Суда относит также характеризующие их как источник права:

- а) нормативное действие;
- б) высшую юридическую силу;
- в) способность преодолевать пробелы в праве².

Н.В. Варламова предлагает более мягкую формулировку правотворческого характера актов Конституционного Суда – их *функционализирование* как источника права. «Решения Конституционного Суда Российской Федерации, - отмечает она, - будучи отнесенными к нормативным актам, очевидно, займут в иерархии место между Конституцией и законами, что будет означать осуществление законотворчества ненадлежащим органом (не имеющим представительного характера), то есть нарушение принципов правового государства и разделения власти. Поскольку Конституционный Суд является пусть и специфическим, но органом, осуществляющим судебную власть, то и его правотворческие функции должны реализовываться в присущей судам форме судебного прецедента»³.

Представляется, что изложенные позиции нуждаются в некотором уточнении.

- Во-первых, как неоднократно пояснял сам Конституционный Суд, разрешение вопросов, требующих **законодательного** урегулирования, Конституционному Суду Российской Федерации «неподведомственно, поскольку выходит за рамки его статуса как органа, осуществляющего правосудие посредством конституционного судопроизводства. Иное означало бы нарушение закрепленных Конституцией Российской Федерации разделения властей, самостоятельности органов законодательной и судебной власти, а также прерогатив Федерального Собрания и Конституционного Суда Российской Федерации (статьи 10, 11, 94, 118 и 125)»⁴.

Во-вторых, формулировки правил поведения, отвечающих признакам нормы права, содержатся в актах Конституционного Суда (их резолютивных частях) достаточно редко, при этом в большинстве таких случаях Суд выводит сформулированное правило из смысла конституционных норм, фактически «выдавая» их за результат толкования.

Как указал Конституционный Суд в Постановлении от 28.03.2000 № 5-П, «Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении дел о конституционности законов... принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся пра-

¹ См.: Колесников Е.В. Указ. соч. С. 48.

² Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998. С. 53.

³ Николаев Е.А. Указ. соч. С. 25.

⁴ См.: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2001 № 1-П; от 30.07.2001 № 13-П.

воприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов ...проверка конституционности закона осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации на основе *оценки смысла рассматриваемого акта*, с тем чтобы исключить его применение и, следовательно, истолкование в смысле, противоречащем конституционным нормам. Поэтому вопрос об истолковании правовых норм, проверяемых на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, разрешается именно Конституционным Судом Российской Федерации».

В-третьих, необходимо учитывать *юрисдикционную* природу актов Конституционного Суда. Представляется, что постановляющая часть постановлений Суда, признающая проверенный нормативный акт неконституционным или подтверждающая его соответствие Основному закону, выходящая за рамки непосредственно толкования, выражает присущее Суду полномочие *конституционного контроля* и не предполагает осуществление правотворческой функции¹.

Следовательно, утверждение о правотворческом характере как *основной* составляющей природы актов Конституционного Суда представляется несколько необоснованным; отнесение названных актов (в целом) к источникам права в *формально-юридическом* смысле — преждевременным.

Вместе с тем изложенная позиция не предполагает отрицания правотворческого характера отдельных актов Суда, допускает признание наличия в названных актах *элемента* правотворчества.

В этой связи правомерным представляется вывод о *сложноставной* природе актов Конституционного Суда, их способности формулировать одновременно нормы права, властные предписания индивидуального характера и интерпретационные правила.

Сказанное не ставит под сомнение *общеобязательность* актов Конституционного Суда. Как пояснил Суд в Постановлении от 16 июня 1998г. № 19-П, его решения имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Более того, думается, что акты Конституционного Суда, с точки зрения юридической силы, имеют *надзаконный* характер. Такая характеристика обусловлена названной особой юрисдикционной функцией конституционного контроля, присущей Суду.

С учетом изложенного представляется, что акты Конституционного Суда являются *общеобязательными надзаконными актами толкова-*

¹ Д.Н. Бахрах и А.Л. Бурков высказывают иную точку зрения. По их мнению, судебный нормоконтроль (в том числе осуществляемый Конституционным Судом) является выражением именно правотворческой функции. См.: Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 17.

ния норм права, содержащими элементы правотворческих, юрисдикционных и правоприменительных актов¹.

Особенности правовой природы актов Конституционного Суда обусловлены спецификой их содержания. Конституционный Суд «выражает свое отношение как к позиции законодателя или иного нормотворческого органа, так и к ее пониманию правоприменителем, основываясь при этом на толковании положений Конституции Российской Федерации, в сфере которого, по смыслу ее статьи 125 (части 5 и 6), только Конституционный Суд Российской Федерации выносит официальные решения, имеющие общеобязательное значение. Поэтому его постановления являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта, а также обязывают всех правоприменителей, включая другие суды, действовать в соответствии с *правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации*»².

Природа *правовых позиций* Конституционного Суда как основной составляющей его актов, самим Конституционным Судом не отделяемая от его решений³, является одной из наиболее активно обсуждаемых проблем современной юридической теории и практики.

Согласно верному утверждению Н.В. Витрука «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации – новое правовое явление. Их природу и назначение нельзя рассматривать в уже известной системе категорий общей теории права. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не являются нормами права, прецедентами, актами официального толкования норм права и т.д. правовая позиция лежит в основе вывода Конституционного Суда... в том конституционном смысле, какой ему придает именно Конституционный Суд, подчас вопреки сложившейся практике арбитражных судов или судов общей юрисдикции»⁴.

¹ Следует отметить, что в юридической литературе высказывалась точка зрения о наличии в актах Конституционного Суда элементов казуального толкования, издаваемого применительно к обстоятельствам конкретного дела (см.: Питерская А.Л. Официальное толкование норм Конституции Российской Федерации высшими судебными органами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 17). Представляется, что с учетом положений статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (Конституционный Суд при принятии решения не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении), вышеизложенных характеристик природы актов Суда данная позиция не вполне обоснованна.

² Российская газета. 1998. 30 июня.

³ См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2003 № 32-О.

⁴ Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Цит. по: Николаев Е.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему // Политика и право. 2002. № 3. С. 20.

Имеющиеся в юридической литературе точки зрения позволяют выделить несколько подходов к определению правовой природы правовых позиций Конституционного Суда.

Первый подход базируется на понимании правовой позиции как *вывода, сформулированного в резолютивной части решения Суда*. К сторонникам названного понимания можно отнести Н.В. Витрука, В.А. Кражкова¹.

Второй подход определяет правовую позицию как *систему аргументов, логических умозаключений, интерпретацию, содержащуюся в мотивировочной части решения Конституционного Суда*. Данного подхода придерживаются Л.В. Лазарев, Г.А. Гаджиев, М.А. Митюков, Б.А. Страшун, Е.А. Николаев².

¹ По мнению Н.В. Витрука, «правовые позиции Конституционного Суда РФ есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации (толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции». (Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28). С.95.)

С точки зрения В.А. Кражкова, правовая позиция Конституционного Суда – «это логико-правовое (прежде всего конституционное) обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, установок, имеющих общеобязательное значение». (Кражков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М., 1999. С. 109.)

² Так, по мнению Л.В. Лазарева правовая позиция Конституционного Суда – это содержащаяся в его итоговых решениях интерпретация конституционно-правовых принципов и норм, которая становится системой правовых аргументов, лежащих в основе решения Конституционного Суда. (Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3-13.)

Г.А. Гаджиев считает, что правовая позиция – «это отношение суда к содержанию конституционной нормы в результате ее истолкования», «отраженный в мотивировочной (установительной) части постановления Конституционного Суда подход к интерпретации конституционной нормы, причем именно той нормы, которая положена в основу резолютивной части окончательного постановления КС Российской Федерации». (Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. № 3. С. 64.)

М.А. Митюков полагает, что «в общем плане правовые позиции Конституционного Суда представляют собой его отношение к определенным конституционно-правовым проблемам, закрепленное в его решениях. Это результат, итог процесса анализа аргументов и выводов Суда, они образуют интеллектуально-юридическое содержание судебного решения». (Митюков М.А. Акты Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов РФ и некоторые вопросы их исполнения // Рабочие материалы Всероссийского совещания «Проблемы исполнения решений...» (Москва, 22 марта 2001 г.)).

С точки зрения Б.А. Страшуна, правовая позиция Конституционного Суда – это толкование Конституции РФ, содержащееся в мотивировочной части постановлений и не являющееся нормой конституционного значения. (Страшун Б.А. Предисловие к сб.: Федеральное конституционное право России. Основные источники. М., 1996.)

По мнению Е.А. Николаева, «правовая позиция Конституционного Суда РФ – это не сама норма, а то или иное понимание ее смысла. Правовые позиции являются категорией так называемого «мягкого права» и не могут претендовать на то, чтобы функционировать как императивные нормы, обязательные для исполнения всеми субъектами права. С субъективной точки зрения, правовые позиции, являясь феноменом правосознания, должны фактиче-

Третий подход состоит в попытке объединить первые два. К его сторонникам относятся В.О. Лучин, М.Г. Моисеенко, О.Н. Доронина, О.В. Романова, Е.Ю. Терюкова¹.

С учетом того, что интерпретация Конституционным Судом содержания правовых норм, которую отражают правовые позиции, предполагает как уяснение смысла норм (внутренний логический процесс, включающий систему аргументации), так и его разъяснение (выражен-

ски утвердиться в сознании представителей юридического сообщества и прежде всего судебного корпуса. Правовая позиция как феномен правосознания, прежде чем стать императивной нормой, должна реализоваться и пройти проверку как *убедительный прецедент толкования* для законодателей и правоприменителей - прежде всего судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ и судов иных юрисдикции в конкретных правоотношениях. С точки зрения единства судебной системы, такое применение правовых позиций является необходимым до тех пор, пока законодатель не примет соответствующую норму права, регулирующую подобным или иным образом данные общественные отношения. При формулировании правовых позиций как общих принципов, основанных на конкретизации конституционных норм в делах о нормоконтроле, в которых оспариваемая норма была признана конституционной, именно такое понимание их юридической природы является, на наш взгляд, наиболее адекватным». (Николаев Е.А. Указ. соч. С. 21.)

¹ В.О. Лучин и М.Г. Моисеенко определяют правовую позицию как «коллегияльное решение Конституционного Суда, выражающее понимание им конкретных положений Конституции в процессе их соотношения с проверяемой правовой нормой с целью устранения неопределенностей, возникших у инициаторов обращения (запроса, жалобы, ходатайства). Она формируется волей отдельных лиц — судей, отражает позицию их большинства, благодаря чему приобретает в отличие от особого мнения официальный характер. В основе правовой позиции лежат научные знания, правосознание, правовые доктрины, конституционные принципы и ценности конституционализма». (Лучин И.О., Моисеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 54-73.)

Согласно другой точке зрения, «правовая позиция Суда — это не только его итоговый вывод о соответствии или несоответствии норм рассматриваемого закона Конституции Российской Федерации, но и система аргументов, приведенных им в обоснование своего решения. Она может содержать как толкование норм Конституции, которые применялись в качестве эталона конституционности проверяемых норм закона, так и толкование содержания самих исследуемых положений закона». (Лучин В.О., Доронина О.Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ. М., 1998. С. 140.)

Ю.Е. Терюкова считает, что «правовая позиция — это мнение, отношение органа конституционного правосудия к той или иной норме Конституции. По сути своей это толкование норм Конституции, даваемое в связи с разрешением органом конституционного правосудия конкретных дел... Правовая позиция — самостоятельная часть акта органа конституционного правосудия... и сам окончательный вывод органа конституционного правосудия по существу — отдельная правовая позиция, только сформулированная в резолютивной части решения. Таким образом, правовые позиции органа конституционного правосудия (его правовая доктрина) — особая часть акта конституционного правосудия, которая влечет самостоятельные правовые последствия, зачастую не связанные или связанные весьма опосредованно с правовыми последствиями итогового вывода этого решения в целом». (Терюкова Е.Ю. Правовые акты в процессе осуществления конституционного правосудия // Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 144-151.)

По мнению О.В. Романовой, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации — это интерпретация Конституционным Судом какого-либо явления конституционно-правовой действительности (правового принципа, нормы, понятия), проведенная при рассмотрении конкретного вопроса (дела) и выраженная в тексте итогового решения Суда. (Романова О.В. Правовые позиции Конституционного Суда России по вопросам нормотворчества федеральных органов (1994-1999 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

ное в выводах), последняя точка зрения представляется наиболее убедительной (данную позицию официально поддерживает и сам Конституционный Суд, например, в Определении от 25.07.2001 № 138-О)¹.

В юридической науке по-прежнему к спорным относится вопрос об обязательности правовых позиций Конституционного Суда. По мнению А.Ф. Черданцева и В.А. Кряжкова, общеобязательность является основной составляющей правовой позиции². Б.А. Страшун и Е.А. Николаев отрицают обязательность правовых позиций Конституционного Суда, признают за ними авторитетное, но не обязательное значение. Правовое и теоретическое обоснование названных позиций видится достаточно неоднозначным.

Из смысла ст. 73 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что правовые позиции имеют относительное руководящее значение для судей Конституционного Суда, не исключающее возможности выносить решения в противоречии с ранее сформулированными позициями.

Вместе с тем сам Конституционный Суд признает, например в Определении от 27.12.2002 № 300-О, общеобязательный характер сформулированных им правовых позиций³.

Более того, Конституционный Суд распространяет обязательное значение своих правовых позиций, в том числе и на федерального законодателя. Например, в Определении от 14.12.2002 № 258-О по жалобам акционерного общества «Энергомаш» и открытого акционерного общества «Табачная фабрика Омская» на нарушение конституционных прав и свобод п. 4 ст. 8 Закона Российской Федерации «О налоге на добавлен-

¹ Собрание законодательства РФ. 2001. № 32. Ст. 3410.

² А.Ф. Черданцев определяет правовые позиции как «мнение Конституционного Суда Российской Федерации по определенному юридическому вопросу, выраженное в его решениях, являющееся обязательным для других субъектов, в том числе государственных органов, и для самого Конституционного Суда». (Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. Ч. 2. С. 65.)

³ В названном Определении Конституционный Суд указал, что положения уголовно-процессуального законодательства, исключающие по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, возможность обжалования в суд действий и решений органов предварительного расследования, уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 23 марта 1999 г. по делу о проверке конституционности положений ст. 133, части первой ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал имеющую *общий характер правовую позицию*... Или пункт 2.2 Постановления от 14.07.2003 № 12: «Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде постановлений, в случаях, когда суды при рассмотрении дела не исследуют по существу фактические обстоятельства, ограничиваясь только установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным (Постановления от 6 июня 1995 года по делу о проверке конституционности положения статьи 19 Закона РСФСР "О милиции", от 13 июня 1996 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР, от 28 октября 1999 года по делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О налоге на прибыль предприятий и организаций"). Данная правовая позиция имеет *общий характер* и касается любых правоприменителей, включая налоговые органы».

ную стоимость» Конституционный Суд пояснил, что «вопрос о конституционности законоположений, допускающих установление существенных элементов налогообложения не законом, а нормативными актами федеральных органов исполнительной власти, уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Правовые основания, приведенные в этих постановлениях, а следовательно, и изложенные Конституционным Судом Российской Федерации *правовые позиции* носят общий характер и распространяются на все **законы**, принимаемые в сфере налогообложения»¹.

Кроме этого, Конституционный Суд при вынесении решений прямо ссылается на сформулированные им ранее правовые позиции. Так Конституционный Суд в Определении от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав п. 2 части третьей ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пояснил, что предусмотренное п. 2 части третьей ст. 56 УПК Российской Федерации освобождение защитника от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах, которые стали ему известны или доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению интересов обвиняемого и является гарантией беспрепятственного выполнения защитником возложенных на него функций; в этом заключается смысл и предназначение указанной нормы. Такое понимание адвокатского иммунитета вытекает из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Определении от 6 июля 2000 г. № 128-О по жалобе гражданина В.В. Наршуткина на нарушение его конституционных прав п. 1 части второй ст. 72 УПК РСФСР и ст.ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

Следовательно, в вопросе о конституционности п. 2 части третьей ст. 56 УПК Российской Федерации неопределенность отсутствует, а значит, отсутствует и предусмотренное частью второй ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основание для принятия данной жалобы к рассмотрению.

В связи с изложенным актуальным представляется вопрос о правомочности подобных заявлений Конституционного Суда, о их основанности на Конституции России.

Думается, что из положений ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст.ст. 1, 3, 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» вытекает необходимость признания за Конституционным Судом статуса особого судебного органа конституционного контроля, полностью независимого в рамках своей компетенции, правомочного в названных границах самостоятельно конкретизировать свои полномочия.

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

Таким образом, признание общеобязательности в качестве основной составляющей характеристики правовой природы правовых позиций Конституционного Суда является достаточно обоснованным¹.

Кроме изложенных характеристик (закрепленность в решениях Конституционного Суда и общеобязательность) в юридической литературе встречаются следующие признаки правовой позиции Конституционного Суда РФ².

1. Казуальность.
2. Отнесенность к строго очерченному кругу вопросов, подведомственных Конституционному Суду РФ.
3. Коллегиальность.
4. Специфический информационный источник (научное мировоззрение судей, разъяснения экспертов, специалистов).
5. Специфический юридический источник (Конституция РФ, конституционные нормы и принципы, а также предыдущие постановления КС, касающиеся предмета рассмотрения).
6. Потенциальная возможность опровержения презумпции истинности правовой позиции Конституционного Суда.
7. Гласность.
8. Независимость.

Кроме того, важнейшим свойством правовой позиции представляется ее *системообразующий* характер, выражающийся в способности воздействовать на правовые нормы с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации, упорядочении их системы.

В связи с вышесказанным наиболее подходящим определением правовой позиции Конституционного Суда представляется следующее: *правовые позиции – это общеобязательные выводы Конституционного Суда, выраженные в мотивировочной и/или резолютивной части его решения.*

Указанные характеристики относятся исключительно к категории *правовая позиция*, а не к *решению суда*³.

Различая понятия – решение суда и его правовая позиция, В.А. Кряжков обоснованно отмечает, что правовые позиции как установки (*квазинормы*) имеют самостоятельное в сравнении с судебными решениями значение. С этим увязывается то, что:

- в решении может формулироваться не одна, а несколько правовых позиций;
- правовые позиции обязательны для суда, принявшего решение, он руководствуется ими при рассмотрении иных дел;

¹ См.: Барщевский М. Решения Конституционного суда – правовые маяки в море политических и экономических страстей // Российская юстиция. 2003. № 12. С. 9.

² Там же. С. 8. См. также: Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 7. С. 86.

³ Николаев Е.А. Указ. соч. С. 21-25.

- единый ряд правовых позиций позволяет суду «держаться линии», то есть выносить согласованные между собой решения, что важно для создания прецедентно непротиворечивой судебной практики;

- правовые позиции, последовательно проводимые в решениях суда, выражают его устойчивое отношение (позицию в широком смысле) к макроконституционно-правовым проблемам и ценностям;

- изменение судом своей правовой позиции (подобное при определенных условиях не исключено и имеет место на практике, не означает отмены ранее принятого решения¹. Оно сохраняет силу, хотя и не может более восприниматься в качестве прецедента при рассмотрении аналогичных вопросов в будущем»².

И в заключение собственный вывод Конституционного Суда о природе своих решений, сформулированный в Постановлении от 13 декабря 2001 г. № 16-П по делу о проверке конституционности части второй ст. 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве»: «Наличие на момент принятия Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» федерального законодательства, которым регулируются отношения, касающиеся постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельными участками и их перерегистрации, исключает для законодательного органа субъекта Российской Федерации установление собственного регулирования в противоречие с федеральным. Такой запрет вытекает из статей 15 (часть 2) и 76 (части 1, 2 и 5) Конституции Российской Федерации. Принятые вопреки данному запрету, т.е. с нарушением компетенции, акты субъектов Российской Федерации применению не подлежат, а ограничиваемые ими права граждан во всяком случае могут и должны быть восстановлены в процессе правоприменения на основе прямого действия Конституции Российской Федерации и приоритета федерального закона.

Это, однако, не снимает необходимости проверки Конституционным Судом Российской Федерации - при наличии законных поводов и оснований - конституционности принятых с нарушением компетенции законов субъектов Российской Федерации также по содержанию норм, тем более в случаях, когда права гражданина, нарушенные законом субъекта Российской Федерации, не были защищены состоявшимися по делу правоприменительными решениями.

Такая правовая позиция вытекает из Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 года по делу о проверке консти-

¹ По мнению Т.Я. Хабриевой, положение о неизменности решения в случае изменения сформулированной в нем правовой позиции является непоследовательным / Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 52.)

² Крайков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М., 1999. С. 110.

туционности отдельных положений статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Она обусловлена *юридической природой решений Конституционного Суда Российской Федерации, являющихся единственными судебными актами, которые лишают противоречащие Конституции Российской Федерации нормы юридической силы и, следовательно, обеспечивают единообразное применение конституционных положений в их развитии законодательной властью*¹.

Таким образом, акты Конституционного Суда имеют *сложносоставную* правовую природу, предполагающую способность формулировать одновременно нормы права, властные предписания индивидуально-го характера и интерпретационные правила.

Утверждение о правотворческом характере как *основной* составляющей природы актов Конституционного Суда представляется несколько необоснованным; отнесение названных актов к источникам права в *формально-юридическом* смысле – преждевременным.

Основной составляющей содержания решения Суда являются правовые позиции - *общеобязательные выводы Конституционного Суда, выраженные в мотивировочной и/или резолютивной части решения.*

§ 3. Акты казуального толкования

Важную и наиболее обширную подсистему актов официального толкования составляют акты казуального толкования². Они представляют собой разъяснение смысла правовой нормы применительно к конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела, имеющее обязательное значение только для данного случая.

Акт казуального толкования в юридической литературе чаще всего отождествляется с мотивировочной частью правоприменительного акта, рассматривается в качестве основной формы *правоприменительного* толкования.

В этой связи осмысление природы актов казуального толкования предполагает предварительное исследование общей характеристики правоприменительного толкования, связи актов казуального толкования и правоприменительных актов. Так, само правоприменительное толкование относится к числу проблем, недостаточно разработанных юридической наукой³.

¹ Вестник Конституционного суда РФ. 2002. № 2.

² См.: Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 51.

³ Проблемам правоприменительного толкования прямо или косвенно уделялось внимание в следующих работах: Александров Н.Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1958; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1965; Берченко А.Я. Применение советского социалистического права. М., 1960; Бро Ю.Н. Проблемы применения советского права. Иркутск, 1980; Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971; Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973; Карташов В.Н. Применение права. Ярославль,

По мнению Д.А. Гаврилова, «правоприменительное толкование» является комплексной правовой категорией, сложившейся в результате синтеза двух научных направлений: теории правоприменения и теории толкования правовых норм. Однако при всей близости и сопряжённости породивших его двух проблем юриспруденции они существенно различаются по объектам, способам и понятийному аппарату познания. Объектом правоприменения выступает конкретный жизненный случай, подлежащий разрешению уполномоченным на то органом государства, объектом толкования - нормативно-правовой акт или его отдельные части. Связующим звеном между ними является *цель* обеспечения правильной реализации юридической нормы и устранения возникших на этом пути объективных и субъективных трудностей и препятствий»¹.

Применение права осуществляется путём индивидуализации правового веления по отношению к участникам юридического дела, формулирования на основе абстрактной нормы их конкретных, персональных прав и обязанностей.

Толкование же предназначено быть одним из средств обеспечения такой индивидуализации нормы, поскольку в ходе интерпретации используются особые приёмы и способы уяснения её смысла: грамматический, систематический, историко-политический, логический.

Достигнутая степень полноты и ясности смысла правового предписания, нашедшая своё выражение в результатах толкования, конкретизирует его содержание и подготавливает для применения к данному случаю. Толкование идёт впереди применения права и в то же время, как принято говорить, сопутствует ему. Оно рассматривается и как средство обратной связи между единичным случаем, нуждающимся в урегулировании, и предельно конкретизированной нормой права, которая истолковывается для этих целей. Поэтому связь толкования и применения права представляется двухсторонней. Результатом же синтеза применения и толкования права является формулирование особого правоприменительного толкования, издание акта, имеющего *двойственную правовую природу* — акта правоприменительного и акта толкования одновременно.

Предложенная позиция достаточно распространена в юридической литературе². Действительно, в любом судебном решении, другом мотивированном правоприменительном акте имеется разъяснение содержа-

1980; Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972; Михалёв Я.С. Применение социалистического права в период развёрнутого строительства коммунизма. М., 1963; Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1955; Фарбер И.Е. Сущность и способы применения советского закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951.

¹ Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 57.

² См., например: Гаврилов Д.А. Указ. соч.; Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1947. С. 175; Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1960. С. 145; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 141.

ния правовой нормы, обоснование ее относимости (неотносимости) к конкретным фактическим обстоятельствам, исследуемым при вынесении акта.

Однако некоторые авторы не соглашаются с приведенной точкой зрения. Например, по мнению А.С.Пиголкина, в процессе применения правовой нормы нет такого самостоятельного явления, как разъяснение смысла нормы, оно тесно слито и переплетается с самим решением, и выделять его нельзя. В судебном решении выражается понимание судьей нормы права, однако здесь не ставится специальной цели толковать правовую норму. Толкование правовой нормы в процессе решения конкретного дела - лишь необходимая предпосылка для правильного, законного решения дела. Говорить о казуальном толковании можно лишь там, где ставится специальная цель - разъяснить смысл правовой нормы, где такое толкование находит свое оформление ввне с тем, чтобы носить официальный, юридический характер¹.

По обоснованному мнению В.В. Кошелевой, с данной позицией нельзя согласиться ввиду следующего.

Во-первых, процесс толкования вызван рядом объективных причин, в связи с чем постановка специальной цели - разъяснить смысл нормы - будет неестественным, искусственным процессом создания якобы необходимых предпосылок для реализации процесса толкования.

Во-вторых, толкование правовой нормы является неотъемлемым и одним из наиболее важных элементов правореализационного процесса, поэтому в каждом конкретном случае процесс правоприменения осуществляется посредством последовательного прохождения каждой стадии. Исключить из этой цепи какое-либо звено - значит нарушить весь процесс реализации права.

В-третьих, в любом правоприменительном акте действительно имеется ссылка на закон. Однако не факт наличия ссылки, а то обстоятельство, что необходимым условием при вынесении любого решения является его юридическое *обоснование*, свидетельствует о наличии толкования закона в каждом конкретном случае.

Сказанное относится, прежде всего, к судебным актам. Как справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28.03.2000 № 5-П, «суд общей юрисдикции или арбитражный суд, принимая на основании статьи 120 (часть 2) Конституции Российской Федерации решение по делу в соответствии с законом, самостоятельно определяет, какие нормы подлежат применению; при этом он должен *уяснить* смысл выбранной им правовой нормы, т.е. ее содержание и связь между ней и конкретным фактом, правильно квалифицировав последний».

Все изложенное свидетельствует о том, что казуальное толкова-

¹ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 151.

ние имеет место в каждом случае правоприменения и является неотъемлемой составляющей этого процесса¹. Значит, акты казуального толкования относительно редко встречаются в качестве самостоятельных актов, преимущественно такое толкование сформулировано в актах правоприменительных органов, содержащих одновременно индивидуальные властные предписания².

Конечно, при этом следует оговориться о необходимости учитывать неисчерпаемое многообразие юридической практики, нередко порождающей ситуации, не вписывающиеся в распространенные правовые конструкции.

Отличительной (от актов нормативного толкования) особенностью актов казуального толкования является то, что они обладают *индивидуальным* характером. Официальные казуальные разъяснения применимы и обязательны только для решения того дела, в отношении которого они даны, поэтому их нельзя механически распространять на другие дела, так как каждое дело имеет специфические особенности и казуальное разъяснение может быть дано с учетом именно этих особенностей, отсутствующих в другом однородном деле.

Внутреннее содержание актов казуального толкования составляют полученные в результате толкования *выводы*, которые являются элементами обоснования принимаемого решения. В силу этого акты казуального толкования называют правообосновывающими актами³.

По мнению А.Б. Венгерова, процесс создания казуальным толкованием правообосновывающих положений необходим и неизбежен, ибо высокая степень обобщенности, абстрактности норм порождает конкретизацию как специфический способ реализации права⁴.

Действительно, при рассмотрении конкретного дела применение правовой нормы к данным общественным отношениям в конечном счете означает индивидуализацию правового веления. Конкретизация права в данных обстоятельствах означает приближение нормы к условиям ее применения с тем, чтобы сделать правильные выводы из этой нормы для данных фактов жизни, чтобы установить применимость или неприменимость ее к этим фактам в данных конкретных условиях места и времени. Поэтому содержание актов казуального толкования в отличие от остальных актов толкования характеризуется *разовым*, конкретным значением.

Разновидностями актов казуального толкования являются акты *судебного* и *административного* толкования.

Акты *судебного* казуального толкования издаются судебными органами (всех уровней, начиная от мирового судьи, городских, районных судов общей юрисдикции, арбитражных судов субъектов Российской

¹ Кошелева В.В. Указ соч. С. 30.

² В качестве примеров такого акта к работе прилагаются несколько судебных актов, разработанных автором настоящего исследования.

³ См.: Волленко Н.Н. Указ. соч. С. 40.

⁴ См.: Венгеров А.Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР // Сов. государство и право. 1969. № 10. С. 44.

Федерации, заканчивая Верховным и Высшим Арбитражным судами Российской Федерации) при рассмотрении конкретных дел.

Акты *административного* казуального толкования издаются административными органами в процессе применения норм права к конкретным случаям и распространяют свое обязательное действие на данный случай. Особенность этого вида актов толкования в том, что они могут существовать не только в форме решений по конкретному делу, но и в форме указаний нижестоящим органам (по их запросам или заявлениям заинтересованных лиц), как эти органы должны решать то или иное конкретное дело.

Акты казуального толкования имеют огромное значение для юридической практики. Имея формально-обязательное значение только для лиц, участвующих в данном деле, фактически они оказывают влияние на всю деятельность судебной и административной системы, так как служат неофициальным образцом того, как должны решаться дела подобного рода.

Особое значение приобретают решения вышестоящих инстанций¹, а также судебные акты, опубликованные в официальных печатных изданиях правоприменительных органов (например, о признании арбитражным судом нормативного правового акта недействующим)². В такого рода решениях содержатся образцы понимания законов. В связи с этим вполне закономерны выводы ряда авторов о существовании в актах казуального толкования прецедента *толкования* правовой нормы³.

Следует отметить, что прецедент в данном случае рассматривается не как источник права, а понимается в обыденном смысле этого слова как случай, имевший место ранее и служащий примером при разрешении сходного дела.

Так, А.Б. Венгеров, анализируя судебную практику, указывает, что в ней усматривается прецедент толкования нормы. Являясь образчиком правильного применения нормы права, прецедент толкования в силу

¹ В соответствии с ч. 2 ст. 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации указания арбитражного суда кассационной инстанции, в том числе на *толкование* закона, изложенные в его постановлении об отмене решения, постановления суда первой, апелляционной инстанций, обязательны для арбитражного суда, вновь рассматривающего данное дело. Согласно ст. 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указания вышестоящего суда о *толковании* закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело.

² В настоящее время природа судебных актов «нормоконтроля» является одной из актуальных проблем юриспруденции. См.: Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. № 2; Яценко В.Н. Применение подзаконных нормативных правовых актов в судебной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

³ См.: Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы. С. 5; Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВЮОН. Вып. 9. М., 1947. С. 245; Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 41-42; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 153; Пионтковский А.А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. С. 6-7; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 143-145.

своего информационного характера, неоднократного применения получает общеизвестность, устойчивость и учитывается в судебной деятельности при применении нормы права, способствует правильному разрешению уголовных и гражданских дел¹.

По мнению А.А. Пионтковского, решения, вынесенные по конкретным делам, приобретают общее значение в силу их внутренней убедительности и выступают как примеры правильного понимания и применения закона².

Говоря о значении прецедентов толкования, А.Ф. Черданцев отмечает: «Общеобязательность прецедентов толкования основывается на *imperio rationis* (силе, власти разума). Поэтому авторитетом обладают те прецеденты, которые имеют в своем основании убедительную аргументацию. Неопровержимость аргументации ведет к неопровержимости выводов о содержании толкуемых законов. Неопровержимость, доказанность выводов из общеобязательных законов делает общеобязательными и сами выводы из законов»³.

Таким образом, значение актов казуального толкования состоит в том, что они способствуют правильному разрешению конкретных случаев, являются образцами при рассмотрении аналогичных дел, чем существенно влияют на юридическую практику, и, кроме того, служат прообразом будущих нормативных предписаний.

При этом необходимо отметить, что понятие «акт казуального толкования» не тождественно разработанной юридической наукой категории *судебного прецедента* (как источника права).

В российской юриспруденции проблема *прецедентного* права является одной из самых сложных и спорных. По мнению Т.В. Власовой, на сегодняшний день в отечественной литературе нет четкого определения данной правовой категории⁴. В советский период правотворческие полномочия судов и наличие судебных прецедентов категорически отрицались. Считалось, что ни советское государство, ни зарубежные социалистические государства такого источника права не знают. Обосновывалось это тем, что прецедент якобы ведет к отступлению от начал законности и подрывает роль представительных органов государства в законодательной деятельности. В современный период радикальных социально-экономических и политических преобразований, отказа от идеологических и юридических догм и стереотипов все большую поддержку приобретает позиция о значении судебного прецедента как источника права, хотя доктрина прецедентного права официально не признана.

Аргументы в пользу признания этой новой формы выражения и существования правовых норм весомы. В самом деле, конституционный принцип разделения властей привел к тому, что общенациональное

¹ Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 5.

² См.: Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 6-7.

³ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 144.

⁴ Власова Т.В. Прецедентное право Англии: теоретико-сравнительный анализ. М., 2002. С. 9.

представительное учреждение - парламент - издает законы, глава государства и центральный исполнительный орган государственной власти соответственно указы и постановления, а любые суды в советский период таким правом не обладали. В нынешних условиях, когда судебная власть является самостоятельным и равноправным партнером других ветвей власти, подобное отрицание вряд ли уместно¹.

Согласно общераспространенным представлениям судебный прецедент характеризуется следующими чертами²:

1. Судья создает прецедент при пробеле в праве³.
2. Принятие решения осуществляется высшими по статусу судебными инстанциями в рамках общей юрисдикции (апелляционными, первой инстанцией по наиболее важным делам)⁴.
3. Прецедент содержит ответ на вопросы не факта, а права по конкретному делу.
4. Норма права или правовой прецедент содержится в *ratio decidendi* судебного решения, составляет прецедент в узком смысле слова. Но не вся правовая аргументация является *ratio decidendi*, а только те доводы, которые судья считает необходимыми для своего решения. Остальная часть аргументации относится к *obiter dictum* (попутно сказанному). Когда говорится, что в соответствии с английской доктриной прецедента судья обязан последовать прецеденту, то имеется в виду, что

¹ По обоснованному мнению П.А. Лаптева, с вхождением России под юрисдикцию Европейского суда по правам человека прецеденты названного Суда являются источником российского права. В этой связи дискуссия о возможности признания судебного прецедента источником права (для России) несколько утратила свою актуальность. См.: Лаптев П. Нельзя забывать, что Россия - часть европейского правового пространства (изложение доклада Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П. Лаптева на V Всероссийском съезде судей) // Российская юстиция. 2001. № 3; Лаптев П.А. О правосубъектности индивида в свете международно-правовой защиты прав человека // Журнал российского права. 1999. № 2; Лаптев П.А. Стандарты Совета Европы и правовая система РФ // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. М., 1998. С. 52-63.

² См.: Власова Т.В. Указ. соч. С. 10-11; Барак А. Судейское усмотрение. М.: Изд-во «Норма», 1999. С. 104-119; Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12; Гурова Т.В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права в России // Атриум. 1997. № 3.

³ Достаточно спорный признак. Так, по мнению С.П. Загайновой, если судья, рассматривая конкретное дело, не найдет ни нормы, ни прецедента, ни обычая, сам в своем решении формулирует принцип, в соответствии с которым и разрешает конкретное дело, то при применении указанных выше способов преодоления пробелов новой нормы не создается. Аналогии, как и субсидиарное применение, расширяют сферу применения соответствующих норм. Судья, используя данные способы преодоления пробелов, не вносит ничего нового в систему норм. Он берет из этой системы уже действующую норму, иногда регулиующую общие вопросы, и применяет ее. Рассуждения российского судьи строятся в пределах действующего права, ему не приходится, в отличие от американского судьи, самому становиться «законодателем». Поэтому, по ее мнению, делать вывод о существовании судебного прецедента при наличии пробелов в праве неверно.

⁴ При этом в строгом смысле слова, основываясь на классической английской модели судебного прецедента при осуществлении конституционной юстиции как таковой, вследствие реализации принципа верховенства парламента, *неправомерно* утверждать, что какие-либо постановления Конституционного Суда РФ являются прецедентом.

он обязан применить *ratio decidendi* этого прецедента, даже если он с ним полностью не согласен. *Obiter dictum* английские судьи также всегда следуют и соблюдают, но данная часть судебного решения имеет силу прецедента убеждающего действия¹.

5. Публикация прецедентов в специальных судебных отчетах, обобщениях.

6. Обязательность решений (*state decisis*) поддерживается строгой судебной иерархией.

8. Прецедент по общему правилу имеет как ретроспективное, так и перспективное действие во времени.

9. Юридическая сила прецедента высшая, как у закона (не только по отношению к данным обстоятельствам как *resjudicata*).

Отсюда можно сделать вывод, что судебный прецедент - это решение суда высшей инстанции по конкретному делу, вынесенное по первой, апелляционной или кассационной инстанции или в процессе нормативного или казуального толкования правовых норм, опубликованное в периодическом издании, являющееся не только актом применения и толкования права, но и *содержащее* норму(ы) права, обязательную для применения как этим судом, так и судом равной юрисдикции (нередко как убеждающий прецедент) и нижестоящим судом.

При этом непосредственно прецедентом (источником права) будет выступать не столько судебное решение, сколько сформулированная им норма права.

Акт казуального толкования, как и судебный прецедент, связан с конкретными фактическими обстоятельствами, издается в рамках отдельного дела.

Однако в отличие от судебного прецедента акт казуального толкования:

- 1) не имеет *общего* значения, носит индивидуальный характер;
- 2) не предполагает *обязательного* официального опубликования;
- 3) формулирует не норму права (новую), а образец ее *понимания*.

Согласно резонному замечанию Т.Я. Хабриевой, теория «судебно-го активизма» с основополагающих позиций отечественной теории права себя не оправдывает. «Чтобы акты толкования рассматривать в качестве относительно самостоятельных, вполне достаточно того, что они выполняют свою основную функцию, вскрывая подлинный смысл правовых норм. Встречающиеся в практике случаи издания новых правовых норм под видом толкования следует не допускать в дальнейшем, поскольку они не могут способствовать совершенствованию законодательства и стабилизации правопорядка»².

При этом представляется, что судебное решение, формулирующее норму (судебный прецедент), обычно содержит и признаки акта казуального толкования, однако созданная судом норма связана с ним толь-

¹ Власова Т.В. Указ. соч. С. 15.

² Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 53.

ко в части обоснования *отсутствия* необходимой нормы, невозможно разрешить возникшую ситуацию путем *толкования* существующих норм.

Следовательно, содержащаяся в судебном решении *норма* права содержанием акта казуального толкования не охватывается, а является самостоятельным элементом *сложносоставного* правового акта, который в определенном смысле может называться и актом казуального толкования (так как содержит его признаки), но им не исчерпывается, поскольку одновременно может отвечать характеристикам акта правоприменительного и правотворческого.

Таким образом, акты казуального толкования относительно редко выражаются в качестве самостоятельных актов, преимущественно формулируются в актах правоприменительных органов, содержащих одновременно индивидуальные властные предписания.

Основным значимым элементом содержания актов казуального толкования являются формулируемые ими *выводы* по разъяснению смысла интерпретируемой правовой нормы.

Разновидностями актов казуального толкования служат акты *судебного и административного толкования*.

ГЛАВА III. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ

§ 1. Юридическая техника: общая характеристика. Особенности юридической техники интерпретационных актов

По мнению Г.И. Муромцева, актуальность проблемы юридической техники как таковой обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, это возрастание в постсоветское время роли и значения юридической техники и явно недостаточный уровень ее теоретического осмысления. Одна из причин такого положения – незавершенность процесса перехода от старых научных подходов к новым. Видение проблемы в советское время отличалось, как известно, «зауженным» истолкованием понятия юридической техники, которая отождествлялась лишь с техникой законодательной. Такой подход, отражавший господство административно-командных (точнее, партийно-государственных) методов регулирования, приводил к явной односторонности в исследовании проблемы. Нынешняя ситуация отражает сочетание старого подхода с тенденцией к расширению содержания понятия юридической техники. Эта тенденция имеет своим следствием неодинаковое его истолкование. Поэтому данное понятие лишено сегодня четких границ. Кроме того, практически не

исследованы исторический и сравнительно-правовой аспекты проблемы¹.

В последние годы к вопросам юридической техники обращались С.С. Алексеев, В.М. Баранов, Н.А. Власенко, В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, В.И. Крусс, А.П. Кузнецов, В.В. Лазарев, А.Б. Лисюткин, Л.А. Морозова, Г.И. Муромцев, М.А. Нагорная, С.В. Поленина, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, А.А. Тенетко и др.²

Сам термин «техника» произошел от греч. *technē* - искусство, мастерство, употребляется во многих значениях: мастерство, умение, знание, искусство, опыт, приемы работы, высокая квалификация, сноровка, артистизм и др.³

Слово «техника» в самом *широком* смысле определяется как «совокупность средств человеческой деятельности, направленная на изменение данного, соответственно человеческим потребностям и желаниям»⁴.

В Толковом словаре В. Даля «техника» определяется как знание, умение, приемы работы и приложение их к делу, обиход, сноровка. В Большой советской энциклопедии данное понятие раскрывается как совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для обслуживания непрямых потребностей общества. Толковый словарь английского языка Дж. Муррея определяет понятие «техника» как формальную или механическую часть искусства. При этом отмечается многозначность данного понятия. Так, в нем выделяются технические аспекты характеристики: 1) лица, искусного (*skilled*) в том или ином виде искусства или ремесла (*subject*), 2) искусно изготовленной вещи, 3) таких сфер человеческой деятельности, как наука, искусство, профессиональная деятельность либо род занятий.

Как считает Г.И. Муромцев, понятие «техника» в *специальном* (узком) смысле отражает его специфику в конкретной сфере применения, добавляет к отмеченной многозначности также аспекты характеристики той социальной сферы, в которой оно применяется. Так, в понятии «юридическая техника» могут преломляться его типологические и доктринальные особенности, специфика формы и структуры права, а также взглядов отдельных авторов на юридическую технику и т. д.⁵

Как отмечает Г.И. Муромцев, применение термина «техника» к праву есть частный случай его использования в нетехнической сфере социальной жизни (в искусстве, соответствующих отраслях науки, в

¹ Муромцев Г.И. Юридическая техника (некоторые теоретические проблемы) // Правоведение. 2000. № 1. С. 9.

² Многие интересные вопросы названной проблемы были обсуждены в рамках научно-методического семинара, прошедшего 11-16 сентября 2000 г. в Н. Новгороде. Обзоры материалов см.: Государство и право. 2000. №№ 11, 12; Юрист. 2001. № 7.

³ Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 23.

⁴ Краткая философская энциклопедия. С. 453.

⁵ Муромцев Г.И. Указ. соч. С. 15.

спорте и т. д.). При этом в понятии «юридическая техника» термин «юридическая» является своего рода «привязкой», призванной очертить рамки применения понятия «техника»¹.

В странах англо-американского права широкое распространение получило понятие «законодательная техника». Однако в отличие от стран романо-германского права под ним понимают отнюдь не формальные параметры нормативного акта, а процесс законотворчества — от законодательной инициативы до промульгации закона. Его соблюдение призвано гарантировать от ошибок в обсуждаемых проектах законов, а также от поспешного их принятия. При этом процедура принятия других решений законодательного органа (о недоверии правительству, об импичменте и т. д.) в данное понятие не включается. Хотя такое понимание законодательной техники является в этих странах практически общепринятым, однако наряду с ним можно встретить порой употребление понятия «юридическая техника» в «континентальном» смысле. В американской литературе профессиональная деятельность юриста иногда целиком сводится к технике. Такой взгляд основан на тезисе, что право есть лишь способ решения споров или согласования конфликтующих интересов. Отсюда делается вывод, что работа юриста сводится к совершенному владению техникой социального регулирования.

В отечественной литературе *юридическая техника* определяется чаще всего как совокупность правил, средств и приемов разработки, оформления и систематизации юридических документов в целях достижения их ясности, понятности и эффективности².

Большинство современных отечественных авторов (и некоторые зарубежные) при определении юридической техники исходят из необходимости выделения ее *широкого* и *узкого* (общего и специального) смыслов. При этом единства в определении содержания названных значений не достигнуто.

Так, по мнению А.Б. Лисюткина, юридическая техника в *широком* понимании включает технические и культурные аспекты рассматриваемой категории. В частности, средства человеческой деятельности, создаваемые для обеспечения эффективности процесса труда в правовой сфере, и совокупность навыков и приемов, с помощью которых достигается материализация в профессиональной юридической деятельности знания и опыта, накопленных в ходе эволюции правовой культуры и правового сознания общества.

А.Б. Лисюткин считает целесообразным использовать понятие юридической техники в *узком* смысле, где в ее содержание включаются навыки и приемы материализации знания и опыта в профессиональной юридической деятельности, система обязательных требований, которым должна отвечать работа юриста, а также научно обоснованная и юридически формализованная совокупность показателей, применяемых для

¹ Муромцев Г.И. Указ. соч. С. 14.

² Шутрина Е.С. Техника юридического письма. М., 2000. С. 25.

анализа и оценки качества профессиональной юридической деятельности¹.

По мнению Е.С. Шугриной, юридическую технику в *широком* смысле можно определить как совокупность средств и методов, благодаря которым цели, намечаемые или преследуемые властными органами гражданского общества, укладываются в русло правовых норм и достигаются путем действенного исполнения этих норм.

Юридическая техника в *узком* смысле ограничивается вопросами, определяющими или уточняющими условия использования языка права и структуры юридического рассуждения, а также различными техническими приемами, средствами и правилами².

Анджелеску различает «внешнюю законодательную технику» (законодательную процедуру) и «внутреннюю законодательную технику» (приемы собственно законодательной техники).

Лукач считает, что законодательная (юридическая) техника имеет две части – общую (относящуюся ко всем правовым системам) и специальную (относящуюся к типам и отраслям права).

Напиц делит законодательную технику на широкий смысл (наука законотворчества, законодательная политика и законодательная техника) и узкий смысл (технические средства и приемы построения правовых норм)³.

Общность терминологии не достигнута и в зарубежной науке. Ж. Дабен выделяет четыре основные позиции, сложившиеся в западной литературе по понятию юридической техники.

Одни авторы (И. Колер, Ж. Рипер и др.) исходят из противопоставления юридической науки и юридической техники. Если наука изучает абстрактные принципы, то юридическая техника представляет собой искусство адаптации этих принципов к жизни. Сфера юридической техники – правотворчество и судопроизводство, где нормы, выработанные наукой, находят свое толкование и применение.

Сторонники другой позиции (В. Штаммлер, Салейль и др.) предполагают двойное понимание юридической техники. Во-первых, как развитие концепций, посредством которых право с неизбежностью приобретает научное выражение. Юридическая техника отождествляется при этом с некоей интеллектуальной разновидностью правотворчества. Во-вторых, под ней понимают всякую работу по логической систематизации правовых норм, осуществляемую совместными усилиями доктрины и судебной практики.

Для авторов третьей группы (Л. Дюги, Р. Демог и др.) юридическая техника есть совокупность средств и процедур, призванных обеспечить реализацию целей права и его защиту. В этом контексте французский ученый Л. Дюги разделяет правовые предписания на нормативные

¹ Лисюткин А.Б. Указ. соч. С. 25.

² Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 25.

³ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 18.

и конструктивные, или технические. Последние и призваны, по его мнению, обеспечить уважение и осуществление нормативных предписаний.

Четвертая группа авторов (Р. Иеринг, Ф. Жени и др.) видит в юридической технике средство перевода социальных потребностей на язык права, конструирования обязательных норм для поддержания порядка в обществе¹.

Вместе с тем некоторые западноевропейские авторы занимают в данном вопросе иную позицию. Так, французский ученый М. Ориу отрицал саму необходимость понятия юридической техники, поскольку оно, по его мнению, не адекватно важности и значимости права. В отождествлении права и техники он видел опошление права².

Думается, что выделение широкого и узкого понимания юридической техники вполне допустимо. Однако в рамках настоящей работы представляется целесообразным исследовать названную категорию в узком смысле. В этой связи наиболее предпочтительным определением юридической техники является определение А.Б. Лисюткина: *юридическая техника – это обусловленная закономерностями развития правовой системы общества совокупность определенных правил, приемов, навыков, методов, используемых в профессиональной юридической деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов*³.

По обоснованному мнению Е.С. Шугриной, юридическая техника должна отвечать следующим основным требованиям, это:

- регулирование соответствующей сферы отношений в достаточно полном объеме;
- конкретность регулирования; недопустимость декларативности;
- логичное изложение материала, связь нормативных предписаний между собой;
- правильное использование юридических конструкций;
- оправданное использование тех или иных способов изложения элементов правовых норм;
- нецелесообразность повторения положений, изложенных в нормативно-правовых актах органов власти вышестоящего уровня;
- точность и определенность применяемой юридической формы: формулировок, выражений, отдельных терминов;
- ясность и доступность языка для адресата при изложении документов;
- использование апробированных, устоявшихся терминов и выражений, имеющих широкое применение;
- максимальная экономичность, оптимальная емкость, компактность формулировок;

¹ Муромцев Г.И. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 16.

³ Лисюткин А.Б. Указ. соч. С. 25.

- системность построения документов: цельность, сбалансированность, внутренняя связь и взаимозависимость всех частей, логическая последовательность изложения;

- унификация, единообразие формы и структуры юридического документа, способов изложения правовых предписаний¹.

В современной отечественной литературе к одной из проблем понимания юридической техники относят ее соотношение с категориями юридических *тактики*, *стратегии* и, наконец, *технологии*.

Юридическую *тактику* составляют совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой приемов, способов и правил юридической деятельности, принципы юридической практики, научно разработанные и сформулированные в конкретной практической деятельности, основы ее организации и планирования. Юридическая тактика присуща любой юридической практике. Можно выделять правотворческую, правоприменительную, интерпретационную, правосистематизирующую, прокурорскую, нотариальную тактику и т.д.

Особенности юридической *тактики* обусловлены природой юридической *практики*, характером используемых средств, спецификой юридических действий и операций, определенным «вниманием» к ней со стороны ученых-юристов. При разработке юридической тактики широкое использование находят данные не только юридических, но и иных наук: логики, философии, социологии, психологии и др.

По мнению В.Н. Карташова, содержание юридической *практики* составляют ее «средства» и «способы». В качестве средств юридической практики выступают допустимые правом (законом) предметы и явления, с помощью которых обеспечивается достижение ее целей и получение необходимых результатов. В своей совокупности средства составляют юридическую технику, инструментальную часть юридической практики.

Средства могут быть условно разделены на общесоциальные, специально-юридические и технические. К *общесоциальным* можно отнести язык, выражающие его части речи, знаки, языковые единицы (слова, словосочетания, предложения и т.п.), буквы, а также цифры, понятия, суждения, разнообразные социальные нормы и т.д.

Специально-юридические средства - это юридические понятия и термины, конструкции, правовые предписания, акты и иные правовые явления, выработанные юридической наукой и практикой в процессе развития правовой системы общества.

В процессе подготовки, издания и опубликования правовых актов, уяснения и разъяснения правовых предписаний, их систематизации и реализации, накопления и хранения юридической информации в настоящее время широкое применение находят *технические средства*: множительная техника, компьютеры, оргтехника и т.п.

Одни и те же средства могут быть использованы в юридической практике различными способами. Так, важными средствами фиксации

¹ Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 26.

материалов осмотра места происшествия являются фотоаппараты, кино- и видеокамеры. Способы использования, например, фотоаппарата (панорамная или масштабная съемка, микросъемка и т.п.), зависят от характера происшествия, места и времени съемки, множества других обстоятельств. Компьютеры применяются и при корректировке текста нормативного акта, и при голосовании, и как «накопитель» правотворческого опыта. Или, например, с помощью одних и тех же слов можно по-разному интерпретировать смысл и значение одного и того же правового акта. Используя одни и те же документы, можно прийти к прямо противоположным выводам относительно смысла и значения толкуемых предписаний (наглядный пример - особые мнения судей Конституционного Суда РФ).

Поэтому есть необходимость выделять не только средства, но и определенные приемы, способы и методы юридической практики. *Способы* - это конкретные пути достижения намеченных целей и результатов с помощью определенных средств и при наличии соответствующих условий и предпосылок юридической практики. Интегрированные в единое целое родственные способы образуют тот или иной метод.

Таким образом, юридическая *тактика* в широком смысле представляет собой искусство умело управлять участниками юридической практики, оптимально планировать и организовывать их юридические действия, рациональными способами и методами использовать необходимые средства для вынесения эффективных и качественных решений.

Когда речь идет о достижении главных, наиболее существенных задач и целей, то имеется в виду юридическая *стратегия*, которая включает вопросы перспективного планирования и прогнозирования, концептуальные и долгосрочные проблемы развития юридической практики.

Юридическая техника, тактика и стратегия – важнейшие *части* юридической *технологии*¹. Последнюю можно понимать в двух смыслах. Во-первых, как основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), когда используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности. Во-вторых, науку, систему знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики.

Как отмечает Н.А. Власенко, «юридическая *техника* – это неотъемлемая часть юридической технологии, условие ее функционирования. Если юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, -

¹ В советской юридической литературе высказывалось иное понимание соотношения рассматриваемых категорий. Так, С.С. Алексеев в «Общей теории права» (М., 1982. Т. 2. С. 268) писал, что «по своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов: а) технических средств и б) технических приемов». В области права «техническими средствами являются, в частности, юридические конструкции, терминология, правовой *технологией* – способы изложения норм, система отсылок».

то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические операции, действия»¹.

В состав современной юридической *технологии*, по мнению В.Н. Карташова, входят: а) система соответствующих средств (юридическая техника); б) система приемов, способов и методов оптимальной юридической деятельности (тактика); в) научно обоснованные принципы, долгосрочные планы, прогнозы и методы деятельности (юридическая стратегия); г) действия и операции по разработке, принятию и обнародованию (опубликованию) правовых решений (актов); д) процессуальные формы деятельности (юридические стадии, производства и режимы); е) показатели качества и эффективности юридической деятельности, а также временные, финансовые и иные затраты на эту деятельность; ж) соответствующие виды, формы, средства и методы контроля и надзора за законностью, качеством и эффективностью принимаемых юридических решений (актов)².

Сложность и многообразие юридической деятельности обуславливают необходимость *классификации* юридической *техники*.

Наиболее известным подразделением (разновидностью) исследуемой категории является *законодательная техника*, которая, по мнению Ю.А. Тихомирова, представляет собой систему правил и приемов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию, доступность, простоту и обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов³.

По мнению А.А. Тенетко, важнейшим подразделением юридической техники является техника индивидуальных (правоприменительных) актов, которая определяется названным автором как совокупность методических приемов и нематериальных средств, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке правоприменительных актов для обеспечения их соответствующего высокого качества⁴.

Представляется, что могут быть выделены еще две относительно самостоятельные разновидности юридической техники — *юридически значимые документы*, то есть не являющиеся правовыми актами (так называемыми деловыми документами), и *интерпретационные акты*.

Под юридической техникой *деловых документов* можно понимать совокупность правил, приемов, навыков и методов, применяющихся при

¹ Власенко Н.А. Законодательная технология: (Теория. Опыт. Правила): Учеб. пособие. Иркутск, 2001. С. 9.

² См.: Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) // Государство и право. 2000. № 11, 12.

³ Законодательная техника: Науч.-практ. пособие /Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 6.

⁴ Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 8.

изготовлении документов, которые имеют правовое значение, но не являются правовыми актами (договоры, исковые заявления и т.п.). Относительно самостоятельное значение названной разновидности обусловлено, в частности, рядом специфических требований к форме и содержанию деловых документов, закрепленных также и на уровне федерального закона. Например, подраздел 2 «Общие положения о договоре» Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает специальные требования к форме и содержанию договора, ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – к форме и содержанию искового заявления.

Юридическая техника *интерпретационных актов* представляет собой совокупность правил, приемов, навыков и методов, используемых в профессиональной юридической деятельности по толкованию норм права с целью обеспечения высокого качества ее результатов.

Юридическая техника актов толкования обладает рядом характерных черт, *признаков*.

Во-первых, это *нормативная обусловленность*. Названная совокупность правил, приемов, составляющих содержание юридической техники интерпретационных актов, в значительной степени предполагает особые (закрепленные в законодательстве) требования к актам толкования. В качестве примера можно привести ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые предъявляют особые требования к форме и содержанию судебного решения (акту казуального толкования)¹.

¹ Так, в соответствии со ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации:

1. Решение арбитражного суда должно состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

2. Вводная часть решения должна содержать наименование арбитражного суда, принявшего решение; состав суда, фамилию лица, которое вело протокол судебного заседания; номер дела, дату и место принятия решения; предмет спора; наименования лиц, участвующих в деле, фамилии лиц, присутствовавших в судебном заседании, с указанием их полномочий.

3. Описательная часть решения должна содержать краткое изложение заявленных требований и возражений, объяснений, заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле.

4. В мотивировочной части решения должны быть указаны:

1) фактические и иные обстоятельства дела, установленные арбитражным судом;

2) доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения; мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле;

3) законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

В мотивировочной части решения должны содержаться также обоснования принятых судом решений и обоснования по другим вопросам, указанным в части 5 настоящей статьи.

5. Резолютивная часть решения должна содержать выводы об удовлетворении или отказе в удовлетворении полностью или в части каждого из заявленных требований, указа-

Во-вторых, это *особая значимость* соблюдения названных правил. Технические недостатки правотворческого, правоприменительного актов, делового документа могут быть преодолены их толкованием путем издания интерпретационного акта. Юридическая теория и действующее законодательство в принципе не исключают возможность вторичной интерпретации акта толкования (о чем уже говорилось в настоящей работе), устранения допущенных ошибок, вместе с тем такая возникшая необходимость является крайне нежелательной и сопряжена с дополнительными физическими и материальными затратами.

В-третьих, как правило, это наличие *особой процедуры* устранения недостатков технического исполнения интерпретационных актов. Названный признак в своей основной части вытекает из предыдущего. Допущенные неясности и двусмысленности содержания, ошибки и описки предполагают их устранение (это касается наиболее значимых интерпретационных актов) путем издания соответствующего правового акта о разъяснении первоначального акта, устранении ошибок и описок. Названная процедура регламентирована, в частности, ст.ст. 200, 202 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ, ст.ст. 82, 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Юридическая техника интерпретационных актов как любое сложное правовое явление имеет свою структуру.

Структура (от лат. *structura* – строение, порядок, связь) с философской точки зрения представляет собой «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность»¹.

Ю.А. Тихомиров выделяет шесть элементов юридической техники²:

- а) познавательльно-юридический;
- б) нормативно-структурный;
- в) логический;
- г) языковой;
- д) документально-технический;
- е) процедурный³.

По мнению С.С. Алексеева⁴, совокупность правил, называемую юридической техникой, составляют:

- 1) юридическая терминология;
- 2) юридические конструкции;

ние на распределение между сторонами судебных расходов, срок и порядок обжалования решения.

¹ Краткая философская энциклопедия. С. 438.

² Необходимо отметить, что, по мнению названного автора, предложенные элементы относятся, прежде всего, к законодательной технике.

³ Тихомиров Ю.А. Законодательная техника: Науч.-практ. пособие. С. 9.

⁴ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 106-112.

3) приемы и правила изложения содержания юридических актов.

Все названные элементы условно можно отнести к юридическому стилю, юридическому языку, а также специальным средствам юридической техники.

Таким образом, под юридической техникой предлагается понимать объективно обусловленную совокупность определенных правил, приемов, навыков, методов, используемых в профессиональной юридической деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов.

Одной из основных разновидностей юридической техники является техника интерпретационных актов, которая представляет собой **совокупность правил, приемов, навыков, методов, используемых в профессиональной юридической деятельности по толкованию норм права с целью обеспечения высокого качества ее результатов.**

Специфическими признаками юридической техники интерпретационных актов являются **нормативная обусловленность, особая юридическая значимость, специальная процедура устранения ошибок.**

Структуру юридической техники интерпретационных актов составляют **юридическая терминология, юридические конструкции, приемы и правила изложения содержания интерпретационных актов.**

§ 2. Стиль и язык интерпретационных актов

Термин «стиль» в одном из своих распространенных значений определяется как «совокупность приемов использования языковых средств»¹. Язык - как разновидность системы знаков, имеющей те или иные характерные признаки; *стиль*, слог². Специальное разграничение названных терминов в рамках настоящей работы представляется нецелесообразным.

Как отмечал А.С. Пиголкин, все слова того или иного национального языка в совокупности образуют единую лексическую систему, в которую входят общеупотребительные слова, литературные, терминологический фонд со всеми его профессиональными разновидностями, просторечная лексика, ее жаргонный пласт, различные архаизмы и неологизмы. Литературный язык как высшее достижение лингвистической культуры данного общества отличается от всей остальной лексики тем, что он заключает в себе определенный нормативный заряд, то есть употребление тех или иных слов (словосочетаний) подчинено определенным правилам. Поэтому такой язык считается образцовым, эталонным³.

В соответствии с современными научными воззрениями язык принято подразделять на две основные категории – разговорный и книжно-

¹ Малый толковый словарь русского языка. С. 575.

² Там же. С. 690.

³ Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1980. С. 11.

письменный. Теория стилей, имеющая более чем двухсотлетний возраст, указывает на функциональную ориентированность различных стилей литературного языка. Функциональный стиль определяется как разновидность общепринятого литературного языка, соответствующая тем или иным сферам деятельности; специфика конкретного стиля обусловлена особенностями и задачами общения в данной области человеческих отношений¹.

Интерпретационный акт – это письменное литературное произведение, и к нему предъявляются такие же требования, как и к любому другому произведению книжно-письменной речи. Интерпретационный акт представляет собой один из подвидов официально-делового произведения наряду с другими актами-документами, имеющими юридическое значение.

Для акта толкования права, как и для любого иного книжно-письменного произведения, характерны *монологический способ изложения, наличие предварительного обдумывания, логическая последовательность, связность, информативность, целостность по своим структурно-смысловым параметрам, завершенность и полнота изложения*. Общей чертой является также необходимость писать акт на литературном языке с соблюдением всех общепринятых на момент принятия акта правил грамматики и синтаксиса.

Возможность выделения специального юридического языка в рамках официально-делового стиля в настоящее время не вызывает сомнений².

Как отмечает С.С. Алексеев, особенности юридического языка – «четкость, сжатость, определенность и точность мысли... повелительный, императивный характер изложения, специальная терминология... свидетельствуют о том, что юридический стиль и юридический язык могут быть отнесены к общекультурным ценностям»³.

Об особенностях юридического языка писал еще известный русский правовед Е.В. Васьковский. Он выделял четыре основных элемента юридического языка – речи. По его мнению, отдельные слова: существительные, прилагательные, местоимения, глаголы, из которых состоит правовое предписание, в совокупности образуют *лексический* элемент речи. При этом слова не стоят изолированно друг от друга, а соединены в предложения, в которых они получают определенную форму. Способ сочетания слов образует второй элемент речи – *синтаксический*.

Но слова – не пустые, бессмысленные звуки. Они – знаки, показатели идей. Под каждым словом скрывается какое-либо представление или понятие, и соединяются слова в предложения не ради достижений

¹ Виноградов В.В. О задачах стилистики // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 48.

² Язык закона. С. 13-16.

³ Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 113.

одной лишь звуковой красоты сочетаний, а с тем, чтобы выразить ту или иную мысль. Поэтому каждое предложение, рассматриваемое с внутренней стороны, является не чем иным, как воплощенной в словах мыслью, и во всяком предложении между составляющими его словами имеется не только синтаксическая, но и логическая связь. Это – *логический элемент*.

Наконец, одна и та же мысль может быть выражена разными словами и различными способами сочетания их. Способ выражения мысли в речи, проявляющийся в подборе слов и употреблении синтаксических конструкций, называется *слогом* или *стилем* и составляет четвертый элемент речи – *стилистический*¹.

Проблемы юридического языка (в первую очередь, законодательного) освещены в современной литературе достаточно широко. Вместе с тем специфика стиля и языка актов толкования права фактически не исследована. При изучении указанной проблем необходимо, прежде всего, обратиться к уже существующим в правовой науке работам по проблеме языка законодательного, правоприменительного, в целом юридического.

Представляется, что наиболее полную характеристику юридического языка предложил А.С. Пиголкин. К его свойствам названный ученый относит²:

- *официальный характер, документальность* внешнего языкового выражения мысли законодателя;
- *ясность и простоту*;
- *максимальную точность* выражения;
- *экономичность* использования в тексте правовых актов языковых средств;
- *связность и последовательность изложения*;
- *экспрессивную нейтральность* нормативного текста;
- *необходимость преобладания динамической, а не статической стороны явлений*;
- *безличный, неиндивидуальный характер* стиля правовых положений.

Д.А. Керимов приведенные характеристики дополняет *полнотой, целостностью, логической завершенностью* юридического языка³.

С точки зрения Ю.А. Тихомирова, нормативный правовой текст также предполагает *адекватность грамматической формы*⁴.

По мнению Е.С. Шутриной, к особенностям юридического языка относится еще и такая характеристика, как *государственность* языка⁵.

¹ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 99-100.

² Язык закона. С. 20-32.

³ Керимов В.Д. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. С. 62.

⁴ Законодательная техника: Науч.-практ. пособие. С. 149.

⁵ Шутрина Е.С. Указ. соч. С. 50.

Особенности языка *правоприменительного* акта, по мнению А.А. Тенетко, предполагают, наряду с вышеперечисленными характеристиками языка юридического, *широкое использование фразеологизмов*, составляющих «костяк любого правоприменительного акта»¹.

Как уже отмечалось, серьезных попыток специального теоретического исследования особенностей языка *интерпретационных актов* в современной литературе не предпринималось. Вместе с тем специфика акта толкования, его значение говорят о необходимости такого исследования.

Характеристика юридического языка, стиля интерпретационных актов предполагает изучение свойств, во-первых, вытекающих из его *общности* с другими разновидностями юридического языка; во-вторых, раскрывающих его *особое* место; в-третьих, связанных со *спецификой отдельных разновидностей* актов толкования, прежде всего, нормативных и казуальных.

Представляется, что к *общим* характеристикам юридического языка актов толкования можно отнести следующее.

Во-первых, *официальный характер, документальность*, предполагающие издание акта компетентным субъектом в установленной документальной форме.

Во-вторых, *ясность и простоту* языка. Как отмечает А.С. Пиголкин, «в юридическом тексте следует употреблять простые и понятные термины, известные и широко употребляемые обороты, легко воспринимаемые и по возможности короткие фразы. Не следует неоправданно перегружать акты сложными грамматическими конструкциями, в частности, причастными и деепричастными оборотами, сложноподчиненными предложениями, особенно если одни придаточные предложения включаются в другие, образуя несколько ярусов грамматического подчинения. По возможности в законодательном тексте следует ставить больше точек и меньше запятых, тире, двоеточий и особенно точек с запятой, которые обычно разделяют сложносочиненные предложения»².

В качестве примера издания упрощенного текста можно привести п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2003 № 2:

«В соответствии с частью 3 статьи 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают дела, предусмотренные частями первой и второй данной статьи, за исключением экономических споров и других дел, отнесенных федеральным конституционным законом и федеральным законом к ведению арбитражных судов.

Учитывая то, что отношения между единоличными исполнительными органами обществ (*директорами, генеральными директорами*), членами коллегиальных исполнительных органов обществ (*правлений, дирекций*), с одной стороны, и обществами - с другой, основаны на тру-

¹ Тенетко А.А. Указ. соч. С. 7.

² Язык закона. С. 19.

довых договорах (глава 43 Трудового кодекса РФ), дела по искам указанных лиц о признании недействительными решений коллегиальных органов акционерных обществ, иных хозяйственных товариществ и обществ о досрочном прекращении их полномочий, о восстановлении в занимаемых должностях и оплате времени вынужденного прогула подведомственны судам общей юрисдикции, которые в силу статей 382 и 391 Трудового кодекса РФ являются по данным делам органами по разрешению трудовых споров».

Использованные в тексте Постановления уточнения (выделенные курсивом) направлены на максимальное упрощение смысла разъясняемой нормы.

В-третьих, *максимальную точность, определенность* изложения, позволяющих однозначно донести смысл разъяснения.

Например, Конституционный Суд в п. 2 Постановления от 15.12.2003 № 19-П для достижения максимальной точности изложения использовал следующие языковые средства: «Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, решение суда общей юрисдикции, которым закон субъекта Российской Федерации признан противоречащим федеральному закону, по своей природе *не является* подтверждением недействительности закона, его отмены самим судом, тем более лишения его юридической силы с момента издания, а *означает* лишь признание его недействующим и, *следовательно*, с момента вступления решения суда в силу не подлежащим применению».

В-четвертых, *экономичность* использования в тексте правовых актов языковых средств.

Мысль должна быть выражена максимально ограниченным числом фраз и терминов. Лишние слова, неоправданные повторения, канцеляризмы, многословие при объяснениях и детальном описании предметов – всего этого автор должен избегать. Чем лаконичнее изложен текст, тем лучше и легче он воспринимается исполнителями, отмечает А.С. Пиголкин¹.

В качестве негативного примера неоправданной перегрузки текста можно привести п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.07.2003 № 11:

«Согласно пункту 1 статьи 103 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункту 1 статьи 47 Федерального закона «Об акционерных обществах» общее собрание акционеров является высшим органом управления акционерного общества.

Запрещение проводить общее собрание акционеров фактически означает запрет акционерному обществу осуществлять свою деятельность в той части, в какой она осуществляется посредством принятия решений общим собранием. Такая мера по своему содержанию противоречит смыслу обеспечительных мер, имеющих своей целью защиту ин-

¹ Язык закона. С. 26.

тересов заявителя, а не лишение другого лица возможности и права осуществлять свою законную деятельность.

Поэтому суд не может в порядке принятия обеспечительных мер по спорам об обжаловании решений органов управления акционерного общества, о признании недействительными сделок с акциями общества, о применении последствий недействительности таких сделок, о признании недействительным выпуска акций акционерного общества, а также по иным спорам запрещать акционерному обществу, его органам или акционерам проводить годовое или внеочередное общее собрание акционеров»¹.

В-пятых, *связность и последовательность* изложения, предполагающих недопустимость алогизмов, разрывов мыслей, перескакиваний, внутренних противоречий, лексической и смысловой абсурдности, двусмысленности или тавтологичности — черт стиля достаточно известных и даже весьма значительных произведений художественной литературы.

В-шестых, *экспрессивную и эмоциональную нейтральность*.

Как в этой связи отмечает Д.А. Керимов, «стиль акта должен быть ровным, спокойным, сдержанным, безразличным к субъективным переживаниям и эмоциям лиц, с ним знакомящихся. Он исключает пышность, торжественность, пафос, риторику или заземленную обыденность, а также использование гипербол, метафор, аллгорий. Эти требования юридической техники к стилю акта создают впечатление о его бесцветности, серости, однообразии, язык кажется слишком формализованным, но это впечатление ошибочно, ибо яркость, выразительность, красота и изящество стиля правового акта — в логичности и последовательности, экономичности и рациональности, мотивированности и формальной определенности, в однозначности, точности и четкости изложения смысла правовых предписаний»².

А также *безличный, неиндивидуальный характер, полноту, целостность, логическую завершенность, государственность языка* (что не требует дополнительного пояснения)³.

К *особенностям* языка и стиля интерпретационных актов как таковых можно отнести использование специальных фразеологических оборотов: «из смысла... следует», «толкование... предполагает», «толкование... означает», «из статьи... следует» и т.п., что вытекает из правовой природы исследуемых актов.

Характерным примером является Постановление КС РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П, где Конституционный Суд сформулировал следующее:

¹ В данном случае использованное перечисление не несет полезной смысловой нагрузки, предложенный перечень является открытым, в связи с чем более целесообразным было бы ограничиться указанием на общую категорию споров.

² Керимов В.Д. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. С. 62.

³ О возникающей в связи с последней характеристикой проблеме юридического перевода см.: Герард-Рене де Гроте. Язык и право // Журнал российского права. 2002. № 7. С. 145-152.

«По *буквальному* смыслу части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, оцениваемой во взаимосвязи с другими положениями этой статьи, словосочетание "трехкратное отклонение представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации" *может означать* и трехкратное отклонение кандидатуры на должность, и трехкратное отклонение представленных лиц, предлагаемых на должность. *Отсюда следует*, что текст статьи 111 Конституции Российской Федерации сам по себе не исключает ни одного из двух названных вариантов.

По смыслу части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, обязательным последствием трехкратного отклонения Государственной Думой представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации - вне зависимости от того, какой из возможных вариантов представления кандидатов при этом использовался, - является назначение Президентом Российской Федерации Председателя Правительства Российской Федерации, роспуск Государственной Думы и назначение новых выборов. Такой конституционно-правовой способ разрешения возникшего между Президентом Российской Федерации и Государственной Думой разногласия с использованием механизма свободных выборов соответствует основам конституционного строя Российской Федерации как демократического правового государства¹.

Особенности стиля и языка *отдельных видов* интерпретационных актов целесообразно исследовать применительно к каждой конкретной разновидности в отдельности. Достаточно сложной задачей представляется обобщение особенностей, например, языка всех актов нормативного (или казуального) толкования в связи со спецификой отдельных их разновидностей. Так, объединение актов нормативного толкования Конституционного Суда и других высших судов в целях изучения их стиля и языка скорее всего приведет к упущению важнейших их индивидуальных особенностей и при этом не обеспечит возможности достижения задач научного синтеза. С учетом сказанного представляется необходимым отдельное изучение стиля и языка наиболее значимых разновидностей актов нормативного толкования: постановлений Конституционного Суда, Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов; актов казуального толкования — решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

По обоснованному мнению Н. Чепурновой, важнейшей особенностью языка решений *Конституционного Суда* является его *научно-теоретический характер*², что обусловлено тем, что «хотя постановления Конституционного Суда РФ адресуются всему обществу в целом, тем не менее они, конечно же, в большей степени сориентированы и

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.

² Чепурнова Н. Решения Конституционного Суда РФ как образец юридической гармонии // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 28.

рассчитаны на законодателя и правоприменителей – на особый круг специалистов в области права. Поэтому эти постановления содержат сложные юридические понятия, а иногда и латинские выражения, обозначающие юридические принципы, например, *audi alteram partem; non bis in idem*¹.

Как справедливо считает И. Сухина, к особенностям стиля и языка постановлений Конституционного Суда можно отнести также:

- использование *сложных синтаксических конструкций* с набором придаточных предложений (подчинительной связью) для выражения комплекса мыслей. Сложные предложения, по сравнению с простыми, выражают, как правило, более глубокое проникновение в рассматриваемый вопрос, постижение наиболее сложных связей и потому представляют собой высокое достижение речевой культуры. При подчинительной связи простые предложения объединяются в сложное на основе разнообразных логических сочетаний, показывающих ступень развития языка, связанную с высшими формами мышления, а именно: целевых, причинных, следствия, условных и т.д.;

- использование *осложненных предложений*, то есть предложений с причастными и деепричастными оборотами, с однородными и обособленными членами. Примером сказанного может служить следующее сложное предложение: «В Постановлении от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации указал, что лесной фонд ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития и рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов представляет собой публичное достояние многонационального народа России, как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим, осуществляемые же в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов как сфере совместного ведения полномочия Российской Федерации и ее субъектов распределены Лесным кодексом Российской Федерации на основе положений статей 72 (пункты "в", "г", "д", "к" части 1) и 76 (части 2 и 5) Конституции Российской Федерации таким образом, чтобы при принятии соответствующих решений обеспечивались учет и согласование интересов Российской Федерации и ее субъектов, в том числе по вопросам разграничения государственной собственности» (Постановление № 10-П от 7 июня 2001 г.).

В приведенном предложении все части составляют одно сложное синтаксическое целое, детерминируют в одном предложении единую правовую позицию по вопросу конституционности Лесного кодекса, рисуют картину без перегруженности лишней информацией и без смещения конструкций. Точка с запятой как письменный сигнал о различных

¹ Сухина И. Жанр и язык постановлений Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 26.

смысловых отношениях между частями высказывания могла бы быть заменена точкой, но от этого правовая позиция потеряла бы свою целостность, расчленение создало бы отдельные части, которые оказались бы самостоятельными позициями;

- *объективность изложения текста*, чему служит смена *тем* (того, что известно) и *рем* (новое высказывание, ради чего строится предложение). В постановлениях Конституционного Суда прямой порядок слов, лишенный экспрессии, воспринимается как стилистически нейтральный, отвечающий норме, и способствует логичности выражения мыслей, созданию правоположений «Принятый федеральный закон в течение пяти дней направляется для подписания и обнародования Президенту Российской Федерации Советом Федерации независимо от того, одобрен этот закон данной палатой путем голосования или без рассмотрения» (Постановление № 10-П от 22 апреля 1996 г.). В данном примере рема сосредоточена в придаточном предложении, указывает на развертывание мыслей от известного к неизвестному, представляя собой новое высказывание, новое правоположение;

- *употребление особых глаголов: подлежит — не подлежит, вступает, требует — не требует*, имеющих сильный императивный компонент в лексическом значении. Это указывает на то, что в этих актах содержится окончательный вывод, который не подлежит проверке и имеет обязательное значение для участников конституционных правоотношений¹.

Представляется, что к особенностям стиля и языка *постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов* можно отнести следующие.

Во-первых, преимущественно *описательный, упрощенный* характер изложения текста.

В качестве примера можно привести Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2: «Дела об оспаривании нормативных правовых актов подведомственны судам общей юрисдикции независимо от того, физическое или юридическое лицо обращается в суд, а также какие правоотношения регулирует оспариваемый нормативный правовой акт (части 1 и 2 статьи 251 ГПК РФ).

Исключение составляют дела об оспаривании таких нормативных правовых актов, проверка конституционности которых отнесена к исключительной компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (часть 3 статьи 251 ГПК РФ), и дела об оспаривании нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда (пункт 2 статьи 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Исходя из этого в принятии заявления организации или гражданина, имеющего статус индивидуального предпринимателя, об оспарива-

¹ Сухинина И. Указ. соч. С. 26-27.

нии нормативного правового акта, затрагивающего их права в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, может быть отказано по мотиву подведомственности дела арбитражному суду только в том случае, когда в федеральном законе имеется специальная норма, которой дела об оспаривании данного нормативного правового акта отнесены к компетенции арбитражных судов. В этом случае в определении об отказе в принятии заявления судья должен указать такой закон».

В приведенном примере толкуемая статья федерального закона фактически не комментируется. Интерпретатор осуществляет простой пересказ нормы, упрощая содержащиеся в ней формулировки.

Во-вторых, использование особых слов, имеющих *регулятивное* значение: «недопустимо», «необходимо», «возможно», «следует» и т.п.

В качестве примера можно привести выдержку из процитированного выше Постановления¹:

«...исходя из этого *недопустимо* принятие и рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 25 ГПК РФ, заявлений об оспаривании таких решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, для которых федеральными законами (Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Кодексом РФ об административных правонарушениях, Арбитражным процессуальным кодексом РФ и др.) установлен иной судебный порядок оспаривания (обжалования).

В принятии таких заявлений *необходимо* отказывать на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ...

Оставление заявления без движения в таком случае *возможно* только тогда, когда при предъявлении иска данное дело останется подсудным тому же суду; если подсудность изменяется, судья отказывает в принятии заявления»².

В литературе к особенностям стиля и языка *казуальных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов* относят *уместность, экономичность, точность, логичность, правильность*³. Данные черты по своему содержанию не раскрывают специфики языка названной раз-

¹ Постановления Пленума Высшего Арбитражного используют подобные средства, например, Постановление от 27 января 2003 г. № 2: «При этом *необходимо* учитывать, что дело, указанное в абзаце третьем части 3 статьи 23.1 Кодекса, подведомственно арбитражному суду и в том случае, когда на основании статьи 28.7 КоАП по нему проводится административное расследование. Кроме того, судам *следует* учитывать, что положения части 3 статьи 30.1 Кодекса не могут толковаться как исключающие предусмотренное пунктом 3 части 1 этой статьи право юридических лиц и индивидуальных предпринимателей обжаловать в вышестоящий орган постановления, вынесенные в отношении их должностными лицами, по делам об административных правонарушениях».

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.

³ См.: Решенкин А.Г., Павлов Н.В. О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 7. С. 115-121; Матеров Н.В., Судаков Г.В. О языке решений арбитражного суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3. С. 99-105; Малышев А.А. Некоторые проблемы языка и стиля процессуальных документов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 6. С. 116-122.

новидности интерпретационных актов, не определяют его особого места в ряду стилей и языков иных актов толкования.

Постановлением Пленума Верховного Суда от 29 апреля 1996 г. № 1 в качестве требований к стилю и языку судебного акта закреплены положения, бесспорно распространяющиеся на любые юридически значимые произведения: «...приговор должен быть составлен в ясных и понятных выражениях... в приговоре недопустимо употребление неточных формулировок, использование непринятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Приводимые в приговоре технические и иные специальные термины, а также выражения местного диалекта должны быть разъяснены»¹.

Представляется, что к особенностям стиля и языка *актов казуального толкования* можно отнести:

- использование *специальных связующих оборотов*: «усматривается», «подтверждается», а также императивных регулятивных слов «следует», «подлежит» (например, из материалов дела *усматривается...*, довод заявителя *подтверждается...*, ходатайство ответчика *подлежит...*);
- использование *оценочных суждений* (например, размер взыскиваемого налоговым органом штрафа является *несоразмерным...*);
- особую значимость *фразеологизмов*.

На последнем остановимся подробнее. *Фразеологические обороты* – это наиболее устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в нормативном правовом тексте как готовые единицы языка («если иное не предусмотрено...», «в порядке, установленном ...»).

Как справедливо замечает Ю.А. Тихомиров, фразеологизмы или устойчивые сочетания слов – величайшее достояние правового языка, одна из его главных ценностей. Фразеологизмы выступают условием адекватной языковой формы юридических норм, точности закрепления нормативной воли, документально-юридического стиля документа, соответствующего объема (плотности) правовой информации. Тем самым обеспечивается историческая преемственность правовых начал и достигаются правильное понимание и применение предписаний законов в практической жизни.

С позиции происхождения и функций в системе права устойчивые сочетания можно подразделить на *общедокументальные* («штатное расписание», «предоставить документы», «основы жизнедеятельности», «семейное положение», «денежные средства», «письменная форма») и *собственно-юридические* («сторона в обязательстве», «соглашение сторон», «заключить договор»). Среди общедокументальных и собственно-юридических можно выделить так называемые «подвижные», или свободные, сочетания. Это сочетания, которые позволяют в тексте (речи) заменять слово или даже часть сочетания («заключительные положения»

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

- «заключительный раздел»; «выдвигаться в депутаты» - «баллотироваться в депутаты»; «комиссия создается» - «комиссия формируется»).

Основное требование к использованию фразеологизмов (как общедокументальных, так и юридических) вытекает из регулятивной природы права – их точное и недвусмысленное воспроизведение в правовых нормах¹.

К *проблемам* стиля и языка интерпретационных актов представляется возможным отнести также определение допустимой степени сложности языка, использование иноязычной лексики и профессионализмов.

Так, ряд авторов настаивают на необходимости максимального упрощения юридического языка, сближении его с общим литературным языком. Данная позиция исходит из предпосылки о том, что язык любых правовых актов, тем более актов интерпретационных, должен быть понятен любому и каждому, обратившемуся к нему.

Вместе с тем, по справедливому замечанию А.С. Пиголкина, стремление к простоте и доступности не должно наносить ущерб полноте, точности и глубине формулирования правовых положений и приводить к упрощенчеству, к примитивизму².

Действительно, во многих случаях акты толкования регулируют сложные общественные отношения, и это не может не отражаться на стиле изложения соответствующих положений. Как специальная область знаний, юриспруденция оперирует сложными, многогранными и специфическими понятиями, которые выражаются соответствующей специальной терминологией. И без нее законодательство, юридическая наука, интерпретационная деятельность обойтись не могут. Если заменять специальные термины описательными выражениями, это может привести к неопределенности и расплывчатости формулировок, к потере точности и четкости выражения мысли законодателя.

В литературе встречается и совершенно противоположная точка зрения. Так, по мнению А. Шнитцера, к ясной форме выражения права может вынуждать только низкий уровень развития людей. В. Гедеман считает, что трудности, которые связаны с ясностью и доступностью языка правового акта, непреодолимы. Для того чтобы избавить специалистов от напряжения мысли, акт, по словам В. Гедемана, должен предусматривать всевозможные случаи всех жизненных отношений, им регулируемых. Но тогда он утрачивает внутреннее богатство содержания каждого отдельного положения и сверх того разрастается количественно, загромождая память и плодя неизбежные противоречия. Г. Киндерман, подчеркивая важность доступности правового текста, тем не менее утверждает, что это зачастую входит в противоречие с его точностью. Снятие такого противоречия должно быть в пользу точности, а не понятности³.

¹ Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. С. 151.

² Язык закона. С. 60.

³ Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. С. 59.

Представляется, что противопоставление доступности и точности стиля и языка, в частности актов толкования, в значительной мере носит искусственный характер. Степень простоты и ясности акта зависит от образовательного и культурного уровня общества, должна определяться из того, на кого он рассчитан, какой сферы отношений непосредственно касается¹.

Если акт регулирует узкую и специальную сферу общественных отношений и рассчитан на особую категорию людей, например, на работников правоохранительных органов, то в таком акте возможно употребление специальных и технических терминов, особых оборотов². Но правовые акты, касающиеся широких слоев граждан, их коллективов, общественных организаций, должны излагаться простым и доступным им языком. Употребление без объяснения сложных и непонятных терминов и выражений, специальных оборотов здесь недопустимо. Если для исполнения закона, его применения и просто уразумения многие вынуждены обращаться за разъяснениями к помощи сведущих лиц, то этот закон вряд ли будет эффективен.

Достаточно актуальными остаются и проблемы использования *иностраннных терминов*, а также *профессионализма*.

В настоящее время иностранная лексика занимает в праве все более активные позиции. Избежать использования иноязычных терминов и слов в языке права невозможно. Хотя законодатели ряда регионов пытались запретить использование иностранных слов (полностью или частично) либо обязывали давать соответствующие русские синонимы. Коллизии в таких случаях неизбежны. Например, запрет на использование иностранных слов в наименованиях организаций был доведен до абсурда, когда под это правило попали нотариальные конторы³. Вместе с тем противодействовать неоправданному проникновению иностранной лексики в российскую правовую систему может разработка и применение правил использования иноязычной лексики.

Общее правило употребления иноязычных слов и выражений нужно сформулировать так: *не следует перегружать юридический текст иноязычной лексикой*.

Кроме того, к правилам употребления иностранной лексики можно отнести следующие.

¹ Язык закона. С. 61.

² В качестве примера такого допустимо усложненного акта толкования можно привести Инструкцию «Об особенностях применения таможенными органами обеспечения уплаты таможенных платежей при внутреннем и международном таможенном транзите» от 09.12.2003, п. 6 которой предусматривает, что «при обеспечении уплаты таможенных платежей в виде банковских гарантий, договоров поручительства, денежных залогов или договоров залога, когда такое обеспечение является генеральным, в качестве таможенной операции указывается, что данное обеспечение будет применяться при внутреннем или международном таможенном транзите».

³ Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 56.

Во-первых, при конкуренции с иностранным термином (выражением) верх должно брать слово русскоязычного происхождения, за исключением случаев, когда русский дублер стал архаизмом и в общеупотребительном лексиконе не используется.

Во-вторых, при конкуренции со словами иностранного происхождения преимущество имеет термин, более известный (адаптированный) русскоязычному лексикону.

В-третьих, заимствованные слова должны употребляться в строго определенном их значении и оптимально вписываться в содержательную ткань текста национального закона¹.

Профессиональная лексика – это так называемые *профессионализмы*, в литературе за ними закрепилось наименование «технические термины» (например, «диапозитив», «микрофарада», «фонограмма»).

В процессе применения норм права в различных сферах общественной жизни без специальных технических терминов обойтись зачастую невозможно. Профессионализмы служат для обозначения различных производственных и технологических процессов, орудий, предметов труда. По характеру это лексика специальная, используемая в достаточно узких сферах деятельности человека. Профессиональная лексика не имеет статуса общеупотребительной и является неким «словарем», «профессионализмами» группы людей, объединенных общими производственными задачами и интересами.

Применяя профессионализмы в актах толкования норм права, следует учитывать, что данная лексика не является общеупотребительной, и поэтому следует придерживаться правила максимального ограничения ее использования. Между тем полностью избежать употребления профессиональной лексики вряд ли возможно, а с позиции достижения точности выражения воли интерпретатора и нецелесообразно. С этой целью, во-первых, допустимо использование в тексте акта широко известных профессионализмов, в частности, тех, которые стали частью общеупотребительной лексики. Возможно, эти слова и выражения не всегда эстетично звучат, но в данном случае побеждает критерий общепринятого использования термина («пассажиропоток», «товарная масса», «натуральный норматив», «единство кассы», «воздушные ящики» и др.).

Во-вторых, профессионализмы чаще всего могут употребляться в специальных актах, рассчитанных на соответствующего адресата².

Таким образом, представляется обоснованным выделять в качестве самостоятельной разновидности юридического стиля и языка – стиль и язык интерпретационных актов.

Характеристика языка, стиля интерпретационных актов предполагает изучение свойств, *во-первых, вытекающих из его общности с другими разновидностями юридического языка; во-вторых, раскрывающих его особое место; в-третьих, связанных со спецификой отдельных раз-*

¹ Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. С. 155-157.

² Там же. С. 157.

новидностей актов толкования, прежде всего, нормативных и казуальных.

§ 3. Специальные средства юридической техники интерпретационных актов

Проблема специальных средств юридической техники в современной юридической литературе освещена достаточно глубоко.

Задачей настоящего параграфа является изучение специальных средств юридической техники *интерпретационных актов* в их взаимосвязи со специальными средствами юридической техники как таковой, выделение их общих и особенных характеристик.

К специальным средствам юридической техники в научной литературе относят *юридическую терминологию, юридические конструкции, а также правила и приемы изложения содержания актов*¹.

Само слово «термин» (от лат. *terminus* – граница, предел) рассматривается в гуманитарных науках как «понятие; слово; слово, выражающее понятие», в логике – как «составной элемент суждения». *Терминология* определяется как «специальный язык, совокупность специальных и искусственных знаков, употребляемых в науке или искусстве»².

Термин в юридическом смысле – это словесное обозначение понятия, используемое при изложении содержания правового акта³.

В литературе к основным признакам термина относят:

- 1) адекватность отражения содержания понятия, смысловую однозначность;
- 2) логическую соотнесенность его с другими родовидовыми терминами (родовидовая системность);
- 3) профессиональный уровень практического употребления (терминология техническая, химическая, медицинская, спортивная, правовая и т. д.)⁴.

Наряду с указанными свойствами *термину* присущ еще такой признак, как стилистическая нейтральность. В нем нет экспрессивности, эмоциональной окрашенности при обозначении предмета. Для него главное – логическая и предметная направленность, а не эстетические украшения и субъективные интонации⁵.

Юридическая терминология является важнейшим средством изложения содержания правовых предписаний, обусловливающим точность и экономичность юридического языка. В юридической литературе

¹ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 106.

² Краткая философская энциклопедия. С. 452.

³ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 107.

⁴ См.: Место терминологии в системе современных наук. М., 1970. С. 68.

⁵ Язык закона. С. 60.

выработаны некоторые критерии классификации используемых терминов.

Так, *по степени распространения и использования* выделяют общераспространенные и специальные термины (юридические, технические, медицинские, экономические и т.п.).

По видам юридических документов – терминологию нормативного акта, нормативного договора, правоприменительного акта, акта толкования права.

По источнику возникновения термина – русскоязычные термины и иностранные термины.

По степени определенности – требующие толкования и однозначные.

По степени сложности – односоставные и многосоставные.

По волевому содержанию – императивные и диспозитивные.

По стилю изложения – официальные, строгие и неофициальные, обыденные¹.

Кроме того, различают:

- термины общеправовые, межотраслевые и отраслевые;
- закрепленные законодательно и используемые в правовой науке (последние не обязательно фиксируются в законе (например, «правосознание», «диспозиция юридической нормы»)²;
- дефинированные (специально определенные) и не дефинированные в законе.
- общеупотребимые³; общеупотребимые, имеющие в нормативном акте более узкое, специальное значение⁴;

¹ Щугрина Е.С. Указ. соч. С. 60-62.

² Язык закона. С. 65.

³ Общеупотребимые термины – это обычные, широко распространенные наименования предметов, качеств, признаков, действий, явлений, которые в одинаковой мере используются в бытовой речи, в художественной и научной литературе, в деловых документах, в законодательстве. Такие термины просты, общепонятны. В законодательстве они используются в общепринятом значении и никакого специального смысла в себе не содержат («находка», «массовые отравления» и т. д.).

⁴ Многие термины, взятые из обыденного языка, получают в нормативном акте особое, более точное, *специальное* значение. Их преимущество по сравнению с общеупотребимыми в том, что при максимальной краткости они наиболее точно обозначают нужное понятие. Скажем, термин «груз» как таковой не является юридическим. Однако он приобретает данное качество, если законодатель определенным образом выразил к нему свое отношение. Подобных терминов (ср.: «потерпевший», «жалоба», «третье лицо», «сделка» и т. д.) в нормативных актах много. Они составляют костяк юридической терминологии, несут основную смысловую нагрузку в законодательстве. Объясняется это, с одной стороны, тем, что право регулирует множество различных сфер общественных отношений, а значит, не может обойтись без обычной терминологии; с другой – тем, что максимальная точность изложения мысли законодателя требует терминологической однозначности. Важно, чтобы *специальное* значение общеупотребимого термина было очевидным. Обычно таким терминам в акте даются определения. Если этого нет, значение термина определяется исходя из общего контекста. При первом употреблении термина со специальным значением во избежание чрезмерно широкого или неточного толкования уместно давать к нему соответствующие нормативные разъяснения.

сугубо юридические¹; технические².

К основным *общим* требованиям, предъявляемым к использованию юридической терминологии, свойственным языку права как таковому, можно отнести следующие.

Во-первых, *системность* терминологии, то есть ее внутреннюю согласованность, обусловленную логикой самого права. Юридические термины составляют сложную органическую систему, находятся между собой в разнообразных связях.

Наиболее распространенными связями терминологии является связь *согласования* (преступление – административное правонарушение – деликт), *субординации* (нормативный акт как родовое понятие и конкретные его виды как видовые). Взаимозависимость терминов заключается также в том, что из одного, представляющего собой гнездовое слово, образуются устойчивые словосочетания, отражающие близкие понятия. Например, посредством термина «право» образуются такие словосочетания-термины, как «правоотношение», «правосознание», «правонарушение», «правомочие» и др. От термина «иск» происходят связанные с ним термины «истец», «исковое производство», «исковая давность», «исковое заявление» и др.

Во-вторых, *стабильность* терминологии, что предполагает устойчивость значения термина, недопустимость произвольного изменения его содержания³. Названная характеристика, конечно, не означает абсолютной незыблемости юридических понятий, подобное противоречит самой динамичной природе права, способного изменяться вместе с развитием общественной жизни, отношений. Вместе с тем предложенное свойство особенно значимо для терминологии актов толкования, оно обуславливает пределы толкования, недопустимость давать отличные от толкуемого акта определения понятий, что связано с природой самого толкования.

В-третьих, *единство* терминологии. Употребляемые термины (с учетом контекста) должны иметь одинаковое смысловое наполнение независимо от того, в каком акте они употребляются⁴.

В-четвертых, *рациональность* терминологии, что подразумевает экономичное использование терминологических ресурсов, незагромождение текста акта излишними терминами, использование уже имеющихся юридических понятий.

¹ Как и любая иная сфера общественной жизни, юриспруденция не может обойтись без особой терминологии, которая *специально* выработана законодателем для регулирования общественных отношений. Специальные юридические термины, как правило, лаконично и относительно точно обозначают понятие, применяемое в юриспруденции («истец», «судимость», «неустойка», «дознание» и т. д.).

² Язык закона. С. 69.

³ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. С. 108.

⁴ Керимов Д.А. Законодательная техника. С. 66.

К *специфическим требованиям*, свойственным терминологии *интерпретационных актов*, можно отнести требования *адекватности, доступности, определенности*.

Требование *адекватности* терминологии подразумевает использование в тексте акта толкования терминов в значении, *тождественном* их смыслу, закладываемому интерпретируемым актом.

Например, В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях термин *должностные лица* подразумевает:

- лиц, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющих функции представителя власти;
- лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации;
- руководителей и других работников иных организаций;
- лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица¹.

А Уголовный кодекс Российской Федерации под должностными лицами понимает только:

- лиц, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющих функции представителя власти;
- лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации².

Следовательно, в текстах актов, толкующих положения названных федеральных законов, термин «должностное лицо» нужно использовать в соответствующем смысле.

Так, Высший Арбитражный Суд в п. 7 Постановления Пленума от 30.07.2003 № 16 разъяснил, что «оценивая правомерность применения к индивидуальным предпринимателям административной ответственности, установленной статьей 14.5 Кодекса, судам следует исходить из того, что поскольку данной статьей не определено иное, названные субъекты несут ответственность, предусмотренную для *должностных лиц*».

Требование *доступности* терминологии предполагает необходимость обозначения содержащихся в тексте акта толкования норм права понятий с помощью наиболее распространенных терминов. Данное требование исходит из необходимости достижения основной задачи акта толкования – *разъяснения* смысла толкуемых актов, что обуславливает нежелательность возникновения необходимости вторичной интерпрета-

¹ См. примечание к ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

² См. примечание к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

ции актов толкования. В случаях вынужденного использования сложных терминов иногда целесообразно их заменять кратким словесным описанием, например, *договор контрактации* можно заменять словосочетанием *купля-продажа сельскохозяйственной продукции*.

Иллюстрацией названной характеристики может послужить п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2002 № 14: «... субъектом преступления, предусмотренного статьей 219 УК РФ, является лицо, на которое была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (*например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативно-правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.*)»).

Требование *определенности* терминологии вытекает из сказанного – любой специальный юридический, тем более технический, термин должен в тексте акта толкования норм права определяться специально, максимально полно и однозначно. При этом определение должно быть кратким и ясным, содержать ключевое слово (существительное), вокруг которого группируются прилагательные и иные части речи, фиксирующие основные признаки явления. В толковании понятия недопустимо использование термина, требующего дополнительных объяснений. Иными словами, нельзя объяснять определяемое слово через определяемое слово¹.

Например, п. 1 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда содержит *отсутствующее в законодательстве определение правил пожарной безопасности* – «комплекс положений, устанавливающих обязательные требования пожарной безопасности, содержащиеся в Федеральном законе «О пожарной безопасности», в принимаемых в соответствии с ним федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации, иных нормативных правовых актах, нормативных документах уполномоченных государственных органов, в частности, стандартах, нормах и отраслевых правилах пожарной безопасности, инструкциях и других документах, направленных на предотвращение пожаров и обеспечение безопасности людей и объектов в случае возникновения пожара».

Юридические конструкции в качестве специальных технических средств права определяются как способы сочетания прав, обязанностей, ответственности, льгот, поощрений, запретов и т. п. в тексте юридического документа.

¹ Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 64.

Юридические конструкции – это своеобразные модельные построения прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, в которые облекается «юридический материал». Так, в уголовном праве действует принцип презумпции невиновности, в гражданском праве – принцип презумпции виновности. Исходя из этих принципов все участники правоотношений наделяются соответствующим объемом прав и обязанностей¹.

В тексте интерпретационных актов юридические конструкции являются достаточно эффективным способом выражения содержания акта. Например, формулировка п. 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 г. № 11 – «...арбитражным судам подведомственны дела по спорам о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации коммерческих организаций, а также иных организаций, деятельность которых связана с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности» – апеллирует юридической конструкции *подведомственности*, предполагающей комплекс взаимосвязанных прав и обязанностей суда и участвующих в деле лиц.

Представляется, что особенности использования юридических конструкций в текстах интерпретационных актов *аналогичны* требованиям, предъявляемым к использованию терминологии: *адекватности, доступности, определенности*.

Приемы и правила изложения содержания акта толкования норм права затрагивают их стиль и язык, а также внутреннее строение акта.

К способам изложения юридического текста обычно относят *абстрактный* и *казуистический* способы (приемы).

Первый характеризуется *абстрактностью* и *обобщенностью* изложения правовых предписаний. Второй исходит из *индивидуальных* признаков понятий, использует метод *перечисления* конкретных ситуаций, случаев (казусов).

В качестве примера применения абстрактного способа можно привести положение п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40: «В соответствии со ст. 63 УК РФ перечень *отягчающих обстоятельств* является *исчерпывающим* и *расширительному толкованию не подлежит*».

Примером казуистического способа изложения может служить положение п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 г. № 14-П: «Экономические отношения в кредитной сфере могут нормально функционировать, только если принципы их регулирования являются подлинно правовыми, *т.е. воплощающими идеи справедливости, свободы, всеобщего и равного для всех субъектов права*

¹ Шугрина Е.С. Указ. соч. С. 27.

масштаба». Или там же: «По смыслу статьи 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, все кредиторы, будь то *граждане-вкладчики, коммерческие организации или публично-правовые образования*, должны иметь равные возможности при заключении мирового соглашения и выработке его условий». Или положение п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 1999 г. № 84: «Невозполнимой в суде может быть признана такая неполнота произведенного дознания или предварительного следствия, для устранения которой требуется, *в частности, проведение следственных действий, связанных с собиранием новых доказательств или установлением других лиц, причастных к совершению преступления, либо производство следственных действий в другой местности или в значительном объеме*».

К особенностям применения рассматриваемых средств юридической техники интерпретационных актов можно отнести следующее.

Во-первых, преимущественное использование *казуистического* способа изложения содержания акта.

Во-вторых, использование *смешанного* способа изложения, включающего черты как абстрактного, так и казуистического способов.

Первая особенность связана с необходимостью *доступного* разъяснения содержания норм права. Абстрактный способ рассчитан на применителя с достаточно высоким уровнем общей и правовой культуры, обладающего, по крайней мере, основами правовых знаний. Казуистический же способ более доступен, основан на прирожденной способности человека строить логические связи, зачастую не требует специальных знаний.

В юридической литературе признанным считается мнение о преимуществе абстрактного способа, с его возможностью выразить более высокий уровень юридической техники¹. Вместе с тем казуистический способ представляется зачастую более удобным, способным выразить достаточно сложные правовые категории.

Смешанный способ изложения предполагает соединение общих, абстрактных приемов изложения текста и индивидуальных характеристик явлений, одновременно свидетельствует о достаточно высоком уровне юридической техники и вместе с тем позволяет с большей определенностью и точностью выразить содержание правового положения. Названный способ является наиболее распространенным средством юридической техники интерпретационных актов.

В качестве примера смешанного приема изложения содержания текста акта толкования можно привести положение п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 11: «Порочащими являются такие не соответствующие действитель-

¹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 112.

ности сведения, *содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов* (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица»¹.

Таким образом, юридическая техника интерпретационных актов использует специальные технические средства, характерные для юридической техники как таковой.

Специальные средства юридической техники интерпретационных актов составляют *юридическая терминология, юридические конструкции*, а также *правила и приемы изложения содержания актов*.

К *специфическим требованиям*, свойственным *исключительно терминологии* интерпретационных актов, а также использованию *юридических конструкций* в их текстах, относятся требования *адекватности, доступности, определенности*.

Особенностями *применения* средств юридической техники интерпретационных актов являются:

во-первых, преимущественное использование *казуистического* способа изложения содержания акта;

во-вторых, использование *смешанного* способа изложения, включающего черты как абстрактного, так и казуистического способов.

¹ Курсивом выделены элементы абстрактного способа, в скобках — казуистического.

Библиография

1. Барак Аарон. Судейское усмотрение / Аарон Барак. - М., Норма, 1999. - 364 с.
2. Абдрасулов Е.Б. Практика толкования закона в странах СНГ в переходный период / Е.Б. Абдрасулов // Правоведение. - 2002. - № 4.
3. Абрамова И.Г. Целостность и управление / И.Г. Абрамова. - М., 1974.
4. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве / М.Г. Авдюков. - М., 1970.
5. Адилкариев Х. Судебная практика как источник нормотворчества / Х. Адилкариев // Советская юстиция. - 1991. - № 4.
6. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. - СПб., 1838.
7. Александров Н.Г. Применение норм советского социалистического права / Н.Г. Александров. - М., 1958.
8. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. - Свердловск, 1973. - Т.2. - С. 195.
9. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права / С.С. Алексеев. - Свердловск, 1965.
10. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. - М., 1999.
11. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права / С.С. Алексеев. - М., 1987. - С. 398.
12. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2 / С.С. Алексеев. - М., 1982. - С. 268.
13. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып.3. Правовые акты: учеб. пособие / С.С. Алексеев; отв. ред. Ю. Г. Судницын. - Свердловск, 1966.
14. Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России / В. Анишина // Российская юстиция. - 2000. - № 7.
15. Антипов Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов. - Новосибирск, 1989.
16. Арутюнян Г.Г. Проблемы совершенствования системы конституционного правосудия / Г.Г. Арутюнян // Журнал российского права. - 1999. - № 9.
17. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность / Е.Н. Атарщикова. - СПб., 1998.
18. Баглай М.В. Конституционное правосудие в России: становление и развитие / М.В. Баглай // Журнал российского права. - 2001. - № 10.
19. Барщевский М. Решения Конституционного суда – правовые маяки в море политических и экономических страстей / М. Барщевский // Российская юстиция. - 2003. - № 12.

20. Бахрах Д.Н. Акты правосудия как источники административного права / Д.Н. Бахрах, А.Л. Бурков // Журнал российского права. - 2004. - № 2.

21. Безина А. Конкретизация права в судебной практике / А. Безина, В. Лазарев // Советская юстиция. - 1968. - № 2.

22. Белкин А.А. Юридические акты: сроки действия / А.А. Белкин // Правоведение. - 1993. - № 6.

23. Белкин А.А. Юридические акты: обладание силой и действием / А.А. Белкин // Правоведение. - 1993. - № 5.

24. Березина Е.А. Толкование договора как вид юридического толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Е.А. Березина. - Екатеринбург, 2001.

25. Бержель Ж.-Л. Общая теория права: пер. с фр./ Ж.-Л. Бержель. - М., 2000. С. 423.

26. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. / Г. Берман. - 2-е изд.-М., 1998.

27. Берченко А.Я. Применение советского социалистического права/ А.Я. Берченко. - М., 1960.

28. Боботов С.В. Конституционная юстиция/ С.В. Боботов. - М., 1994.

29. Боботов С.П. Судебное толкование законов: Теория и практика/ С.В. Боботов // Юридический Консультант. - 1997. - № 9.

30. Боброва В. Конституционные (уставные) суды вынесли уже 250 решений / В. Боброва // Российская юстиция. - 2001. - № 5.

31. Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства / А.И. Бобылев // Государство и право. - 1998. - № 2.

32. Богдановская И.Ю. Прецедентное право/ И.Ю. Богдановская. - М., 1993.

33. Бойцова В.В. Судейское усмотрение / В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова, Барак Аарон // Правоведение. - 2000. - № 3.

34. Бойцова В.В. Судебный прецедент: зарубежный опыт и российские перспективы / В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова // Российский судья. - 1999. - № 3.

35. Бойцова Л.В. Толкование сомнений в пользу подсудимого в судебном разбирательстве / Л.В. Бойцова // Правоведение. - 1989. - № 3.

36. Большая российская юридическая энциклопедия // Кодекс. Электронная версия.

37. Большой советский энциклопедический словарь. - М., 1986.

38. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. - М., 1991. - Т. I.

39. Большой юридический словарь. - М., 2000.

40. Бошно С.В. Судебная практика: способы выражения / С.В. Бошно // Государство и право. - 2003. - № 3.

41. Бошно С.В. Соотношение понятий «источник» и «форма права» /С.В. Бошно // Юрист. – 2001. - № 10.
42. Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе/С.Н. Братусь. - М., 1975.
43. Бро Ю.Н. Проблемы применения советского права/ Ю.Н. Бро. - Иркутск, 1980.
44. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие/ А.А. Брудный. - М., 1998.
45. Васильев Р.Ф. Акты управления: значение, проблема исследований, понятие/ Р.Ф. Васильев. - М., 1987.
46. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов/ Е.В. Васьковский. - М., 2002.
47. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: практ. пособие/ Е.В. Васьковский. - М., 1997.
48. Ващенко Ю.С. Филологическое толкование норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Ю.С. Ващенко. - Саратов, 2002.
49. Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. - М., 1990.
50. Веденев Ю.А. Решения Конституционного Суда РФ в правоприменительной деятельности избирательных комиссий («круглый стол» в ЦИК РФ) /Ю.А. Веденев, В.Е. Кораблин // Государство и право. – 1998. - № 8.
51. Венгеров А.Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР // Советское государство и право.- 1969. - № 10.
52. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы/ А.Б. Венгеров // Ученые записки ВНИИСЗ. - М., 1966.
53. Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть 2. Теория права. Т. 1/ А.Б. Венгеров. - М., 1996.
54. Ветчинкина З.М. Герменевтика как способ толкования скрытого смысла текста/ З.М. Ветчинкина // <http://tsu.tmn.ru/frgf/No4/text2.htm>
55. Вилкова Н.Г. Международные правила толкования торговых терминов Инкотермс 2000 / Н.Г. Вилкова// Государство и право. – 2000. - № 9.
56. Вильнянский С.И. Значение логики в применении правовых норм/С.И. Вильнянский// Ученые записки Харьк. юрид. ин-та. - 1948. - Вып. 3.
57. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве /С.И. Вильнянский // Ученые труды ВИЮН. Вып. 9. - М., 1947.
58. Виноградов В.В. О задачах стилистики/В.В. Виноградов // Избр. труды. О языке художественной прозы. - М., 1980.
59. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и зна-

чение /Н.В. Витрук// Конституционное право: восточноевропейское обозрение. - 1999. - № 3(28).

60. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: Судебное конституционное право и процесс /Н.В. Витрук. - М., 1998.

61. Власенко Н.А. Законодательная технология: (Теория. Опыт. Правила): учеб. пособие/Н.А. Власенко. - Иркутск, 2001.

62. Власенко Н.А. Основы законодательной техники/ Н.А. Власенко. - Иркутск, 1995.

63. Власенко Н.А. Язык права/Н.А. Власенко. - Иркутск, 1997.

64. Власова Т.В. Прецедентное право Англии: теоретико-сравнительный анализ /Т.В. Власова. - М., 2002.

65. Воеводин Л. Толкование норм советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Л. Воеводин. - М., 1950.

66. Вопленко Н.Н. О понятии и функциях правотворческого толкования/ Н.Н. Вопленко// Правовая политика и правовая жизнь. - № 1. - 2003.

67. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права/ Н.Н. Вопленко. - М, 1976.

68. Вопленко Н.Н. Толкование социалистического права/ Н.Н. Вопленко. - Волгоград, 1990.

69. Вопленко Н.Н. Акты толкования норм советского социалистического права: автореф. дис. ...канд. юрид. наук/ Н.Н. Вопленко. - Саратов, 1972.

70. Вопленко Н.Н. Следственная деятельность и толкование права/ Н.Н. Вопленко. - Волгоград, 1978.

71. Вопленко Н.Н. Толкование социалистического права/ Н.Н. Вопленко. - Волгоград, 1990.

72. Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: дис. ... канд. юрид. наук/Д.А. Гаврилов. - Волгоград, 2000.

73. Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2000.

74. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики/Х.Г. Гадамер. - М., 1988.

75. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации /Г.А. Гаджиев // Северо-Кавказский юридический вестник. - 1997. - №3.

76. Гаджиев Г.Н. Непосредственное применение судами конституционных норм/Г.А. Гаджиев // Российская юстиция. - 1995. - № 12.

77. Герард-Рене де Гроте. Язык и право /д'Гроте Герард-Рене // Журнал российского права. - 2002. - № 7.

78. Герменевтика: история и современность. - М., 1985.

79. Голунский С.А. Теория государства и права/ С.А. Голунский, М.С. Строгович. - М., 1940.

80. Гриб В.В. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование /В.А. Гриб, М.В. Баранова // Юрист. – 2001. - № 7.

81. Григорьев Ф.А. Признаки и классификация актов применения права /Ф.А. Григорьев// Вопросы теории государства и права. Вып.1 / под ред. М.И. Байтина. - Саратов, 1968.

82. Григорьев Ф.А. Акты применения норм советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Ф.А. Григорьев. - Саратов, 1971.

83. Громов Н.А. Толкование и аналогия в уголовном судопроизводстве /Н.А. Громов // Журнал российского права. - 2000. - № 5-6.

84. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права/ Г. Гроций. - М., 1956.

85. Гук П.А. Судебный прецедент в России: теория и практика /П.А. Гук // Правоведение. – 2001. - № 4.

86. Гурова Т.В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права в России /Т.В. Гурова // Атриум. – 1997. - № 3.

87. Давид Р. Основные правовые системы современности: пер. с фр./Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. - М., 1999.

88. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации /В.В. Демидов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. - № 3.

89. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума /В. Дильтей // Вопросы философии. - 1988. - № 4.

90. Докусов А.М. Русские писатели о языке/А.М. Докусов. - Л., 1955.

91. Долгова А.И. Знать и использовать закон/А.И. Долгова. - М., 1987.

92. Дорохова А.Б. Роль судебного прецедента в правовой системе (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук/А.Б. Дорохова. - М., 2001.

93. Драма российского закона. - М., 1996.

94. Дридзе Т.М. Уровень семиотической подготовки и функционирование массовой информации в обществе /Т.М. Дридзе // Вопросы философии. – 1976. - № 11.

95. Дроздов Г.В. Правовая природа разъяснений закона высшими органами судебной власти /Г.В. Дроздов // Советское государство и право. – 1992. – № 1.

96. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права/ И.Я. Дюрягин. - Свердловск, 1973.

97. Дюрягин И.Я. Гражданин и закон/И.Я. Дюрягин. - М., 1989.

98. Ершов В.В. Статус суда в правовом государстве/ В.В. Ершов. - М., 1992.

99. Ефимичев С. Конституция Российской Федерации и ее толкование Конституционным Судом РФ / С. Ефимичев // Уголовное право. - 1999. - № 3.

100. Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. - М., 1998.

101. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы совершенствования: сб. ст.: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. - Н. Новгород, 2001.

102. Законодательная техника: науч.-практ. пособие/ под ред. Ю.А. Тихомирова. - М., 2000.

103. Захариев Васил. Тълкуване на правото/В. Захариев. - София, 1959.

104. Зеленская Л.Ю. Принципы интерпретации текста в Московско-Тарусской семиотической школе. Историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук/Л.Ю. Зеленская. - М., 2000.

105. Зивс С.Л. Источники права/ С.Л. Зивс. - М., 1981.

106. Зиновьев А.В. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики) / А.В. Зиновьев, Н.И. Уткин, М.А. Митюков, А.М. Барнашов // Правоведение. - 2000. - № 2.

107. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве/ И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. - М., 1994.

108. Исаев М.И. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права/ М.И. Исаев// Ученые записки ВИЮН. - 1947. - Вып. 5.

109. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве/ В.Б. Исаков. - М.: Юрид. лит., 1984.

110. Исаков Н.В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования /Н.В. Исаков, А.В. Малько, О.В. Шополина// Правоведение. - 2002. - № 3.

111. Калинин А.Ю. Форма (источник) права как категория в теории государства и права /А.Ю. Калинин, С.А. Комаров // Правоведение. - 2000. - № 6.

112. Каминская В.И. Роль Верховного Суда СССР в развитии социалистического права/В.И. Каминская// Сов. государство и право. - 1948. - № 6.

113. Карасев М.Н. Некоторые аспекты толкования норм права /М.Н. Карасев// Журнал российского права. - 2000. - № 11.

114. Карташов В.Н. Применение права/В.Н. Карташов. - Ярославль, 1980.

115. Карташов В.Н. Методика изучения и обобщения юридической практики/В.Н. Карташов. - Ярославль, 1989.

116. Карташов В.Н. Понятие и структура юридической деятельности // В.Н. Карташов. Научные труды. - Ярославль, 1989.
117. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность/В.Н. Карташов. - Саратов, 1989.
118. Карташов В.Н. Опубликование (обнародование) актов юридического толкования /В.Н. Карташов, А.Н. Шаронов// Актуальные проблемы теории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Карташов. - Ярославль, 2002. - Вып. 2.
119. Кац А.К. Толкование норм гражданского процессуального права /А.К. Кац// Проблемы применения норм гражданского процессуального права. - Свердловск, 1976.
120. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие/Д.А. Керимов. - М., 2000.
121. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества/Д.А. Керимов. - М., 1991.
122. Кечежян С.Ф. О понятии источника права / С.Ф. Кечежян // Ученые записки МГУ. Вып. 11.- М., 1946.
123. Клеандров М.И. Об уставных судах субъектов Российской Федерации / М.И. Клеандров// Российский юридический журнал. - 1997. - № 3.
124. Клык Н.Л. Проблемы применения и толкования гражданского законодательства: метод. материалы по спецкурсу/Н.Л.Клык. - Красноярск, 1998.
125. Ковтун Н. Дефекты законодательной техники вызывают трудности в правоприменении /Н. Ковтун // Российская юстиция. - 2001. - № 8.
126. Ковтун Н.Н. Постановления Конституционного Суда РФ по уголовно-процессуальным вопросам: проблемы законодательной техники и практического применения /Н. Ковтун // Государство и право. - 2001. - № 11.
127. Кожевников В.В. Толкование норм права / В.В. Кожевников //Юрист. - 2000. - № 4.
128. Козлов В.А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/В.А. Козлов. - Л., 1972.
129. Колесников Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права/Е.В. Колесников // Правоведение. -2001. - № 2-3.
130. Комиссаров К.И. Обязательность толкования закона судом второй инстанции /К.И. Комиссаров // Советская юстиция. - 1960. - № 6.
131. Кононов А. Принцип определенности правовой нормы в конституционном судопроизводстве /А. Кононов // Уголовное право. - 1999. - № 2.
132. Коткавирта Ю. Герменевтика и деконструкция/Ю. Коткавирта. - СПб., 1999.

133. Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук/ В.В. Кошелева. - Саратов, 1999.
134. Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Кошелева. - Саратов, 1999.
135. Кравец И.А. О правовой природе конституционной герменевтики /И.А. Кравец // Право и политика. - 2003. - № 1.
136. Кравец И.А. Конституционная герменевтика: проблемы определения и роль в правовой системе /И.А. Кравец // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. - № 1.
137. Красноярова Н.И. Толкование коммерческих договоров /Н.И. Красноярова, О.А. Капельстая // Ученые записки института государства и права Тюменского государственного университета. Вып. 1. - Тюмень, 2000.
138. Краткая философская энциклопедия. - М., 1994.
139. Краткий словарь иностранных слов/ под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. - М., 1952.
140. Кросс Р. Прецедент в английском праве /Р. Кросс. - М., 1985.
141. Крусс В.И. Юридическая техника - юридическая герменевтика, конституционный порядок /В.И. Крусс // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000.
142. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации/В.А. Кряжков. - М., 1999.
143. Кузнецов В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления/В.Г. Кузнецов // Логос. - 1999. - № 10.
144. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание/В.Г. Кузнецов. -М.,1991.
145. Купенко О. Толкование права по объему /О. Купенко// Творчество студентов и будущее права. - Пермь, 2000.
146. Лазарев В.В. Применение советского права/В.В. Лазарев. - Казань, 1972.
147. Лазарев В.В. О роли доктринального толкования / В.В. Лазарев // Советская юстиция. – 1969. - № 14.
148. Лазарев В.В. Применение советского права/В.В. Лазарев. - Казань, 1972.
149. Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права /Л.В. Лазарев // Журнал российского права. - 1997. - № 11.
150. Лаптев П. Нельзя забывать, что Россия - часть европейского правового пространства (изложение доклада Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.

Лаптева на V Всероссийском съезде судей) : П. Лаптев // Российская юстиция. – 2001. - № 3.

151. Лаптев П.А. О правосубъектности индивида в свете международно-правовой защиты прав человека /П.А. Лаптев // Журнал российского права. - 1999. - № 2.

152. Лаптев П.А. Стандарты Совета Европы и правовая система РФ /П.А. Лаптев // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. - М., 1998. - С. 52-63.

153. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права / Р.З. Лившиц // Журнал российского права. – 1997. - № 7.

154. Липпот И. Законодательство и толкование законов: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. / пер. с нем. /И. Липпот // Право и политика. - 2001. - № 9.

155. Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки/А.Б. Лисюткин // Государство и право. - 2001. - № 11.

156. Логический словарь-справочник / под ред. Н.И. Кондакова. - М., 1975.

157. Лузин В.В. Методы толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США /В.В. Лузин // Государство и право. – 1997. - № 10.

158. Лукашевич В.З. Конституционный Суд РФ не может и не должен подменять законодателя /В.З. Лукашевич, И.А. Комарова // Правоведение. – 2001. – № 2.

159. Лукашук И.И. О применении международного права судами России /И. И. Лукашук // Государство и право. – 1994. - № 2.

160. Лушинская П. Судебные решения: содержание и форма / П. Лушинская // Российская юстиция. – 2001. - № 11.

161. Лучин В.О. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ/В.О. Лучин, О.Н. Доронина. - М., 1998.

162. Лучин В.О. Конституционные деликты /В.О. Лучин // Государство и право. – 2000. - № 1.

163. Лучин И.О. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права /И.О. Лучин, М.Г. Мойсеенко // Теоретические проблемы российского конституционализма: сборник. - М., 2000.

164. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса/П.И. Люблинский. – Пг., 1917.

165. Максуров А.А. Правовые акты как отражение формы координационной деятельности /А.А. Максуров // Государственная власть и местное самоуправление. - 2001. - № 2.

166. Малинова И.П. Юридическая герменевтика и правопонимание/И.П. Малинова. - Екатеринбург, 1999.

167. Малков В.П. Толкование как способ преодоления противоречий в уголовном законодательстве Российской Федерации /

В.П. Малков // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. - М., 1994.

168. Малый толковый словарь русского языка / сост. В.В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. - М., 1990.

169. Малышев А.А. Некоторые проблемы языка и стиля процессуальных документов /А.А. Малышев // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2000. - № 6.

170. Мартынчик Е. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике /Е. Мартынчик, Э. Колоколова // Российская юстиция. - 1994. - № 12.

171. Марченко М.Н. Источники романо-германского права: понятие, виды, классификация /М.Н. Марченко // Вестн. МГУ. Серия 11. Право. - 2000. - № 2.

172. Марченко М.Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецеденты /М.Н. Марченко // Вестн. МГУ. Серия 11. Право. - 1999. - № 4.

173. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов/М.Н. Марченко. - М., 2001.

174. Матеров Н.В. О языке решений арбитражного суда / Н.В. Матеров, Г.В. Судаков // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. - 2000.- № 3.

175. Место терминологии в системе современных наук. - М., 1970.

176. Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации/Л.А. Микешина // Вопросы философии. - 1999. - № 11.

177. Митрофанов Ю.А. Толкование закона в Великобритании и его нормативное регулирование /Ю.А. Митрофанов // Закон: создание и толкование. - М., 1998.

178. Митюков М.А. Акты Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов РФ и некоторые вопросы их исполнения /М.А. Митюков // Рабочие материалы Всероссийского совещания «Проблемы исполнения решений...» (Москва, 22 марта 2001 г.). - М., 2001.

179. Митюков М. Толкование региональных конституций и уставов /М. Митюков // Российская юстиция. - 2000. - № 8.

180. Митюков М.А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ /М.А. Митюков // Журнал российского права. - 2001. - № 6 (продолжение в № 7).

181. Митюков М.А. Толкование конституций конституционными судами государств-участников СНГ /М.А. Митюков // Журнал российского права. - 1998. - № 4-5.

182. Михалык Я.С. Применение социалистического права в период развёрнутого строительства коммунизма/Я.С. Михалык. - М., 1963.

183. Мицайков М. Иерархия в праве /М. Мицайков// Вестн. МГУ. Серия 11. Право. - 1999. - № 6.
184. Мишель Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности/Фуко Мишель. - М., 1996.
185. Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права /Л.А. Морозова // Государство и право. - 2004. - № 1.
186. Морозова Л.А. Современное состояние российского законодательства и его систематизация /Л.А. Морозова // Государство и право. - 1999. - № 2-3.
187. Морозова Л.А. Юридическая техника (Обзор материалов научно-методического семинара) /Л.А. Морозова // Государство и право. - 2000. - № 11-12.
188. Мотовиловкер Я.О. Уголовно-процессуальная норма: логическое толкование /Я.О. Мотовиловкер // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. - Ярославль, 1993.
189. Муллаунов А. К вопросу о конституционной юстиции /А. Муллаунов // Конституционное и муниципальное право. - 2001. - № 2.
190. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты и проблемы) /Г.И. Муромцев // Правоведение. - 1992. - № 2.
191. Муромцев Г.И. Юридическая техника (некоторые теоретические проблемы) /Г.И. Муромцев // Правоведение. - 2000. - № 1.
192. Надеев Р. Законотворческие ошибки /Р. Надеев // Российская юстиция. - 2001. - № 4.
193. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика/ Т.Я. Насырова. - Казань, 1988.
194. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского закона: Понятие, содержание и роль в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Т.Я. Насырова. - М., 1985.
195. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского закона и правотворчество / Т.Я. Насырова, В.В. Лазарев // Правоведение. - 1988. - № 2.
196. Наумов В.И. Толкование норм права: учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов/В.И. Наумов. - М., 1998.
197. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. - М., 1981.
198. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника/ А. Нашиц. - М., 1974.
199. Не будет ни революций, ни контрреволюций: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2001 году // Российская газета. - 2001. - № 66.
200. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм /П.Е. Недбайло. - М., 1960.

201. Нестик Т.А. Тема внутреннего слова у Августина: мышление и время /Т.А. Нестик // Вопросы философии. - 1998. - № 10.
202. Николаев Е.А. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: определение, юридическая природа, имплементация в правовую систему /Е.А. Николаев // Политика и право. - 2002. - № 3.
203. Николов Л. Структура человеческой деятельности/ Л. Николов. - М., 1984.
204. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина и В.К. Бабаева. - Саратов, 1987.
205. Обыденнов А.Н. Правоположения судебной практики/ А.Н. Обыденнов // Журнал российского права. - № 1. - 2002.
206. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - 4-е изд. - М., 1999.
207. Окушева Р.Т. Теория и практика классификации нормативно-правовых актов в республике Татарстан (некоторые вопросы)/ Р.Т. Окушева // Государство и право. - 1999. - № 8.
208. Осипов А.В. Толкование права /А.В. Осипов // Теория государства и права: курс лекций/ под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. - М., 1997. - С. 450.
209. Перетерский И.С. Толкование международных договоров /И.С. Перетерский // отв. ред. С.Б. Крылова и Г.И. Тункина. - М., 1959.
210. Петелина И.В. Теоретические проблемы российской правовой системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/И.В. Петелина. - Саратов, 1996.
211. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности/Л.И. Петражицкий. - СПб., 2000.
212. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения /А.С. Пиголкин // Закон: создание и толкование. - М., 1998.
213. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР/ А.С. Пиголкин. - М., 1962.
214. Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Пиголкин. - Л., 1962.
215. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения /А.С. Пиголкин // Закон: создание и толкование. - М., 1998.
216. Пиголкин А.С. Рецензия на книгу «Вопросы толкования советского права» /А.С. Пиголкин, В.М. Серых // Советское государство и право. - 1973. - № 12.
217. Пионтковский А.А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов /А.А. Пионтковский. - М., 1954.

218. Питерская А.Л. Официальное толкование норм Конституции Российской Федерации высшими судебными органами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.Л. Питерская. - М., 2003.

219. Пишина С.А. Правоинтерпретационные ошибки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ С.А. Пишина. - Н. Новгород, 2000.

220. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства /С.В. Поленина // Советское государство и право. – 1987. – № 7.

221. Половова Л.В. Функции интерпретационной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Л.В. Половова. - Н. Новгород, 2001.

222. Половова Л.В. Функции интерпретационной практики /Л.В. Половова. - Ульяновск, 2002.

223. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /О.В. Попов. - Казань, 2004.

224. Проблемы применения норм гражданского процессуального права: сб. науч. трудов. - Свердловск, 1986.

225. Проблемы судебного права: сб. статей - М., 1983.

226. Проблемы юридической техники: сб. статей / под ред. В.М. Баранова. - Н. Новгород, 2000.

227. Протасов В.Н. Юридическая процедура /В.Н. Протасов. - М., 1991.

228. Прянишников Е.А. Опыт лингвистического исследования текста закона /Е.А. Прянишников // Всесоюзная научно-техническая конференция «Проблема автоматизированной обработки научно-технической информации». - М., 1976.

229. Пряхина Т.М. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика /Т.М. Пряхина, Б.С. Эбзеев, Т.Я. Хабриева // Государство и право. – 1998. - № 12.

230. Пшеничников М.А. Законотворческая техника современной России: состояние проблемы, совершенствование (обзор материалов) /М.А. Пшеничников, И.Н. Бокова, М.В. Баранова // Юрист. – 2001. - № 7.

231. Рабинович П.М. О юридической природе целей правовых актов /П.М. Рабинович // Правоведение. – 1971. - № 5.

232. Рез Р.С. Об обязательной силе толкования норм гражданского права /Р.С. Рез // Вестн. ЛГУ. № 17. - Л., 1958. - С. 126.

233. Решенкин А.Г. О языке судопроизводства и стиле судебного акта /А.Г. Решенкин, Н.В. Павлов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. -2001. - № 7.

234. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика /П. Рикер // Московские лекции и интервью / Российская академия наук, институт философии. - М., 1995.

235. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/ П. Рикер. - М., 1995.

236. Романова О.В. Правовые позиции Конституционного Суда России по вопросам нормотворчества федеральных органов (1994-1999 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Романова. - М., 2002.

237. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации /О.В. Романова // Государство и право. - 2001. - № 7.

238. Руткевич А.М. Глубинная герменевтика Ю. Хабермаса /А.М. Руткевич // Проблемы философской герменевтики. - М., 1990.

239. Савицкий В.Я. Язык процессуального закона: вопросы терминологии/В.Я. Савицкий. - М., 1987.

240. Самощенко И.С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах /И.С. Самощенко // Советское государство и право. - 1969. - № 3.

241. Сандевуар П. Введение в право/ П. Сандевуар. - М., 1994.

242. Сарбаш С.В. Некоторые тенденции развития института толкования договора в гражданском праве /С.В. Сарбаш // Государство и право. - 1997. - № 2.

243. Соловьева Г.Г. Дильтей и Арно: категория понимания /Г.Г. Соловьева // Проблемы философской герменевтики: сб. статей. - М., 1990.

244. Соцуρο Л.В. Неофициальное толкование норм права / Л.В. Соцуρο. - М., 2000.

245. Соцуρο Л.В. Различие между неофициальным и официальным толкованием права /Л.В. Соцуро // Юрист. - 1999. - № 7.

246. Соцуро Л.В. Роль неофициального толкования в обеспечении законности правоприменения /Л.В. Соцуро // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. - Волгоград, 1991.

247. Соцуро Л.В. Толкование условий договора / Л.В. Соцуро // Арбитражный и гражданский процесс. - 2000. - № 3.

248. Спасов Б.П. Закон и его толкование: пер. с болг. /Б.П. Спасов. - М., 1986.

249. Специфика философской интерпретации: Обзор // Вопросы философии. - 1999. - № 11.

250. Спиркин С.Г. Философия/ С.Г. Спиркин. - М., 1999.

251. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. - М., 1996.

252. Страшун Б.А. Федеральное конституционное право России. Основные источники: предисловие к сб./Б.А. Страшун. - М., 1996.

253. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. - М., 1975.

254. Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. - М., 1997.

255. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование /В.В. Суслов // Государство и право. - 1997. - № 6.

256. Суслов В.А. Герменевтический аспект законодательного толкования /В.А. Суслов // Правоведение. - 1997. - № 1.

257. Сухинина И. Жанр и язык постановлений Конституционного Суда РФ /И. Сухинина // Российская юстиция. - 2001. - № 10.

258. Сырых В.М. Теория государства и права/В.М. Сырых. - М., 1998.

259. Сырых Е.В. Разработку проблем юридической техники - на уровень потребностей практики /Е.В. Сырых // Журнал российского права. - 1999. - № 12.

260. Таева Н.Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Н.Е. Таева. - М., 2005.

261. Тарасов Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) / Н.Н. Тарасов // Правоведение. - 2001. - № 1.

262. Тарасова В.В. Акты судебного толкования правовых норм/ В.В. Тарасова. - Саратов, 2002.

263. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.А. Тенетко. - Екатеринбург, 1999.

264. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. - М., 1962.

265. Теория государства и права. - М., 1996. - Ч. 2. - Т. 1.

266. Теория государства и права: Часть 1. Теория государства / под ред. А.Б. Венгерова. - М., 1995.

267. Теория государства и права / под ред. В.М. Карельского, В.Д. Перевалова. - М., 1997.

268. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - М., 1997.

269. Теория государства и права: конспект лекций/ под ред. А.В. Малько. - М., 1999.

270. Терюкова Е.Ю. Правовые акты в процессе осуществления конституционного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук/ Е.Ю. Терюкова. - М., 1999.

271. Терюкова Е.Ю. Правовые акты в процессе осуществления конституционного правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Е.Ю. Терюкова. - М., 1999.

272. Титов В.Д. Принцип свободы воли в философско-правовом дискурсе: История и современность / В.Д. Титов, С.Д. Цалин // Прикладная психология. - 1999. - № 1.

273. Тиунов О. Решения Конституционного Суда и международное право /О. Тиунов // Российская юстиция. - 2001. - № 10.

274. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: учеб. и науч.-практ. пособие/ Ю.А. Тихомиров. - М., 2000.
275. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения/ Ю.А. Тихомиров. - М., 1996.
276. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 1999. - № 11.
277. Тихомиров Ю.А. Правовые акты: учеб.-практ. и справ. пособие/ Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. - М., 1999.
278. Тихонравов Ю.В. Основы философии права: учеб. пособие/ Ю.В. Тихонравов. - М., 1997.
279. Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права /И.С. Тишкевич // Советское государство и право. – 1955. - № 6.
280. Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ С.Г. Ткачева. - М., 1973.
281. Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение/ Ю.Г. Ткаченко. - М., 1955.
282. Токарев Б.Я. Логический и исторические методы в теоретическом исследовании права/ Б.Я. Токарев. – Ростов н/Д, 1986.
283. Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» / В.А. Туманов // Советское государство и право. – 1980. - № 3.
284. Фарбер И.Е. Сущность и способы применения советского закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ И.Е. Фарбер. - М., 1951.
285. Фарбр Р. Роль судебной практики в развитии права / Р. Фарбр// СССР – Франция: социологический и международно-правовой аспекты сравнительного правоведения. - М., 1987.
286. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий /отв. ред. Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. - М., 1996.
287. Филиппов С.В. Судебная система США/ С.В. Филиппов. - М., 1980.
288. Философия. Часть I. История философии: учеб. пособие для вузов. - М., 1996.
289. Философия культуры. Становление и развитие. - СПб., 1998.
290. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. - М., 1987.
291. Хабриева Т.Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции /Т.Я. Хабриева // Правоведение. – 1998. - № 1.
292. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика/Т.Я. Хабриева. - М., 1998.
293. Хабриева Т.Я. Толкование Российской Конституции в свете норм международного права /Т.Я. Хабриева // Российская правовая система и международное право. Часть I. - Н. Новгород, 1996.
294. Хадеггер М. Время и бытие/ М. Хадеггер. - М., 1991.

295. Цихоцкий А.В. Судебное нормотворчество: научная дилемма о компетенции суда в современных условиях / А.В. Цихоцкий // Вестник международной академии бизнеса и банковского дела. Серия Юриспруденция. - 1998. - № 1.

296. Чепурнов Н. Конституционный (уставный) суд как орган судебного контроля за законностью правовых актов субъекта Федерации / Н. Чепурнов // Российская юстиция. - 1999. - № 3.

297. Чепурнова Н. Решения Конституционного Суда РФ как образец юридической гармонии / Н. Чепурнова // Российская юстиция. - 2001. - № 10.

298. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права / А.Ф. Черданцев. - Свердловск, 1972.

299. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. Екатеринбург, 2002. - Ч. 1.

300. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. Екатеринбург, 2002. - Ч. 2.

301. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. - М., 1979.

302. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права / А.Ф. Черданцев. - Свердловск, 1972.

303. Черданцев А.Ф. Гносеологическая природа толкования права / А.Ф. Черданцев // Советское государство и право. - 1972. - № 11.

304. Черданцев А.Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Черданцев. - Свердловск, 1972.

305. Шаргородский М.Д. Уголовный закон / М.Д. Шаргородский. - М., 1947.

306. Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона. Актуальные вопросы советского уголовного права. [Отдельный оттиск из Ученых записок ЛГУ. Серия юридических наук № 182] / М. И. Шаргородский, Н. С. Алексеев. - Л., 1954.

307. Шаргородский М.Д. Толкование Уголовного закона / М.Д. Шаргородский. - Л., 1948.

308. Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона. Некоторые задачи советской правовой науки в настоящее время. [Отдельный оттиск - из Ученых записок ЛГУ. Серия юридических наук № 187] / М. И. Шаргородский. - Л., 1955.

309. Шаргородский М.Д. Толкование уголовного закона. Основные этапы истории советского уголовного права. [Отдельный оттиск из Ученых записок ЛГУ. Серия юридических наук № 107] / М. И. Шаргородский. - Л., 1949.

310. Шаронов А.Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Шаронов. - Н. Новгород, 2004.

311. Шепенко Р.А. Понятие "двуязычное законодательство": Юридическое толкование в Гонконге / Р.А. Шепенко // Современное право. - 2001. - № 10.
312. Шимановский М.В. Толкование 1129 ст. Уст. Граж. Судопр./ М.В. Шимановский. - Одесса, 1888.
313. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона/ А.С. Шляпочников. - М., 1960.
314. Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Шляпочников. - М., 1960.
315. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона/ А.С. Шляпочников. - М., 1960.
316. Шугрина Е.С. Техника юридического письма/ Е.С. Шугрина. - М., 2000.
317. Щепельков В.Ф. Формально-логические основания толкования уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ В.Ф. Щепельков. - Волгоград, 1998.
318. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права/ Б.В. Щетинин. - М., 1969.
319. Эбзеев Б.С. Толкование конституции конституционным судом Российской Федерации: Теоретические и практические проблемы /Б.С. Эбзеев // Государство и право. - 1998. - № 5.
320. Эль Могази Зль Бодрави Ахмед. Обязательное толкование международных договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Ахмед Эль Могази Зль Бодрави. - М., 1993.
321. Элькинц П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права/ П.С. Элькинц. - М., 1967.
322. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 20.
323. Энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. - М., 1963.
324. Эрделевский А. Толкование договора /А. Эрделевский // Российская юстиция. - 1999. - № 4.
325. Эффективность закона: Методология и конкретные исследования / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. - М., 1997.
326. Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве /М.К. Юков // Правоведение. - 1979. - № 5.
327. Юридическая техника (обзор материалов научно-методического семинара) // Государство и право. - 2000. - № 11, 12; Юрист. - 2001. - № 7.
328. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. - М., 1997.
329. Юртаева Е.А. Законодательная техника в Российской империи и некоторые методические вопросы преподавания юридических дисциплин в вузах /Е.А. Юртаева // Юридическое образование и наука. - 2001. - № 2.

330. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений/ Л.С. Явич. - М., 1961.

331. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. - М., 1980.

332. Яковлева Л.В. Судебный прецедент в уголовно-процессуальном праве (дискуссионные вопросы) /Л.В. Яковлева // Юрист-правоведъ. – 2001. - № 2 (3).

333. Яценко В.Н. Применение подзаконных нормативных правовых актов в судебной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ В.Н. Яценко. - М., 2003.

334. Ячевский В.В. Предмет исследования - неофициальное толкование норм российского права /В.В. Ячевский // Журнал российского права. – 1998. - № 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К главе 1

1. Положение «О порядке подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России» от 18 июля 2000 г. № 115-п (опубликовано в «Вестнике Банка России» от 26.07.2000).

Настоящее Положение устанавливает порядок подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России по вопросам применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов, а также нормативных актов Банка России.

1. Общие положения

1.1. **Официальные разъяснения** Банка России по вопросам применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов (кроме нормативных актов Банка России) **являются актами толкования права** и могут приниматься Банком России только в случаях, если это прямо предусмотрено федеральными законами для случаев толкования федеральных законов, иными нормативными правовыми актами для случаев толкования указанных нормативных правовых актов.

1.2. Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения нормативных актов Банка России являются актами толкования нормативных актов Банка России и принимаются в случаях необходимости восполнения пробела правового регулирования по предмету нормативного акта Банка России.

1.3. Официальные разъяснения Банка России не могут устанавливать норм права, не могут относиться к нормативным актам Банка России и не требуют регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьей 6 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" и Положением Банка России "О порядке подготовки и вступления в силу нормативных актов Банка России" от 15 сентября 1997 года № 519 для нормативных актов Банка России.

1.4. Официальные разъяснения Банка России обязательны для применения субъектами, на которых распространяет свою силу нормативный правовой акт, по вопросам применения которого издано официальное разъяснение Банка России.

1.5. Официальные разъяснения Банка России издаются в виде акта, называемого "Официальное разъяснение Банка России".

2. Порядок подготовки, регистрации, опубликования и учета официальных разъяснений Банка России

2.1. Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов разраба-

тываются структурными подразделениями Банка России, в компетенции которых находится вопрос, требующий восполнения пробела правового регулирования.

Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения нормативных актов Банка России разрабатываются структурными подразделениями Банка России, ответственными за подготовку нормативного акта Банка России, по предмету которого существует необходимость восполнения пробела правового регулирования.

Официальные разъяснения Банка России могут разрабатываться структурными подразделениями по поручению руководства Банка России либо в инициативном порядке. Официальные разъяснения Банка России могут быть подготовлены на основании запросов федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, территориальных учреждений Банка России и кредитных организаций. При опубликовании официального разъяснения, разработанного по запросу федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в тексте официального разъяснения должна быть сделана ссылка на орган, явившийся инициатором подготовки официального разъяснения Банка России.

2.2. Проект официального разъяснения Банка России подлежит согласованию:

- с руководителем структурного подразделения, ответственным за подготовку официального разъяснения, либо его заместителями;

- с заместителем Председателя Банка России, курирующим вопросы, затрагиваемые в официальном разъяснении;

- с руководителем структурного подразделения, вопросы которого затрагиваются в официальном разъяснении, либо его заместителями;

- с руководителем Сводного экономического департамента либо его заместителями;

- с руководителем Департамента бухгалтерского учета и отчетности либо его заместителями;

- с руководителем Юридического департамента либо его заместителями;

- с руководителем Административного департамента либо его заместителем, курирующим вопросы документационного обеспечения, а в их отсутствие - с начальником управления документооборота.

Официальное разъяснение Банка России, представляемое на подпись Председателю Банка России, должно быть завизировано редактором нормативных актов до момента представления проекта официального разъяснения для согласования Административным департаментом Банка России. Официальное разъяснение, представляемое на подпись заместителю Председателя Банка России, может быть завизировано редактором нормативных актов до момента представления проекта офици-

ального разъяснения для согласования с Административным департаментом Банка России.

Согласование производится в порядке, установленном нормативными и распорядительными актами Банка России по вопросам делопроизводства в центральном аппарате Банка России. Ответственность за соблюдение установленного порядка согласования несет руководитель структурного подразделения Банка России, ответственный за подготовку официального разъяснения.

2.3. Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов подписываются Председателем Банка России.

Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения нормативных актов Банка России могут быть подписаны Председателем Банка России или заместителями Председателя Банка России, в компетенции которых находится вопрос, требующий восполнения пробела правового регулирования, за исключением случаев принятия нормативного акта, по предмету которого дается официальное разъяснение, решением Совета директоров Банка России.

Официальное разъяснение применения нормативного акта Банка России, принятого решением Совета директоров Банка России, подлежит подписанию Председателем Банка России.

2.4. Официальные разъяснения Банка России после их подписания должны быть зарегистрированы в тот же день в Административном департаменте Банка России в установленном порядке. Дата регистрации официального разъяснения Банка России считается датой его принятия.

Дата и регистрационный номер официального разъяснения Банка России проставляются в верхней части документа перед указанием вида акта.

Для регистрации передаются оригинал официального разъяснения Банка России, экземпляр с визами, а также список рассылки, оформленный в установленном порядке и содержащий запись о необходимости передачи официального разъяснения Банка России для опубликования в "Вестнике Банка России".

Официальные разъяснения Банка России регистрируются отдельно от других актов Банка России и иных документов.

Регистрационный номер официального разъяснения Банка России состоит из порядкового цифрового номера в отдельном документарном массиве официальных разъяснений Банка России (вне зависимости от года издания) и буквенного знака "ОР", стоящего через дефис после порядкового номера.

2.5. Официальные разъяснения Банка России по вопросам применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов подлежат опубликованию в "Вестнике Банка России".

К официальному опубликованию принимается копия подлинного текста официального разъяснения Банка России, заверенная печатью

Административного департамента Банка России. Копия официального разъяснения Банка России передается в "Вестник Банка России" соответствующим подразделением Административного департамента Банка России не позже дня, следующего за днем регистрации официального разъяснения Банка России Административным департаментом Банка России. Контроль за точностью воспроизведения текста официального разъяснения Банка России, опубликованного в "Вестнике Банка России", осуществляет структурное подразделение Административного департамента Банка России в установленном порядке.

Официальные разъяснения Банка России могут передаваться структурным подразделением Банка России, отвечающим за взаимодействие Банка России со средствами массовой информации, для опубликования в иных средствах массовой информации в порядке, установленном нормативными актами Банка России.

2.6. Официальные разъяснения Банка России рассылаются в соответствии со списком рассылки не позже следующего рабочего дня после регистрации.

2.7. Оригинал официального разъяснения Банка России, а также экземпляр с визами хранятся в установленном порядке в соответствующем структурном подразделении Административного департамента Банка России. Копия официального разъяснения Банка России передается в Юридический департамент для учета и ведения контрольного экземпляра официального разъяснения Банка России.

Правила учета и ведения контрольного экземпляра официального разъяснения Банка России устанавливаются нормативными актами Банка России.

3. Заключительные положения

3.1. Настоящее Положение вступает в силу с момента опубликования в "Вестнике Банка России".

3.2. С момента вступления в силу настоящего Положения пункт 3.2.10.1 Инструкции Банка России по делопроизводству в центральном аппарате Банка России от 23 декабря 1997 года № 68-И применяется в части подготовки указаний оперативного характера, содержащих разъяснения нормативных актов Банка России, только по вопросам разъяснения нормативных актов Банка России, направленных для использования в работе структурных подразделений Банка России, его территориальных учреждений и организаций при Банке России¹.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2006 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О связи» в связи с запросом Думы Корякского автономного округа»².

¹ Приведенное Положение является примером так называемого «акта об актах» - нормативного документа, специально принятого в целях определения порядка издания интерпретационных актов.

² Приводится извлечение из резолютивной части постановления Конституционного Суда.

...руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 80 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения абзацев первого и второго пункта 2 статьи 22, абзацев первого и четвертого пункта 2, пунктов 4, 5 и 10 статьи 24 и пункта 4 статьи 30 Федерального закона "О связи", определяющие компетенцию государственной комиссии по радиочастотам, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в соответствии с этими положениями - по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - государственная комиссия по радиочастотам не является органом исполнительной власти, а ее решения в качестве межведомственного координационного органа, действующего при Министерстве информационных технологий и связи Российской Федерации, приобретают обязательный характер по-прежнему, поскольку утверждаются данным полномочным федеральным органом исполнительной власти в области связи либо согласованным решением этого органа и других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти...

4. Признать взаимосвязанные положения пунктов 2 и 3 статьи 59 и статьи 60 Федерального закона "О связи", закрепляющие обязанность операторов сети связи общего пользования осуществлять отчисления в резерв универсального обслуживания, который создается в целях обеспечения возмещения операторам универсального обслуживания убытков, причиняемых оказанием универсальных услуг связи, и средства которого формируются и расходуются в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, в той мере, в какой они, наделяя Правительство Российской Федерации данным полномочием, не определяют существенные элементы указанных неналоговых фискальных платежей (сбора) - объект и базу, максимальный размер ставки или его критерии (с учетом регулярной основы их взимания), которые для таких платежей должны быть установлены непосредственно законом, **не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 35 (части 2 и 3), 55 (часть 3) и 57.**

Исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления Федеральному Собранию надлежит внести необходимые изменения и дополнения в Федеральный закон "О связи", а Правительству Российской Федерации - привести принятые им нормативные правовые акты в соответствие с такими изменениями и дополнениями в сроки, необходимые для их учета в федеральном бюджете на 2007 год.

Признанные неконституционными положения пунктов 2 и 3 статьи 59 и статьи 60 Федерального закона "О связи", а также основанные на них положения нормативных правовых актов во всяком случае утрачивают силу не позднее 1 января 2007 года¹.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»².

В целях правильного применения законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю, а также принимая во внимание, что у судов при рассмотрении указанных дел возникли вопросы, требующие разрешения, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Исходя из содержания пункта 6 части 1 статьи 23 ГПК РФ дела, возникающие из трудовых отношений, за исключением дел о восстановлении на работе и дел о признании забастовки незаконной, подсудны мировым судьям независимо от цены иска.

2. Исходя из смысла подпункта 1 пункта 1 статьи 333.36 части второй Налогового кодекса Российской Федерации к истцам, которые освобождаются от уплаты государственной пошлины по искам о взыскании заработной платы (денежного содержания) и иным требованиям, вытекающим из трудовых правоотношений, а также по искам о взыскании пособий, относятся работники, а не работодатели...

6. В силу статьи 240 ТК РФ работодатель вправе с учетом конкретных обстоятельств, при которых был причинен ущерб, полностью или частично отказаться от возмещения ущерба виновным работником.

Исходя из содержания статьи 240 ТК РФ такой отказ допустим независимо от того, несет ли работник ограниченную материальную ответственность либо материальную ответственность в полном размере, а также независимо от формы собственности организации.

7. Если работодателем заявлено требование о возмещении работником ущерба в пределах его среднего месячного заработка (статья 241 ТК РФ), однако в ходе судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, с которыми закон связывает наступление полной материальной ответственности работника, суд обязан принять решение по заявленным истцом требованиям и не может выйти за их пределы, поскольку в силу части 3 статьи 196 ГПК РФ такое право предоставлено суду только в случаях, предусмотренных федеральным законом...

¹ Рассматриваемое постановление по своей природе является сложносоставным правовым актом, элементы, характеризующие его интерпретационный характер – подчеркнуты, правотворческий – выделены полужирным шрифтом, индивидуально-властные – выделены курсивом.

² Приводится в извлечении.

10. Судам необходимо иметь в виду, что в силу части второй статьи 243 ТК РФ материальная ответственность в полном размере может быть возложена на заместителя руководителя организации или на главного бухгалтера при условии, что это установлено трудовым договором. Если трудовым договором не предусмотрено, что указанные лица в случае причинения ущерба несут материальную ответственность в полном размере, то при отсутствии иных оснований, дающих право на привлечение этих лиц к такой ответственности, они могут нести ответственность лишь в пределах своего среднего месячного заработка.

Невозможность привлечения работника к полной материальной ответственности по пункту 5 части первой статьи 243 ТК РФ не исключает право работодателя требовать от этого работника полного возмещения причиненного ущерба по иным основаниям...

12. Согласно пункту 6 части первой статьи 243 ТК РФ материальная ответственность в полном размере причиненного ущерба может быть возложена на работника в случае причинения им ущерба в результате административного проступка, если таковой установлен соответствующим государственным органом...

14. Если иск о возмещении ущерба заявлен по основаниям, предусмотренным статьей 245 ТК РФ (коллективная (бригадная) материальная ответственность за причинение ущерба), суду необходимо проверить, соблюдены ли работодателем предусмотренные законом правила установления коллективной (бригадной) материальной ответственности, а также ко всем ли членам коллектива (бригады), работавшим в период возникновения ущерба, предъявлен иск. Если иск предъявлен не ко всем членам коллектива (бригады), суд, исходя из статьи 43 ГПК РФ, вправе по своей инициативе привлечь их к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика, поскольку от этого зависит правильное определение индивидуальной ответственности каждого члена коллектива (бригады).

15. ...Под ущербом, причиненным работником третьим лицам, следует понимать все суммы, которые выплачены работодателем третьим лицам в счет возмещения ущерба. При этом необходимо иметь в виду, что работник может нести ответственность лишь в пределах этих сумм и при условии наличия причинно-следственной связи между виновными действиями (бездействием) работника и причинением ущерба третьим лицам.

16. Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что работник обязан возместить причиненный ущерб, суд в соответствии с частью первой статьи 250 ТК РФ может с учетом степени и формы вины, материального положения работника, а также других конкретных обстоятельств снизить размер сумм, подлежащих взысканию, но не вправе полностью освободить работника от такой обязанности.

При этом следует иметь в виду, что в соответствии с частью второй статьи 250 ТК РФ снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не может быть произведено, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях¹.

К главе 2

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2006 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений частей четвертой, пятой и шестой статьи 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации»².

...Руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать часть четвертую статьи 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой кассовое обслуживание исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации осуществляется Федеральным казначейством, не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащаяся в ней норма предполагает, что Федеральное казначейство не вправе распоряжаться средствами бюджета субъекта Российской Федерации, определять направления их расходования и санкционировать выплаты с единого счета бюджета субъекта Российской Федерации, при том что проведение и учет операций по кассовым поступлениям в бюджет субъекта Российской Федерации и кассовым выплатам из него с обязательным предоставлением финансовому органу субъекта Российской Федерации отчетности о кассовом исполнении бюджета осуществляется Федеральным казначейством в целях централизованного учета информации о состоянии публичных финансов в целом на основе реализации конституционных полномочий Российской Федерации по финансовому регулированию, обеспечивающему наиболее эффективное функционирование всей бюджетной системы и оптимальную организацию межбюджетных отношений.

2. Признать часть пятую статьи 215.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащаяся в ней норма, согласно которой по соглашению с исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации полномочия Федерального казначейства по кассовому обслуживанию исполнения бюджета субъекта Российской Федерации могут быть переданы исполнительным органам государственной

¹ Приведенные пункты постановления характеризуют его в качестве интерпретационного акта.

² Приводится резолютивная часть постановления.

власти субъекта Российской Федерации, предполагает, что Российская Федерация в целях соблюдения баланса интересов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации гарантирует соблюдение порядка заключения соответствующего соглашения, а при наличии разногласий по проекту соглашения обеспечивает использование предусмотренных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством согласительных процедур¹.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»².

Обсудив практику применения судами Российской Федерации процессуальных норм, регламентирующих постановление приговора по делам, рассмотренным в порядке общего судопроизводства, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что по большинству уголовных дел приговоры выносятся в строгом соответствии с законом.

Вместе с тем при постановлении приговоров все еще допускаются недостатки и ошибки, вызванные ненадлежащим выполнением некоторыми судами требований гл. 39 УПК РФ. В результате имеют место неединичные случаи вынесения незаконных и необоснованных приговоров, что влечет их отмену или изменение вышестоящими судебными инстанциями. Кроме того, в практике постановления приговоров возникли вопросы, требующие своего разрешения.

В целях устранения имеющихся недостатков и дальнейшего совершенствования судебной деятельности Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

5. Обратить внимание судов на необходимость соблюдения требований закона о содержании вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей приговора.

На основании ч. 4 ст. 304 УПК РФ по каждому делу должны быть выяснены и указаны в вводной части приговора фамилия, имя и отчество подсудимого, дата и место его рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности подсудимого, имеющие значение для дела.

Разъяснить, что к иным сведениям о личности подсудимого, имеющим значение для дела, относятся такие сведения, которые наряду с другими данными могут быть учтены судом при назначении наказания, вида исправительной колонии, признании рецидива преступлений и разрешении других вопросов, связанных с постановлением приговора. Это, в частности, данные об имеющейся у подсудимого инвалидности, наличии у него государственных наград, почетных, воинских и иных званий, о прежних судимостях. При этом в отношении лиц, ранее судимых, в вводной части приговора должны содержаться сведения о времени осу-

¹ Пример акта нормативного толкования Конституционного Суда Российской Федерации.

² Приводится в извлечении.

ждения, уголовном законе, мере наказания, содержании в местах лишения свободы, основании и времени освобождения, неотбытой части наказания по предыдущему приговору. Если судимости сняты или погашены, суд не вправе указывать их в вводной части приговора.

В приговоре необходимо привести всесторонний анализ доказательств, на которых суд основал выводы, при этом должны получить оценку все доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого. В случаях, когда в деле имеется несколько заключений экспертов, содержащих различные выводы по одним и тем же вопросам, суду следует дать в приговоре оценку каждому из них в совокупности с другими доказательствами по делу и привести мотивы, по которым он согласился с одним из заключений и отверг другие.

В описательно-мотивировочной части приговора должно быть также отражено отношение подсудимого к предъявленному обвинению и дана оценка доводам, приведенным им в свою защиту. В случае изменения подсудимым показаний, данных им при производстве дознания или предварительного следствия, суд обязан тщательно проверить те и другие его показания, выяснить причины изменения показаний и дать им оценку в совокупности с иными собранными по делу доказательствами...

8. В приговоре необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, его части либо пункту. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (тяжкие или особо тяжкие последствия, крупный или значительный ущерб, существенный вред, ответственное должностное положение подсудимого и другие), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

По делу в отношении нескольких подсудимых или по делу, по которому подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, суд должен обосновать квалификацию в отношении каждого подсудимого и в отношении каждого преступления...

13. Суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 УПК РФ о необходимости мотивировать в приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания.

В частности, в описательно-мотивировочной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о назначении наказания в виде лишения свободы, если санкция уголовного закона предусматривает и другие наказания, не связанные с лишением свободы; о необходимости условного осуждения подсудимого; о назначении наказания ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом за данное преступление, или переходе к другому, более мягкому наказанию; о неприменении дополнительного наказания; о лишении

воинского или специального звания; о назначении вида исправительной колонии.

14. При назначении наказания и вида исправительного учреждения суды при наличии оснований обязаны в описательно-мотивировочной части приговора со ссылкой на часть, пункт ст. 18 УК РФ указать о наличии в действиях подсудимого вида рецидива преступлений.

15. В соответствии с законом наказание в приговоре во всех случаях должно быть обозначено таким образом, чтобы при его исполнении не возникало никаких сомнений относительно вида и размера наказания, назначенного судом. В связи с этим судам надлежит иметь в виду, что в силу ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны: вид и размер не только основного, но и дополнительного наказания, назначенного осужденному за каждое преступление, признанное доказанным; основная и дополнительная мера наказания, подлежащая отбыванию осужденным по совокупности преступлений и, в соответствующих случаях, приговоров.

При назначении наказания за определенные преступления ниже низшего предела санкции закона в резолютивной части приговора должно быть указано, что это наказание определяется по соответствующей статье (части, пункту статьи) с применением ст. 64 УК РФ.

При наличии у осужденного к лишению свободы несовершеннолетних детей, других иждивенцев, а также престарелых родителей, нуждающихся в постороннем уходе, в резолютивной части обвинительного приговора в силу ст. 313 УПК РФ должно быть также указано о передаче их на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо о помещении их в детские или социальные учреждения.

При постановлении оправдательного приговора в его описательно-мотивировочной части указывается существо предъявленного обвинения, излагаются обстоятельства дела, установленные судом, приводятся основания оправдания подсудимого и анализируются доказательства, обосновывающие вывод суда о невиновности подсудимого, приводятся мотивы, по которым суд отверг доказательства, положенные в основу обвинения. Включение в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного, не допускается.

В случае постановления оправдательного приговора в отношении лица, обвинявшегося в совершении нескольких преступлений, квалифицированных несколькими статьями (пунктами, частями статей) уголовного закона, суд должен в описательно-мотивировочной части приговора с приведением мотивов сформулировать вывод о признании обвинения необоснованным по каждой статье (пункту, части статьи, эпизоду обвинения) с указанием соответствующего основания оправдания, предусмотренного законом...

18. В резолютивной части оправдательного приговора следует указать, по какому из предусмотренных законом оснований подсудимый оправдан по каждой статье (пункту, части статьи) уголовного закона.

В резолютивной части оправдательного приговора должны содержаться также указания об отмене меры пресечения и другие решения суда, которые в соответствии с законом подлежат отражению в этой части приговора.

В резолютивной части приговора должно содержаться указание о признании за оправданным права на реабилитацию. Одновременно с приговором реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием (ч. 1 ст. 134 УПК РФ)...

22. Приговор должен быть составлен в ясных и понятных выражениях. Исходя из этого, в приговоре недопустимо употребление неточных формулировок, использование непринятых сокращений и слов, непримлемых в официальных документах, а также загромождение приговора описанием обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. Приводимые в приговоре технические и иные специальные термины, а также выражения местного диалекта должны быть разъяснены.

Учитывая, что во всех случаях приговор провозглашается публично, суду при составлении приговора следует избегать изложения в нем не вызываемых необходимостью формулировок, в подробностях описывающих способы совершения преступлений, связанных с изготовлением наркотических средств, взрывчатых веществ и т.п., а также посягающих на половую неприкосновенность граждан или нравственность несовершеннолетних.

Обратить внимание судей на необходимость неукоснительного соблюдения требования закона о том, что исправления в приговоре должны быть оговорены и оговорки подписаны всеми судьями в совещательной комнате до провозглашения приговора. Не оговоренные и не подписанные судьями исправления, касающиеся существенных обстоятельств (например, квалификации преступления, вида и размера наказания, размера удовлетворенного гражданского иска, вида исправительной колонии), являются основанием для отмены вышестоящей судебной инстанцией приговора полностью либо в соответствующей части¹.

3. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 03.09.2003 по делу № А33-10155/03-с6².

Управлением федерального казначейства по Красноярскому краю проведена проверка использования заявителем средств федерального бюджета, выделенных на заработную плату. В результате проверки составлен акт от 06.06.2003, зафиксировавший факт нецелевого использования бюджетных средств, выразившийся в том числе в излишнем начислении премии за второй квартал 2003 г. в размере 121 956,41 руб. На

¹ Данное постановление по своей природе является актом нормативного толкования. Его особое значение заключается в том, что названный акт разъясняет требования законодательства к содержанию другого вида интерпретационных актов – актов казуального толкования. Приводится в извлечении.

² Приводится в извлечении. Судебный акт взят из архива Арбитражного суда Красноярского края.

основании акта ответчиком выдано заявителю Уведомление об уменьшении бюджетных ассигнований от 19.06.2003 № 150, известившее заявителя о взыскании с него в том числе 121 956,41 руб. использованных не по целевому назначению бюджетных средств путем уменьшения бюджетных ассигнований на указанную сумму. Данные действия расценены заявителем как нарушающие его права и законные интересы, что явилось основанием для обращения в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Системное толкование статьи 20 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статей 1, 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации позволяет отнести бюджетные отношения к сфере **экономической** деятельности, в связи с чем рассмотрение настоящего спора относится к компетенции арбитражного суда.

Пунктом 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 26.06.2002г. № 462 «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих» с **1 июля 2002 г.** установлен новый (повышенный) размер окладов военнослужащих.

Согласно пункту 4 Правил выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, премии за образцовое выполнение воинского долга, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2000 г. № 524, при исчислении премии в расчет принимаются **размеры** окладов денежного содержания, **получаемые** военнослужащими **на первое число** месяца выплаты, следующего за истекшим кварталом (месяцем).

Из материалов дела следует, что **месяцем выплаты** премии является **июль 2002 г.**, истекшим кварталом – первый квартал 2002 г., пунктом 1 Постановления Правительства «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих» новый размер окладов установлен с **1 июля 2002 г.**

Орган федерального казначейства истолковал положение пункта 4 вышеназванных Правил выплаты премии как предполагающее исчисление премии из расчета размера оклада, получаемого военнослужащими в периоде, за который выплачивается премия.

Такое толкование противоречит смыслу приведенной нормы. С грамматической точки зрения, норма пункта 4 Правил относит слово «получаемые» не к окладам, а к их **размеру**, при этом с первым числом месяца связывается не фактическое получение оклада, а **установленный размер** оклада. Следовательно, при исчислении премии в расчет принимается оклад военнослужащего, получаемый в размере, установленном на первое число месяца.

Таким образом, действия заявителя по исчислению и уплате премии из расчета размеров окладов, утвержденных с 1 июля 2002 г., являются правомерными, оспариваемый ненормативный акт – Уведомление об изменении (уменьшении) бюджетных ассигнований от 19.06.2003 № 150 противоречит Постановлению Правительства Российской Феде-

рации от 26.06.2002г. № 462 «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащих», нарушает права и законные интересы заявителя¹.

К главе 3

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации»².

2. По буквальному смыслу части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, оцениваемой во взаимосвязи с другими положениями этой статьи, словосочетание "трехкратное отклонение представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации" может означать и трехкратное отклонение кандидатуры на должность, и трехкратное отклонение представленных лиц, предлагаемых на должность. Отсюда следует, что текст статьи 111 Конституции Российской Федерации сам по себе не исключает ни одного из двух названных вариантов.

Конституционно-правовой смысл положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации может и должен быть выявлен с учетом преследуемых конституционным законодателем и заложенных в этих положениях целей.

Правовая логика статьи 111 Конституции Российской Федерации, рассматриваемой во взаимосвязи с ее статьями 83 (пункт "а"), 84 (пункт "б") и 103 (пункт "а" части 1), заключается в том, чтобы в условиях разделения государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную (статья 10 Конституции Российской Федерации) не допускать их противоборства, которое не согласуется с тем, что единственным источником, из которого они проистекают, и носителем воплощаемого ими суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации (преамбула, статья 3, части 1 и 2). Указанными принципиальными положениями, лежащими в основе организации власти в демократическом правовом государстве, обусловлена также и необходимость получения согласия Государственной Думы на назначение предложенной Президентом Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации. При этом, определяя условия и порядок назначения Председателя Правительства Российской Федерации, Конституция Российской Федерации предусматривает способы преодоления возможных разногласий ветвей власти, с тем чтобы не допустить затягивания формирования и вследствие этого - блокирования деятельности Правительства Российской Федерации как

¹ Приведенное решение является примером правоприменительного акта, обладающего чертами акта казуального толкования.

² Приводится в извлечении.

одного из институциональных элементов конституционного строя Российской Федерации (статья 11, часть 1).

3. Устанавливая функции и полномочия федеральных органов государственной власти, Конституция Российской Федерации исходит из характера их конституционных взаимоотношений. Президент Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является главой государства (статья 80, часть 1). В силу своего места в системе разделения властей Президент Российской Федерации в качестве главы государства определяет в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами основные направления внутренней и внешней политики государства (статья 80, часть 3), реализация которой возложена на Правительство Российской Федерации (статья 114, часть 1). Именно этим обусловлены полномочия Президента Российской Федерации по формированию Правительства Российской Федерации, определению направлений его деятельности и контролю за ней (статьи 83, пункты "а", "б", "в", "д"; 111; 112; 115, часть 3; 117 Конституции Российской Федерации), а также конституционная ответственность Президента Российской Федерации за деятельность Правительства Российской Федерации. Отсюда вытекает и роль Президента Российской Федерации в определении персонального состава Правительства Российской Федерации, в том числе в выборе кандидатуры и назначении на должность Председателя Правительства Российской Федерации.

Из части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с другими конституционными положениями, касающимися статуса главы государства, следует, что выбор представляемой Государственной Думе кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации является прерогативой Президента Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, не ограничивая данное право, позволяет Президенту Российской Федерации самому определять конкретный вариант его реализации, а именно вносить предложение об одном и том же кандидате дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. В свою очередь Государственная Дума участвует в назначении Председателя Правительства Российской Федерации, давая согласие или отказывая в согласии на назначение предложенной кандидатуры. При этом из Конституции Российской Федерации не вытекает возможность юридических ограничений названных правомочий участников данного процесса.

4. Провозглашенная в преамбуле Конституции Российской Федерации цель утверждения гражданского мира и согласия обуславливает и необходимость согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, которое в соответствии с Конституцией Российской Федерации обеспечивается Президентом Российской Федерации (статья 80, часть 2). Иное не отвечает конституционному предназначению государственной власти и ставит под угрозу стабильность

конституционного строя Российской Федерации как демократического правового государства.

Из статьи 111 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 10, 11 (часть 1), 80 (части 2 и 3), 83 (пункт "а"), 84 (пункт "б"), 103 (пункт "а" части 1), 110 (часть 1) и 115 (часть 1), определяющими место Правительства Российской Федерации в системе государственной власти и условия и порядок назначения его Председателя, также следует необходимость согласованных действий Президента Российской Федерации и Государственной Думы в ходе реализации своих полномочий в процедуре назначения Председателя Правительства Российской Федерации. Поэтому указанная процедура предполагает поиск согласия между ними с целью устранения возникающих противоречий по поводу кандидатуры на данную должность, что возможно на основе предусмотренных Конституцией Российской Федерации или не противоречащих ей форм взаимодействия, складывающихся в процессе реализации полномочий главы государства и в парламентской практике.

Практика применения статьи 111 Конституции Российской Федерации обнаруживает различные подходы к реализации закрепленных в ней полномочий, включая одобрение предложенной кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации при первом же представлении, представление одного и того же кандидата трижды, а также применение согласительных процедур после двухкратного отклонения кандидата. Однако в дальнейшем не исключается возможность формирования конституционного обычая, основанного и на каком-либо одном варианте взаимодействия главы государства и Государственной Думы из допускаемых частью 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации и адекватных целям стабильного функционирования конституционного строя с учетом исторического контекста.

5. По смыслу части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации, обязательным последствием трехкратного отклонения Государственной Думой представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации - вне зависимости от того, какой из возможных вариантов представления кандидатов при этом использовался, - является назначение Президентом Российской Федерации Председателя Правительства Российской Федерации, роспуск Государственной Думы и назначение новых выборов. Такой конституционно-правовой способ разрешения возникшего между Президентом Российской Федерации и Государственной Думой разногласия с использованием механизма свободных выборов соответствует основам конституционного строя Российской Федерации как демократического правового государства.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75 и 106 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Положение части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации о трехкратном отклонении представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой во взаимосвязи с другими положениями данной статьи означает, что Президент Российской Федерации при внесении в Государственную Думу предложений о кандидатурах на должность Председателя Правительства Российской Федерации вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. Право Президента Российской Федерации предлагать ту или иную кандидатуру и настаивать на ее одобрении, с одной стороны, и право Государственной Думы рассматривать представленную кандидатуру и решать вопрос о согласии на назначение - с другой, должны реализовываться с учетом конституционных требований о согласованном функционировании и взаимодействии участников этого процесса, в том числе на основе предусмотренных Конституцией Российской Федерации или не противоречащих ей форм взаимодействия, складывающихся в процессе реализации полномочий главы государства и в парламентской практике.

После трехкратного отклонения представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации - независимо от того, представлялся ли каждый раз новый кандидат либо один и тот же кандидат дважды или трижды, - Государственная Дума подлежит роспуску.

2. Согласно статье 106 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" данное Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении толкование является официальным и общеобязательным.

3. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно¹.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2007 № 7)².

¹ Данное постановление – пример акта нормативного толкования Конституционного Суда, иллюстрирующий их преимущественно научно-теоретический характер. Подчеркнуты наиболее характерные для Конституционного Суда обороты.

² Приводится в извлечении.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства по уголовным делам, связанным с нарушением правил пожарной безопасности, уничтожением или повреждением имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

3. Субъектом преступления, предусмотренного статьей 219 УК РФ, является лицо, на которое была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативно-правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.).

4. Если причиной возникновения пожара явилось нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ либо нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ, пиротехнических изделий и т.п., содеянное охватывается специальными составами преступлений (статьями 215, 216, 217, 218 УК РФ и др.) и дополнительной квалификации по статье 219 УК РФ не требует...

6. Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, влечет уголовную ответственность по части второй статьи 167 УК РФ только в случае реального причинения потерпевшему значительного ущерба. Если в результате указанных действий предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное при наличии у него умысла на причинение значительного ущерба должно рассматриваться как покушение на умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ).

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

Умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключающих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, надлежит квалифицировать по части первой статьи 167 УК РФ, если потерпевшему причинен значительный ущерб.

При решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления повре-

жденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества.

7. Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (в том числе путем неосторожного обращения с огнем) относится к числу преступлений против собственности, ответственность за которые предусмотрена главой 21 УК РФ. В связи с этим при решении вопроса о размере уничтоженного либо поврежденного имущества судам следует руководствоваться пунктом 4 примечания к статье 158 УК РФ.

(в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

8. Если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (часть вторая статьи 167 УК РФ).

В том случае, когда лицом совершен поджог своего имущества, в результате чего причинен по неосторожности вред в крупном размере чужому имуществу либо имуществу, которое являлось совместной собственностью иных лиц и виновного, действия последнего надлежит квалифицировать как уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности (статья 168 УК РФ).

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

В указанных случаях стоимость имущества, принадлежащего виновнику пожара, должна быть исключена из общего размера ущерба, причиненного в результате уничтожения или повреждения имущества, которое являлось его совместной собственностью с иными лицами.

9. Если при уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога или иным общеопасным способом виновный предвидел и желал либо не желал, но сознательно допускал наступление таких последствий своего деяния, как смерть человека либо причинение вреда здоровью потерпевшего, содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных частью второй статьи 167 УК РФ и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, - пунктом "е" части второй статьи 105 или пунктом "в" части второй статьи 111 либо статьями 112, 115 УК РФ.

10. К тяжким последствиям, причиненным по неосторожности в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества (часть вторая статьи 167 УК РФ), относятся, в частности, причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку либо причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; ос-

тавление потерпевших без жилья или средств к существованию; длительная приостановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения - электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения и т.п.

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

11. Если в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, повлекшего уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, наступила смерть человека, действия виновного квалифицируются по совокупности статей, предусматривающих ответственность за причинение смерти по неосторожности (статья 109 УК РФ) и уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (статья 168 УК РФ).

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 «№ 7)

Неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности в смысле статьи 168 и части первой статьи 261 УК РФ может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустраненными дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.).

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

12. При рассмотрении уголовных дел, связанных с уничтожением или повреждением лесов (статья 261 УК РФ), судам необходимо иметь в виду, что предметом данных преступных посягательств являются:

леса, входящие в лесной фонд в соответствии со статьей 7 Лесного кодекса Российской Федерации;

леса, не входящие в лесной фонд, т.е. расположенные на землях обороны и землях городских и сельских поселений (статья 10 Лесного кодекса Российской Федерации);

(В ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 7)

древесно-кустарниковая растительность (включая насаждения, выполняющие защитные и другие экологические функции), которая не входит в лесной фонд и в леса, не входящие в лесной фонд, произрастающая на землях транспорта (полосы отводов железнодорожных магистралей и автомобильных дорог), на землях водного фонда (полосы отвода каналов), на землях иных категорий (статья 11 Лесного кодекса Российской Федерации).

Не относятся к предмету преступления, предусмотренного статьей 261 УК РФ, деревья и кустарники, расположенные на землях сельскохозяйственного назначения (за исключением лесозащитных насаждений), на приусадебных, дачных и садовых участках, а также в лесопитомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, яв-

ляющихся продукцией товарного производства или имуществом. Уничтожение или повреждение такой древесно-кустарниковой растительности является общественно опасным деянием против собственности и при наличии признаков состава преступления квалифицируется по статьям 167 или 168 УК РФ.

13. Судам следует иметь в виду, что уголовная ответственность по части первой статьи 261 УК РФ за уничтожение или повреждение лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, наступает в случае неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, т.е. несоблюдения мер предосторожности от возникновения лесного пожара (оставление непотушенным костра, использование на территории леса машин и оборудования без искрогасителя, оставление без присмотра в лесу легковоспламеняющихся веществ и т.п.). Если указанные последствия наступили в результате умышленных действий (поджога), виновный, при наличии к тому оснований, несет ответственность по части второй статьи 261 УК РФ.

14. Вред, причиненный пожарами личности и имуществу граждани-на либо юридического лица, подлежит возмещению по правилам, изложенным в статье 1064 ГК РФ, в полном объеме лицом, причинившим вред. При этом необходимо исходить из того, что возмещению подлежит стоимость уничтоженного огнем имущества, расходы по восстановлению или исправлению поврежденного в результате пожара или при его тушении имущества, а также иные вызванные пожаром убытки (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)¹.

¹ Данное постановление является примером стиля актов нормативного толкования Верховного Суда Российской Федерации, предполагающего максимальную доступность разъяснений. Подчеркнуты наиболее характерные для указанного стиля части текста.

Научное издание

Евгений Маратович Шайхутдинов
Владимир Моисеевич Шафиров

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ
(теоретико-прикладное исследование)

Редактор Т.М. Пыжик
Корректор Н.Ф. Ткачук

Подписано в печать 08.11.2007
Бумага типографская
Усл. печ. л. 8,8
Тираж 300 экз.

Формат 60х84/16
Печать плоская
Уч.-изд. л. 9,5
Заказ **634**

Институт естественных и гуманитарных наук
Сибирского федерального университета.
660041 Красноярск, пр. Свободный, 79

Региональный учебно-методический центр
По юридическому образованию.
660099 Красноярск, ул. Железнодорожников, 17